

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственной университет»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 45

Тверь 2019

УДК 802/809(082)
ББК Ш12
И68

Отв. редактор О.С. Шумилина

И68 Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 45. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 253 с.

ISSN 2306-2282

Издание является сорок пятым выпуском межвузовского сборника статей преподавателей, аспирантов и магистрантов вузов по актуальным проблемам лингводидактики, лингвистики, теории языка, лингвокультурологии и переводоведения.

Издание представляет интерес для широкого круга специалистов в области преподавания иностранных языков, аспирантов и студентов.

УДК 802/809(082)
ББК Ш12

ISSN 2306-2282

© Коллектив авторов

© Тверской государственный университет, 2019

**Иностранные языки:
методические аспекты**

В.И. Алтаева
Е.И. Белова
Н.О. Ветлугина
Д.А. Заславнов
О.Н. Карабанова
Е.В. Кожевникова
О.В. Легостаева
И.В. Михайлова
Р.С. Муханбетжанова
Г.Н. Никищенко
К.В. Околелов
М.Ю. Пономарева
В.В. Потепкина
А.А. Чухно
О.В. Шахин
В.Н. Юрданова

УДК 82.1

ПЕСЕННЫЙ МАТЕРИАЛ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В.И. Алтаева

Забайкальский государственный университет, Чита

В статье рассматриваются преимущества использования песен при обучении английскому языку, и приводятся примеры песен для развития различных видов речевой деятельности. Анализируются критерии отбора песенного материала и обосновывается вывод об эффективности использования песенного материала на занятиях по английскому языку.

***Ключевые слова:** английский язык, обучение иностранному языку, песенный материал, коммуникативное умение, грамматические навыки, образовательная, воспитывающие функции.*

Обучение иностранному языку трудно представить без такого вида деятельности как работа с песней. Ведь именно песни современных англоязычных исполнителей представляют особый интерес для многих учащихся. Но, к сожалению, работа с песней часто сводится лишь к чтению слов песни, их переводу, прослушиванию и к совместному исполнению песни под фонограмму. Песенный материал выполняет ряд функций: на уроках английского языка вносит в процесс обучения не только креативность и разнообразие, но также помогает снять напряжение, разграничить учебные блоки занятий и переключиться с одного вида работы на другой. Легкий, непринужденный мотив и простая рифма быстро запоминаются, причем не только на период обучения, а на всю жизнь. Включая песенный материал в учебный процесс, мы решаем ряд задач:

- формируем представления об английском языке как средстве общения;
- расширяем лингвистический кругозор, развиваем личностные качества учащихся, его внимание, мышление, долговременную память и воображение.
- развиваем познавательные способности, эмоциональную сферу учащихся [Осипова <http>].

Причины использования песенного материала многообразны. Во-первых, учащиеся сразу приобщаются к культуре страны изучаемого языка. Во-вторых, при работе с этим своеобразным лингвострановедческим материалом создается хорошая предпосылка для всестороннего развития личности учащегося, ибо специально подобранный песенный материал стимулирует образное мышление и формирует хороший вкус. Песенный материал помогает внести в урок элемент праздничности, который так необходим детям.

Песенный материал в начале урока служит прекрасной формой фонетической зарядки, тренирующей органы речи до начала урока, позволяю-

щей учителю произвести переход от звуков родного языка к звукам иноязычной речи. Если единственная цель учителя – произвести фонетическую зарядку, используя слова песни, в таком случае при выборе песни необходимо руководствоваться принципом частотности звуков, встречающихся в словах песни и учитывать словарный запас учащихся. Примером может послужить сборник *Nursery Rhymes*, который автор использует в своей работе в начальных классах, дополнительно к УМК Биболевой.

Песня позволяет применять некоторые специфические упражнения, например:

- заменить некоторые части текста, фраз;
- передать измененным текстом радостное, грустное настроение – заменить слова разговорного языка из песни на их эквиваленты стандартного английского языка [Гебель 2009];
- выделить различные лексические словосочетания и выражения в тексте;
- расшифровать текст песни в малых группах, используя одноязычные толковые словари [Агапитова [http](#)].

Песенный жанр как один из важных жанров музыкального творчества благодаря наличию вербального текста способен точно и образно отразить различные стороны социальной жизни народа страны изучаемого языка. Как правило, в процессе овладения английским языком, задействованы основные виды коммуникативных умений: аудирование, говорение, чтение. Песня имеет важное обучающее значение именно для данным видов деятельности. Песни можно использовать для формирования аудитивных навыков, так как аудирование – трудный вид речевой деятельности. Именно с аудирования начинается овладение коммуникацией. Преимущество песни в том, что это тот текстовый материал, который дети любят, который им интересен, а следовательно работа с ними положительно эмоционально окрашена для ученика, что в значительной степени содействует усвоению материала.

Школьники часто напевают песни на английском, даже не понимая слов. Нельзя не согласиться с тем, что знание значений слов позволило бы им не только «блеснуть» перед своими друзьями, но и улучшить знания в английском языке [Цендрик [http](#)].

Зарубежные песни являются отличным способом для заучивания и отработки речевых клише и грамматических конструкций. Это могут быть как несложные фразы типа «What is your name?» и «How do you do?», так и сложные конструкции с неправильными глаголами, прилагательными, числительными и т.д.

К примеру, песни *As Sly as a Fox* и *Logical Song* содержат более 20 прилагательных каждая, к тому же в них нет сложных грамматических структур, что делает их идеальным материалом для использования на уроке ан-

глийского. Песня *My Eyes Can See* расскажет учащимся о частях тела и органах обоняния на английском языке.

Песни, в которых изучение лексического материала идет через движения, например *Head and shoulders, knees and toes* или *If You are Happy and You Know it* не только упрощают процесс запоминания новых слов, но и помогают выучить глаголы движения. Кроме того, информация, полученная из песен, способствует:

- закреплению грамматики и повторению времен. К примеру, в песне " встречается глагол *to be*;

- формированию произносительных навыков;

- улучшению навыков аудирования и чтения;

- развитию памяти, поскольку песни заучиваются наизусть;

Критерии, на которые стоит опираться при выборе песен на уроках английского:

- Языковая доступность, т.е. присутствие в тексте знакомых слов и выражений. Небольшое количество нового языкового материала.

- Небольшой объем песни.

- Содержание.

- Соответствие возрасту и интересам учеников.

Если песня вводится на уроке иностранного языка впервые, данный вид деятельности можно начать с выяснения отношения учащихся к пению и музыке в целом. В группе изучающих иностранный язык песня может исполняться в мини группах или хором. А в процессе предварительной работы над текстом песни, в ходе которой обычно сочетаются различные формы работы (диалог, полилог, индивидуальная и групповая работы), происходит общение учащихся, так как многие тексты песен строятся в виде монолога и диалога от первого лица. Правильное и грамотное применение данного метода помогает получить высокие результаты.

Подводя итоги, можно предположить, что на песенной основе незаметно и в непринужденной обстановке легче и быстрее запоминается грамматический и лексический материал, при этом он усваивается прочнее и откладывается в долговременной памяти учащихся. Благодаря песне развиваются такие психические процессы, как память, мышление, воображение, внимание, которые необходимы для изучения иностранного языка. Работа с песнями развивает интерес к культуре стран изучаемого языка, формирует художественный вкус, расширяет кругозор учащихся, углубляет знания языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапитова И.Н. Работа с песней при обучении английскому языку в начальной школе с использованием электронных образовательных ресурсов [Электронный ресурс] / И.Н. Агапитова. – URL: <http://pedsovet.su/english/48346>.
2. Гебель С.Ф. Использование песни на уроках иностранного языка / С.Ф. Гебель // Иностранные языки в школе. – 2009. – №5. – С.28-31.

3. Осипова Е.С. Песня как методическое средство в обучении английскому языку [Электронный ресурс] / Е.С. Осипова // Молодой ученый. – 2015. – №10.1. – С. 28-30. – URL: <https://moluch.ru/archive/90/18674>.
4. Цендрик М. Skyteach/blog [Электронный ресурс] / М. Цендрик. – URL: <https://skyteach.ru/category/authors/maria/>

SINGING MATERIAL IN TEACHING ENGLISH

V.A. Altayeva

Transbaikal State University, Chita

The article describes the advantages to using songs in teaching English at school and analyzes the criteria for the selection of songs.

Key words: *English, teaching a foreign language, singing material, communicative skill, grammatical skill, educational functions.*

Об авторе:

АЛТАЕВА Виктория Игоревна – студентка бакалавриата факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета; *e-mail:* altaevav@inbox.ru

УДК 811:378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Е.И. Белова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел

Статья посвящена проблеме использования мобильных технологий в обучении студентов иностранным языкам. Дается определение BYOD, перечисляются преимущества использования мобильных технологий в процессе обучения. Приводятся примеры коммуникативных приложений.

Ключевые слова: *мобильные технологии, BYOD, образовательные мобильные приложения.*

На современном этапе развития высшего образования в России и за рубежом невозможно представить студента или преподавателя без мобильного устройства. Причем, и те, и другие пользуются ими не только для развлечения, общения или получения информации, но и для решения учебных вопросов. И часто для реализации образовательного процесса рассматривается возможность использования специализированных мобильных приложений, которые позволяют пересмотреть организацию учебной деятельности. Они призваны решить различные педагогические задачи, организовать удаленный доступ к сетевым ресурсам и сервисам учебных заведений. Своевременность применения мобильных технологий

в образовательном пространстве обусловлена следующими предпосылками: высокий уровень распространения мобильных устройств (не редкость, когда один пользователь является владельцем двух и более устройств), устойчивый интерес к их применению, возможностью превратить медиаконтент и сопутствующее содержание в инфраструктуру образовательного и научно-исследовательского пространства [Иванченко 2013: 56].

В настоящее время среди концепций применения мобильных устройств в образовании, привлекательными достоинствами обладает концепция BYOD (bring your own device). Она предполагает использование участниками образовательного процесса своих собственных мобильных устройств и обладает существенными достоинствами:

- 1) удобство использования;
- 2) короткие сроки получения и обработки информации;
- 3) экономия времени;
- 4) использование устройств в личных целях;
- 5) свобода выбора сетевого сервиса и устройства;
- 6) возможность построения индивидуальных образовательных траекторий [Использование ... [http](#)].

Преимущества очевидны, но не следует забывать о том, что не у всех обучающихся имеются необходимые устройства. Также необходимо учитывать их психологическую готовность учиться при помощи мобильных технологий. Данные исследований подтверждают значительную зависимость обучающихся от мобильных устройств, которые обычно отвлекают их от учебного процесса. Поэтому использование специальных заданий с мобильными устройствами не только эффективно для изучения иностранного языка, но и поможет минимизировать вред от этих устройств [Титова 2013:43].

На сегодняшний день существует большое количество различных мобильных приложений и сервисов, которые можно использовать для поддержания с учащимися обратной связи в процессе обучения их иностранному языку. Их интеграция в учебный процесс в качестве технической платформы или инструмента обладает рядом существенных преимуществ по сравнению с традиционными формами работы на уроке и дома и помогает:

- усовершенствовать контроль и оценивание, так как, выполняя мобильные тесты в классе, студент получает объективные результаты, а преподаватель экономит время на промежуточном и итоговом контроле, который осуществляется мобильным приложением, тем самым давая возможность обучающему следить за работой обучающегося и вносить коррективы;
- ускорить обратную связь как с одним, так и с многими участниками

учебного процесса;

- организовать проектную деятельность путем обмена информацией и идеями, а также создавать портфолио для хранения учебных материалов;
- осуществит автономную работу учащегося;
- создать персонализированное профессионально-ориентированное мобильное пространство.

К коммуникативным приложениям, которые можно использовать как технический инструмент для общения и как информационный ресурс для создания заданий в настоящее время можно отнести:

- социальные сети: Facebook, MySpace, ВКонтакте;
- микроблог Twitter;
- Gmail электронная почта;
- Google-чат;
- системы опроса;
- системы обратной связи (SRS);
- SMS;
- QR-коды.

Например, популярные среди студентов социальные сети могут повысить мотивацию учащихся, способствовать их групповому или индивидуальному общению с преподавателем, быть площадкой для размещения и обмена учебным материалом (в том числе и мультимедийным).

Интенсивность использования данных коммуникативных приложений в процессе преподавания иностранных языков зависит от:

- формы обучения (очная, очно-заочная, дистанционная);
- целей и задач учебных программ;
- количества учебных часов, выделяемых на самостоятельную работу или работу в аудитории;
- языкового уровня группы.

В заключение стоит отметить, что использование мобильных приложений в образовательном процессе стремительно развивается. За рубежом при поддержке крупных компаний идет активное внедрение мобильных устройств в образовательный процесс. Такая же тенденция наблюдается и в России. Процесс обучения посредством мобильных приложений открывает перед участниками образовательного процесса огромные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванченко Д.А. Применение подходов BYOD для построения стратегии информатизации высшего учебного заведения / Д.А. Иванченко, И.А. Хмельков [и др.] – СПб: Научно-технические Ведомости СПбГПУ, 2013. – 174 с.
2. Использование мобильных технологий (технологии BYOD) в образовательном процессе [Электронный ресурс]. – URL: <https://edugalaxy.intel.ru/?automodule=blog&blogid=14399&showentry=6178>
3. Титова С.В. Мобильные устройства и технологии в преподавании иностранных

языков: учебное пос. / С.В. Титова, А.П. Авраменко. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 2013. – 224 с.

**USING MOBILE TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF
TEACHING A FOREIGN LANGUAGE
TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES**

E.I. Belova

Orel State University named after I.S.Turgenev, Orel

The article is devoted to the problem of using mobile technologies in teaching foreign languages to students. It gives the definition of BYOD and lists the advantages of using mobile technologies in the learning process. The article provides examples of communicative applications.

Key words: mobile technologies, BYOD, educational mobile applications.

Об авторе:

БЕЛОВА Евгения Игоревна – старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, *e-mail: melen.eu@yandex.ru*

УДК 37.091.3

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ
И ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Н.О. Ветлугина

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург

В статье рассматриваются организационные аспекты применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в высшем профессиональном образовании. Автор полагает, что функционирование электронной информационно-образовательной среды обеспечивается соответствующими средствами информационно-коммуникационных технологий и квалификацией работников, ее использующих и поддерживающих.

Ключевые слова: электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, профессиональное образование, электронная информационно-образовательная среда.

Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии по праву можно считать развивающимся направлением современной системы образования. Такие технологии применяются при реализации образовательных программ высшего профессионального образования.

При реализации образовательных программ используются различные образовательные технологии, в том числе дистанционные образовательные технологии, электронное обучение [Федеральный закон «Об образовании в

Российской Федерации» <http>].

Согласно определению, приведенному в ст. 16 Закона об образовании, под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии педагогических работников и обучающихся.

При реализации образовательных программ высшего профессионального образования, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, возможно использование электронного обучения. В том случае, если реализуется программа бакалавриата с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, то электронная информационно-образовательная среда вуза согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования должна дополнительно обеспечивать: фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения программы бакалавриата; проведение учебных занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий; взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействия посредством сети Интернет.

Функционирование электронной информационно-образовательной среды обеспечивается соответствующими средствами информационно-коммуникационных технологий и квалификацией работников, ее использующих и поддерживающих. Функционирование электронной информационно-образовательной среды должно соответствовать законодательству Российской Федерации [Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» <http>].

Электронное обучение, применение дистанционных образовательных технологий дает возможность оказывать учебно-методическую помощь обучающимся в виде дистанционных индивидуальных консультаций, применяя телекоммуникационные и информационные технологии. Эффективному внедрению электронных образовательных ресурсов и дистанционных образовательных технологий будет способствовать качественный доступ педагогических работников и обучающихся к Интернету. Эффектив-

ность обучения с использованием дистанционных образовательных технологий напрямую зависит от возможности системы электронного обучения.

Для того чтобы реализовать образовательные программы с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий вузу следует выбрать модель, соответствующую его кадровому и ресурсному обеспечению. Тем педагогическим работникам, которые реализуют образовательные программы с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, следует иметь необходимый уровень компетентности в вопросах использования новых информационно-коммуникационных технологий при организации обучения.

Деятельность преподавателя должна отвечать современным требованиям, то есть преподаватель должен профессионально владеть средствами информационно-коммуникативных технологий, которые применяются при электронном или дистанционном обучении. Чтобы это требование было соблюдено, должны быть организованы обучающие мероприятия (повышение квалификации) и методическое сопровождение педагогов.

Повышение квалификации педагогических работников, которые планируют проводить обучение с использованием дистанционных образовательных технологий, целесообразно проводить применяя системы дистанционного обучения, в которой им предстоит работать. В программах повышения квалификации педагогических работников правильнее часть времени уделить очному обучению, а часть – с использованием дистанционных образовательных технологий.

Для обеспечения большей доступности получения образования и повышения квалификации применяются электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Для реализации образовательных программ таким способом и вуз, и обучающиеся должны иметь необходимое материально-техническое и программное обеспечение. Преподавательский состав должен иметь соответствующий уровень образования и подготовки и уверенно владеть информационно-коммуникационными технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г., № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF E-LEARNING AND DISTANT LEARNING TECHNOLOGIES

N.O. Vetlugina

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg

In this article organizational aspects of E-learning and distant learning technologies in higher vocational education are discussed. The author considers that the functioning of electronic information educational environment is provided with corresponding means of information and communication technologies and qualification of the teachers who use this environment.

Key words: *E-learning and distant learning technologies, vocational education, electronic information educational environment.*

Об авторе:

ВЕТЛУГИНА Наталия Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии Института психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, *e-mail*: vetlugina_no@rambler.ru

УДК 802/809(077)

ПРИМЕНЕНИЕ УЧЕБНЫХ ИГР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

О.Н. Карабанова

Иркутский государственный университет, Иркутск

В статье рассматривается необходимость активного использования игр на занятиях по иностранному языку для развития коммуникативных навыков студентов, их творческих способностей и повышения мотивации к изучению иностранного языка, а также приводится примерное содержание различных коммуникативных игр.

Ключевые слова: *преподавание иностранного языка, ролевая игра, коммуникация, мотивация, навыки общения, информационный пробел, поиск и обмен информацией.*

Изучение иностранного языка может показаться студентам неязыкового вуза скучным и довольно сложным занятием, особенно, если уроки носят монотонный и однообразный характер. Как следствие – студенты очень быстро теряют интерес не только к рассматриваемому материалу, но и ко всему процессу обучения в целом. Незначительная мотивация, а иногда и ее полное отсутствие, ведет к чрезвычайно низкой эффективности занятий, а, следовательно, и качеству владения иностранным языком.

Кроме того, наблюдается разрыв между знаниями и умениями обучаемых: нередки случаи, когда они знают слова и не умеют их употреблять, знают правила и не умеют ими пользоваться. Однако речь не возможна без знания лексики, грамматики и фонетики. Активизация же и закрепление языкового материала только в упражнениях традиционного типа приводит к надуманному и искусственному обучению иностранному языку, когда

учащиеся не до конца понимают и осознают навязываемые им способы овладения языком; это влечет за собой механическое заучивание и воспроизведение изучаемого, результатом чего является растущее чувство неудовлетворенности всем процессом обучения и неверие студентов в возможность овладеть иностранным языком в вузе. [Деркач 1991: 20] Таким образом, задача преподавателя заключается в том, чтобы поддержать интерес студентов к изучению иностранного языка и создать условия для формирования и развития иноязычных навыков и умений. Один из способов решения этой задачи – введение в традиционное обучение активных форм и методов, в том числе игровых.

Принято считать, что студенты играют в игры не так охотно, как школьники. Но практика показывает, что это не так. Они любят играть ничуть не меньше. Игра «оживляет» урок иностранного языка, в глазах студентов появляется блеск, и интерес к уроку резко возрастает. Помимо того, что использование игр позволяет активизировать в речи студентов тот, или иной пройденный материал, развивать навыки говорения, при помощи игр обучающиеся могут примерить на себя разные роли, в том числе и профессиональные, учатся взаимодействовать с партнерами по игре, то есть работать в команде.

Что же такое игра? Разные ученые дают ей разное определение, но очевидно, что любая игра предполагает определенную цель, знание правил, а также элемент удовольствия [Соловова 2008: 216].

Учебная игра – это особо организованное задание, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил. Она представляет собой небольшую ситуацию со своим сюжетом и действующими лицами, у которых есть общая и/ или особенная роль, специфическая цель в конкретной процедуре общения. М.Ф. Стронин в своей книге «Обучающие игры на уроке английского языка» рассматривает учебную игру на уроке иностранного языка как «ситуативно-вариативное упражнение, где создается возможность для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к реальному речевому общению, с присущими ему признаками эмоциональности, спонтанности, целенаправленности речевого высказывания» [Стронин 1981].

Учебная игра осуществляет несколько функций: мотивационно-побудительную (мотивирует и стимулирует учебную и познавательную деятельность обучаемых), обучающую (способствует приобретению знаний, а также формированию и развитию навыков владения иностранным языком в конкретной ситуации общения), воспитательную (оказывает воздействие на личность обучаемого, расширяя его кругозор и развивая его мышление, творческую активность и т.д.), ориентирующую (учит ориентироваться в конкретной ситуации и отбирать необходимые вербальные и невербальные средства общения), компенсаторную (компенсирует отсут-

стве или недостаток практики, приближает учебную деятельность к условиям владения иностранным языком в реальной жизни) [Деркач 1991: 21].

Преподаватель может использовать игру, как для закрепления, так и контроля определенных знаний, навыков и умений, и их коррекции.

Еще одним преимуществом учебных игр является то, что их можно использовать при разных формах работы со студентами: индивидуальной, парной, групповой, командной и коллективной.

Большую роль в организации и проведении игры играет сам преподаватель. Он должен тщательно продумать все детали игры, смоделировать реальное речевое общение, а также быть готовым эффективно управлять ею, чтобы игра не вышла из-под контроля и не сорвала урок. Еще один важный вопрос заключается в том, должен ли преподаватель исправлять ошибки студентов во время игры. Эндрю Райт в своей книге «Games for language learning» написал, что «самая большая ошибка – это совсем не говорить» [Wright 2006: 8]. Он советует преподавателям подбирать материал таким образом, чтобы он соответствовал уровню обученности учащихся, тогда они будут делать мало ошибок. Ошибки рекомендуется записывать и обсуждать после игры, но еще лучше выполнить упражнения на закрепление правильного варианта ответа.

Игры должны соответствовать целому ряду требований:

- 1) быть экономичными по времени и направленными на решение определенных учебных задач;
- 2) быть управляемыми; не сбивать заданный ритм учебной работы;
- 3) снимать напряжение урока и стимулировать активность учащихся;
- 4) оставлять учебный эффект на втором, часто неосознаваемом плане, а на первом, видимом месте всегда реализовывать игровой момент;
- 5) не оставлять ни одного ученика пассивным и равнодушным [Соловова 2008: 217].

В настоящее время в методической литературе существует достаточно большое количество классификаций, систематизирующих виды учебных игр в соответствии с тем или иным классификационным критерием. Например, описаны типологии, выстроенные в зависимости от:

- целей и задач учебной игры,
- формы проведения,
- способа организации,
- степени сложности,
- количественного состава участников [Колкова 2001: 112].

Методисты Э. Райт, Дж. Хадфилд и многие другие подразделяют учебные игры на языковые и коммуникативные. К языковым играм относятся те игры, в которых происходит целенаправленная и жесткая отработка языкового материала на уровне грамматики или лексики. К коммуникативным играм относятся те игры, в которых учащиеся сами решают, что,

кому и как говорить, например, ролевые игры на заданную тему. В таких играх учащиеся учатся логично и последовательно выражать свои мысли, практически и творчески применять полученные языковые навыки для решения коммуникативной задачи.

В данной статье основное внимание будет уделено коммуникативным играм, так как главная цель обучения иностранному языку в вузе – умение студентов пользоваться им как средством общения в сфере своей будущей профессиональной деятельности, другими словами, студент должен быть способен решить ту или иную коммуникативную задачу.

Подлинная коммуникация возможна лишь в том случае, если каждый из ее участников владеет частью какой-то информации, представляющей интерес для собеседника, что делает необходимым устный обмен ею. Обучение общению должно опираться на принцип «информационного пробыла», суть которого и сводится к извлечению или передаче определенной (недостающей) информации или к обмену мнениями в связи с ней [Деркач 1991: 151].

Одним из средств, помогающих решить задачи обучения общению, является коммуникативная игра, которая имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными упражнениями. В коммуникативной игре участники концентрируют свое внимание главным образом на содержании игры, однако в процессе игры происходит тренировка всех навыков и умений (чтение, письмо, аудирование и говорение), а также многократное повторение языкового материала. Коммуникативные игры дают учащимся возможность ощутить работу языка как средства общения, что способствует поддержанию их интереса и работоспособности. Кроме того, такие игры можно использовать при работе над любой темой, любого уровня сложности от А1 до С2.

Приведем примеры коммуникативных игр, которые можно использовать на занятиях по английскому языку на 1 и 2 курсах неязыковых вузов.

1. Игра на отгадывание Word-box

Преподаватель отбирает 20-30 слов по изученной теме. Слова могут быть различными частями речи. Каждое слово записывается на отдельный листок бумаги (5x5). Все листочки сворачиваются и укладываются в небольшую коробочку.

Каждый ученик выбирает один листочек и дает определение слову, не называя само слово. Задача группы состоит в том, чтобы отгадать это слово. Можно задавать вопросы ученику, который давал определение.

Когда все слова отгаданы, группа делится на две подгруппы, а листочки на две части. Теперь задача каждой группы состоит в том, чтобы составить рассказ, в котором были бы употреблены данные лексические единицы.

В заключении участники игры могут составить устную рецензию на рассказ противоположной команды.

2. Выбери нужное

Группе предлагается несколько фотографий людей или мест, событий. Ученик выбирает одну из фотографий и описывает ее. Другие участники игры должны отгадать описываемую фотографию или ее фрагмент, и объяснить свой выбор.

3. Поиск и обмен информацией

Ученики работают в парах. Каждый ученик получает карточку с указанной на ней информацией, например текст. В тексте первого и второго ученика пропущена разная информация. Задача учеников заключается в том, чтобы восстановить текст при помощи вопросов, которые они задают по очереди. Когда текст будет восстановлен и прочитан вслух, можно попросить одного из учеников его пересказать.

4. Социологический опрос

Ученики должны провести опрос нескольких игроков и подвести итог своей работе. Вопросы могут быть объединены единой темой или проблемой, а могут быть не связанными между собой. Итог может быть приведен в виде графика, схемы, а также вербально, например:

All of us ____, Most of us ____, Some of us ____, A few of us ____,
None of us ____.

Итог можно подвести как индивидуально, так в парах или группах.

5. Ролевые игры

Ролевая игра – форма организации коллективной учебной деятельности на уроке, имеющая своей целью формирование и развитие речевых навыков и умений в условиях, максимально близких к условиям реального общения [Щукин 2008: 290]. Это один из самых эффективных приемов в обучении общению, так как в процессе драматизации происходит более полное осознание смысла текста и восприятия языкового материала.

Ролевые игры требуют тщательной предварительной подготовки, как со стороны преподавателя, так и со стороны студента. Преподаватель обязан хорошо отработать тему с учениками, чтобы они знали необходимые лексические единицы и речевые обороты для свободного построения высказывания в естественном темпе.

Примером ролевой игры может служить разговор по телефону. Студенты работают в парах. Они садятся спиной друг к другу. Каждый студент получает карточку с заданием.

Карточка 1

Student A(prepares to make a call)

You are Alice Jones. You want to cancel your appointment at 4 p.m. next Tuesday with George Thomas, marketing manager. Ask him if 5 p.m. next Thursday is possible.

Карточка 2

Student B(receives the call)

You work in the customer services department at Vision Cosmetics. Your manager, George Thomas, is free today. Take any messages for him.

You have to write down the message.

Telephone call for:

Caller's name:

Caller's number:

Message:

Taken by:

В заключение хотелось бы сказать, что игра не только облегчает овладение знаниями, навыками и умениями, помогает активизировать, закрепить, проконтролировать и скорректировать их, она создает условия для активной мыслительной деятельности участников и проявления их творческих способностей. Кроме того, «влияние игры сказывается и на преподавателе: она способствует развитию его как личности и как специалиста, заставляет постоянно работать над собой, совершенствовать педагогическое мастерство» [Деркач 1991: 128].

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А. Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностранным языком / А.А. Деркач, С.Ф. Щербак. – М.: Педагогика, 1991. – 224 с.
2. Колкова М.К. Обучение иностранным языкам в школе и вузе / М.К. Колкова. – СПб.: «Каро», 2001. – 240 с.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: пособие для студентов пед. вузов / Е.Н. Соловова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 272 с.
4. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка / М.Ф. Стронин. – М.: Просвещение, 1981. – 112 с.
5. Wright A. Games for Language Learning / A. Wright, D. Betteridge, M. Buckby. Third Edition. – Cambridge: CUP, 2006. – 208 p.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

6. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А.Н. Щукин. – М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2008. – 746 с.

USE OF GAMES FOR LANGUAGE LEARNING IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

O.N. Karabanova

Irkutsk State University, Irkutsk

The article discusses the necessity of the use of games at foreign language lessons in a non-linguistic university for the development of students' communication skills, their creative abilities and increase of motivation to learn a foreign language. The article gives the description of various communicative games.

Key words: *role play, communication, motivation, communication skills, information gap, trivia search.*

Об авторе:

КАРАБАНОВА Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры европейских языков Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета, *e-mail:* olg-karabanova@yandex.ru

УДК 378.663.016:81'243(470.51-25)

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ИЖЕВСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.В. Кожевникова

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Ижевск

Статья посвящена рассмотрению особенностей менталитета студентов удмуртской этнокультуры, обучающихся в Ижевской сельскохозяйственной академии. В статье приводятся основные исторически сложившиеся черты характера удмуртского народа. На основании изложенных особенностей поведения и характера удмуртской нации, в статье делается попытка дать некоторые рекомендации наладить межкультурное общение между преподавателем иностранного языка и студентами ИжГСХА.

Ключевые слова: особенности менталитета, удмуртский народ, межкультурное общение, удмуртская национальность.

Роль иностранного языка в современном мире растет с каждым годом, что требует от высококвалифицированных работников знания, по меньшей мере, английского языка. Многие проходят языковые курсы по изучению иностранного языка, некоторые стараются изучать язык самостоятельно, с помощью словарей, учебных изданий и информационных технологий.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы осветить особенности менталитета, особенности поведения и формирования культуры межнационального общения у студентов удмуртской этнокультуры на занятиях по иностранному языку для адекватного восприятия тех или иных особенностей в межкультурной коммуникации и формирования правильных взаимоотношений между студентами удмуртской этнокультуры и преподавателем иностранного языка.

Общение на любом иностранном языке требует владения не только языковыми навыками, но и навыками поведения, знаний национальных особенностей той или иной страны, на языке которой человек общается. В случае с сельскохозяйственной академией г. Ижевска, необходимо знание менталитета удмуртской этнокультуры, так как здесь учатся студенты, приехавшие из различных населенных пунктов, деревень, небольших поселков, сел Удмуртской республики. Иностранный язык является обязательной дисциплиной в Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. И здесь нельзя забывать, что иностранный язык для наших студентов уже изначально является вторым, так как родным языком большинство студентов считают удмуртский. И чтобы занятия по иностранному языку были плодотворными, а коммуникация между студентами и преподавателем была успешной нужно помнить о том, что у студентов удмурт-

ской этнокультуры есть свои особенности менталитета и поведения, исторически сложившиеся на протяжении огромного количества лет. Нельзя не учитывать этот немаловажный факт при обучении студентов сельскохозяйственной академии иностранному языку как обязательному предмету на первых курсах.

Чтобы понимать с какими студентами сельскохозяйственная академия г. Ижевска работает, необходимо остановиться на некоторых важных чертах характера этой национальности, которые описывают в своих трудах многие ученые (психологи, социологи, историки).

Многие ученые, характеризуя людей удмуртской национальности, подчеркивают их миролюбие, доброжелательность, гостеприимство, склонность более к веселью, чем к печали, деликатность, стеснительность до робости, сдержанность в проявлении чувств, доходящую до скрытности и замкнутости, бережливость до скупости, терпеливость до самопожертвования, настойчивость до упрямства, кровнородственную зависимость от природного и социального окружения, исключительное трудолюбие.

Нельзя не брать во внимание исторические перемены, интенсивное взаимодействие удмуртского народа с другими этносами, которые постепенно наделяли удмуртов новыми внешними и внутренними чертами, к слову сказать, не только положительными. Некоторые авторы дореволюционной эпохи, например, характеризуя удмуртский этнос, говорят, что некоторым представителям этой национальности были присущи такие негативные качества, как скрытность, замкнутость, обидчивость, и даже мстительность [Петров 2002: 4].

Современные психологи и этнографы говорят о том, что удмурты всегда отводили и отводят важное место оптимальным отношениям со своими близкими и дальними родственниками, соседями, с добрыми людьми. «В семейном быту они необыкновенно уживчивы и ради семейного благополучия приносят в жертву свои личные интересы, терпят известное подчинение, лишают себя в некотором роде самостоятельности. Именно от этого, считают они, во многом зависят общая атмосфера жизни, успех в хозяйственной и прочей совместной деятельности. По этой причине у них никогда не было в чести нищенство и попрошайничество. Удмурты чрезвычайно дорожат своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Очень многое, по их мнению, зависит от того, «что говорят другие», «что сказали», «что подумают». <...> У них высокая культура межличностных отношений. Издревле самым тяжким преступлением считалось инициирование вражды и ссор. Вместе с тем по этой причине часто складывается впечатление, что удмурты излишне застенчивы, нерешительны, мнительны, безынициативны» [Крысько 2002: 154-155].

В удмуртском обществе с течением времени сформировался так называемый идеал «маленького», «усреднённого» человека, когда индивиду-

альные потребности уходят на второй план, а на первом остается зависимость человека от коллектива. Такой человек всегда соотносит свои действия с мнением общества. Например, А.Н. Петров отмечает, что только убедившись в добрых чувствах прибывших к ним, удмурты оказывали гостеприимство. По его словам, удмурт в миру скрытен, подозрителен также по причине незнания чужого языка и боязни обмана.

Т.Н. Русских считает, что удмуртский менталитет имеет двойственный характер. Удмурт может быть скромным, стеснительным, малоразговорчивым, с одной стороны, и общительным, шутником, балагуром — с другой. Его коммуникативное поведение можно разделить на поведение среди знакомых и малознакомых людей. В кругу знакомых людей, в привычной обстановке представители удмуртской этнокультуры эмоционально жестикулируют, стараясь выразить искреннее настроение своим собеседникам. Но когда коммуникация происходит с малознакомыми людьми в непривычной обстановке, то использование жестов минимально, а искренность снижена до минимума, пишет Т.Н. Русских.

Что «печалит» преподавателей иностранного языка так это тот факт, что студенты удмуртской национальности на занятиях обычно не стремятся любым способом произвести впечатление на своего собеседника, не любят быть в центре внимания. Как пишут многие исследователи, втянуть удмурта в спор не так легко, потому что по его представлениям лучше промолчать, чем озвучить своё противоречивое мнение, в целях сохранить согласие. А, следовательно, такие коммуникативные задания на занятиях по иностранному языку, как составление диалогов, ролевые игры, дискуссии, моделирование ситуаций межкультурного взаимодействия даются нашим студентам очень тяжело. Ментальность студентов удмуртской национальности прослеживается на занятиях также в наличии «закрытых» жестов (например, скрещенные руки, ноги и т. д.), отсутствии зрительного контакта с собеседником.

Сравнивая культурные ценности удмуртов и русских, В.Ю. Хотинец в статье «Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов» [Хотинец 2011: 100-101] делает вывод, что востребованные современным обществом качества у удмуртов по сравнению с русскими выражены в меньшей степени. Для удмуртов характерно приспособление себя к чувствам окружающих, интуитивное понимание ситуации, отсутствие навязывания собственной точки зрения. Подтверждая слова ученых, можно с уверенностью сказать, что студенты русской национальности на занятиях иностранного языка ориентированы на активное взаимодействие с собеседником. В межличностном взаимодействии на занятиях студенты удмуртской этнокультуры стремятся учитывать потребности других для достижения групповой гармонии, русские же склонны отстаивать свои позиции и собственное мне-

ние.

Интересен и тот факт, что даже у современных удмуртов сохраняется чуткое отношение к доброму слову. Люди удмуртской национальности очень строго прислушиваются к мнению окружающих, которое часто формирует их самооценку, проявляющуюся нередко в самокритике. Однако, пишут ученые, несмотря на низкую внешнюю самооценку, характерна высокая внутренняя самооценка, доходящая до самолюбия. «Видимо, у нас, финно-угорских народов, есть какая-то общая генетическая программа. Поражает эта удивительно уязвимая хрупкость души. Мы всегда ориентируемся на похвалу. В этом смысле мы художники. С.Л. Рубинштейн говорил: «Художнику нужна похвала, похвала и еще раз похвала». В этом смысле мы действительно очень талантливые художники. Когда нас хвалят, мы становимся лучше. Если нас критикуют, мы становимся хуже. В душе происходит надлом, от которого очень больно. Китайцы говорят: критика подобна голубю, она возвращается обратно. Нас не надо критиковать – мы не «китайцы». Нас, вообще-то, как и других, лучше не надо критиковать, лучше хвалить. И мы обязательно станем лучше. Кто-то с критикой может как-то сосуществовать, кто-то может уживаться, удмурт – нет» [Иванова 1994: 92].

Несмотря на процессы современной глобализации, этнос не потерял своё лицо, и сегодня, как и все народы России, учится жить в стремительно изменяющемся мире, адаптируется к изменениям социальной среды, не изменяя своей самобытности. «Его постепенность, традиционализм, консерватизм, определённый конформизм, нежелание рисковать, осторожное отношение к непроверенным новшествам как этноса преимущественно «аграрного» не есть только недостаток, за этими чертами скрываются их основательность, природная терпеливость и терпимость» [Русских 2012 [http](http://)].

Межнациональное общение, как своего рода межкультурное общение, развивается на основе всей получаемой на протяжении жизни информации. Человек учится говорить и реагировать на похвалу и замечания с младенческих лет, затем в детском саду, в школе, в учебных заведениях, на работе, но культура и уровень общения на разных жизненных этапах различна и определяется тем окружением, в котором человек находится. Если окружение настроено положительно друг к другу, вне зависимости от принадлежности к той или иной национальности, то критические замечания, которые являются неотъемлемой частью воспитательного процесса, исходящие от близкого или незнакомого окружения, будут восприниматься им на эмоциональном фоне как импульс того, что необходимо пересмотреть свое поведение и сделать определенные выводы. Так, и учебный процесс на занятиях по иностранному языку в сельскохозяйственной академии направлен на то, чтобы обеспечить позитивную атмосферу для межнацио-

нального общения учащихся между собой и с преподавателем.

Как показывает практика преподавания иностранного языка студентам удмуртской национальности, можно сделать вывод, что они скромны, застенчивы, не всегда проявляют инициативу в выполнении заданий (особенно устных), не желают находиться в центре внимания группы, но упорны, усердны и трудолюбивы.

И задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь такому студенту „раскрыться“, поверить в себя и в свои силы, заинтересовать его и предложить такую методику, которая внедрила бы в процесс урока студентов всех уровней. Необходимо объяснить студентам из глубинки Удмуртской республики важность изучения иностранного языка, привести примеры использования языка в жизни, напомнить о его международной важности, соотнести язык с той профессией, которую они выбрали в ижевской сельскохозяйственной академии. Всеми способами мотивировать и подготовить их к правильному восприятию иностранного языка как важной дисциплины, необходимой для нравственного воспитания себя как личности и понимания важности воспитания межнациональной культуры.

Цель преподавателя, который преподает иностранный язык студенту удмуртской национальности не превратить урок в плановый процесс выставления оценок за выполненное или невыполненное задание, а расположить его к принятию новой информации, привить интерес и дать стимул любому, кто тянется к знаниям, превратить урок в путешествие по странам и континентам, в знакомство с разными национальностями и культурами, обычаями и традициями. Становится весьма важным на последующих этапах изучения языка этап сравнения особенностей родной культуры с иностранной культурой с целью формирования нравственно ориентированного отношения студентов друг к другу, формирования толерантности к окружающим, что поможет более четко активизировать процесс познания обучающегося.

В нашей практике знакомство друг с другом, дружественное отношение студента и преподавателя, частая похвала, а не критика формируют доброе отношение друг к другу, делают занятия более открытыми, а общение – взаимопроникающим и культурным.

Посредством такого общения строится межкультурная и межнациональная коммуникация на занятиях по иностранному языку, где большинство студентов - носители удмуртской культуры. Педагог должен понимать и учитывать характерные черты данной национальности для достижения желаемого результата, тогда студенты начинают уважать преподавателя, усваивать полученную от него информацию, идти на контакт друг с другом и преподавателем, что влечет к изменению негативного строя мысли на позитивное отношение или, по крайней мере, нейтральное. Зная особенности менталитета удмуртского народа, в первую очередь, мы стро-

им межнациональное общение, и уже во вторую – прививаем интерес к изучаемому иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа / М.Г. Иванова. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 191 с.
2. Крысько В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Экзамен, 2002. – 447 с.
3. Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект) / Е.В. Мельникова. – М.: Диалог культур, 2006. – 145 с.
4. Никитина Э.В. Этноменталитет удмуртов [Электронный ресурс] / Э.В. Никитина. – URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_udmurtove_v_nikitina/
5. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности [Электронный ресурс] / А.Н. Петров. – URL: http://elibrary.unatlib.org.ru/pdfpreview/bitstream/handle/123456789/5563/udm_book_0581.pdf?sequence=1
6. Русских Т.Н. Виды коммуникаций в поведенческих практиках современных удмуртов: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07 [Электронный ресурс] / Т.Н. Русских; Удмуртск. гос. ун-т. – Ижевск [б.и.]; 2012. – URL: <http://netess.ru/3istoriya/24826-1-vidi-kommunikaciy-povedencheskih-praktikah-sovre-mennih-udmurtove.php>
7. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов / В.Ю. Хотинец // Социс. – 2011. – № 2. – С. 99-108.

**FEATURES OF MENTALITY
AND FORMING COMMUNICATION CULTURE
IN STUDENTS OF IZHEVSK STATE AGRICULTURAL ACADEMY
IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES**

E. V. Kozhevnikova

Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk

The article describes some peculiarities of the mentality of students of the Udmurt ethnic culture who study at the Izhevsk Agricultural Academy. The article presents the main historical features of the Udmurt people and attempts to provide some guidelines to establish cross-cultural communication between foreign language teacher and students of IzhGSHA.

Key words: features of mentality, the Udmurt people, intercultural communication, the Udmurt nationality.

Об авторе:

КОЖЕВНИКОВА Екатерина Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, e-mail: fruit8585@mail.ru.

УДК 81'246.2:[811.161.1+811.111]

РАЗВИТИЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ (РУССКОМУ) И ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКАМ

О.В. Легостаева

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орёл

В статье рассматривается определение термина «билингвизм», раскрывается понятие «билингвальная компетенция», а также освещаются особенности этнокультурного подхода как эффективного способа развития данной компетенции при обучении родному и иностранному языкам.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная компетенция, родной язык, иностранный язык, этнокультурный подход, этнокультурный стереотип.

В глобальном мире многообразии языков и культур сводится к овладению языком глобального общения. На данный момент этот статус принадлежит английскому языку. Следовательно, знание родного и иностранного (английского) языка предопределяет профессиональную, социальную, экономическую успешность личности на текущий момент. Знание нескольких языков – не модный тренд современности, а общекультурная компетенция специалиста XXI-го века.

«Билингвизм рассматривается как сложное, системное, внутриличностное образование, которое включает в себя определённую новую языковую (знаковую) систему, умение использовать её в ситуации общения, коммуникации (коммуникативный аспект). В этой системе кроме ситуативных значений и смыслов присутствуют и более широкие общекультурные представления и картины мира, уникальные мировоззренческие и поведенческие стереотипы, присущие каждому этносу (социокультурный, лингвокультурный и этнокультурный аспекты)» [Легостаева 2018: 71].

В статье под билингвальной компетенцией мы понимаем «способность обучающегося использовать языки для коммуникации и участвовать в межкультурной интеракции. Эта способность осуществляется средствами двух и более языков в коммуникативных целях на основе интеграции речевых навыков, формируемых и развиваемых в речевом общении» [Майгельдиева [http](http://)]. В процессе обучения двум языкам и проникновения в иноязычную культуру формируется билингвальная личность. Под билингвальной личностью мы понимаем «личность, владеющую различными видами речевой деятельности в разных сферах общения на родном и иностранном языках» [там же]. Билингвальное образование мы определяем как «взаимосвязанное и равнозначное овладение двумя языками (родным и иностранным), освоение родной и иноязычной культуры, развитие учащихся как двуязычной и бикультурной личности» [там же].

В иерархии компетенций коммуникативная как конечная цель обучения ИЯ считается ведущей, системообразующей и определяется как единство лингвистической, языковой, речевой, культуроведческой и когнитивной компетенций. Для успешной организации образовательного процесса необходимо создать для обучающихся определенные методические условия. Под методическими условиями мы понимаем совокупность взаимосвязанных условий, направленных на развитие и формирование билингвальной компетенции, на возникновение ситуации, когда русскоязычные обучающиеся готовы к речевой деятельности в условиях двуязычного образования. К таким условиям мы отнесем: создание типологии двуязычных учебно-языковых коммуникативных заданий в русском и английском языках; развитие и формирование лингвистической, языковой, речевой, культуроведческой, коммуникативной компетенций, применение проблемно-поисковой технологии при сопоставлении двух языков и выявлении сходств и отличий. Методические условия включают несколько этапов: концептуализацию, интериоризацию, автоматизацию знаний и речевых умений и навыков.

Содержание первого этапа концептуализации определяется деятельностью преподавателя по презентации явления языка или речи и деятельностью обучающегося по концептуализации знания, формированию представления, понятия, образа определенного грамматического, лексического, синтаксического явления языка. Этот этап является подготовительным по отношению к двум последующим.

Вторым этапом является этап интериоризации. Этот этап направлен на постепенное формирование речевого умения посредством выполнения речевых действий. Прикладной характер этапа определяется выполнением упражнений, которые соответствуют психолингвистическим закономерностям становления речевого умения.

На третьем этапе происходит автоматизация речевых умений до уровня сложных речевых навыков. Этот этап предполагает большую долю самостоятельной работы обучающихся, использование комплексных коммуникативных двуязычных заданий в нескольких видах речевой деятельности.

Успешность данной методики обучения состоит в переносе универсальных языковых умений и навыков из одного (родного) языка в другой (неродной). Положительный перенос универсальных умений и навыков предполагает их первоначальное формирование на занятиях родного (русского) языка и создание такой ситуации на неродном (английском) языке, которая будет способствовать переносу этих умений и навыков для построения высказывания на втором языке. Следовательно, родной (русский) язык мы рассматриваем не как систему, которую нужно преодолеть, а как базу для усвоения неродного (английского) языка.

Этнокультурный подход рассматривает культуру и ее важнейшие ком-

поненты (воспитание и образование) как «источник формирования личности. Такой подход определяет культуру как канал трансляции, благодаря которому происходит процесс изучения и присвоения личностью этнокультурного опыта. Личность рассматривается здесь как носитель, транслятор и создатель ценностей определенной этнокультуры» [Медведева [http](http://)]. При таком подходе происходит гармоничное развитие билингвальной личности, так как речь идет не только об усвоении родного и иностранного языков, но и ценностей родной и иноязычной культуры. Вне данной парадигмы обучение языкам носит формальный характер. Таким образом, этнокультурный подход рассматривается нами как стратегическое направление в обучении языкам, родному и неродному, как эффективное средство развития, формирования и совершенствования билингвальной компетенции в области языкового образования.

На материале пословиц, поговорок, фразеологических оборотов рассматриваются ценностные парадигмы национальных культур. Пословицы и поговорки отражают эпизоды истории, достижения науки, искусства, особенности образа жизни и быта, обычаи и традиции, фольклор этносов. Пословица представляет собой законченное предложение, обладает образностью, свойствами обобщенности и назидательности, как и поговорка выражает мысль о ценностях мира. Они являются лингвокультуремами и отражают национальную идентичность и национальное сознание (английское и русское). При сопоставлении двух языков можно наблюдать различия в плане обозначения реалий, так как они определяются уникальными особенностями развития истории, экономики, культуры, географии, политического устройства двух стран и неизбежно находят свое отражение в языковых единицах. Пословицы отражают стереотипы национального сознания и культуры. Этнокультурные стереотипы могут служить «мостиками в другую культуру» [Тер-Минасова 2008: 44]. Этнокультурный подход позволяет выйти за рамки «своего» ограниченного мира, преодолеть страх, враждебность, отчужденность, которые возникают при непонимании чужого языка, и организовать билингвальное образование в парадигме родной и иноязычной культуры.

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что этнокультурный подход является эффективным подходом в развитии билингвальной компетенции студентов, поскольку позволяет выстроить процесс обучения с учетом других взаимосвязанных компетенций, перенести универсальные умения и навыки из родного в иностранный язык и автоматизировать эти умения до уровня навыков с помощью типологии двуязычных коммуникативных заданий, отражающих этнокультурный компонент родного и иностранного языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Легостаева О.В. Билингвальное образование: за и против / О.В. Легостаева // Ино-

- странные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сборн. научн. трудов. – Вып. 40. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – С. 70-74.
2. Майгельдиева Ш.М. Интегративный подход к обучению практическому курсу русского языка в системе филологического образования студентов казахской аудитории: автореф. дис. ... д-ра. педагог. наук: 13.00.02 [Электронный ресурс] / Ш.М. Майгельдиева; Казахск. национальн. пед. ун-т им. Абая. – Алматы [б.и.], 2010. – На правах рукоп. – URL: <http://dislib.ru/pedagogika/100777-1-integrativniy-podhod-obucheniyu-prakticheskomu-kursu-russkogo-yazika-sisteme-filologicheskogo-obrazovaniya-studentov-kazahskoy-auditorii.php>.
 3. Медведева З.В. Этнокультурный подход к гражданско-патриотическому воспитанию [Электронный ресурс] / З.В. Медведева. – 2011. – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media66898/59_medvedeva.pdf
 4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова: учебн. пособие – М.: Слово/Slovo, 2008. – 287 с.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' BILINGUAL COMPETENCE BASED ON THE ETHNO-CULTURAL APPROACH IN TEACHING NATIVE (RUSSIAN) AND FOREIGN (ENGLISH) LANGUAGES

O.V. Legostaeva

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel

The article deals with definition of the term «bilingualism, reveals the notion of «bilingual competence», covers the features of ethno-cultural approach as an effective means of developing this competence in teaching native and foreign languages.

Key words: *bilingualism, bilingual linguistic competence, native language, foreign language, ethno-cultural approach, ethno-cultural stereotype.*

Об авторе:

ЛЕГОСТАЕВА Оксана Вячеславовна – магистр зарубежного регионоведения, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, *e-mail*: fremdsprachenluxx@mail.ru

УДК 81-13

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

И.В. Михайлова

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Владивосток

В статье рассматривается специфика формирования исторических и культурологических представлений у иностранных студентов.

Ключевые слова: *формирование исторических и культурологических пред-*

ставлений, история России, иностранные студенты.

Для иностранных студентов Дальневосточного рыбохозяйственного технического университета, среди прочих дисциплин, одной из обязательных дисциплин является история России.

Как отметил в своей статье А.В. Войтович, «для иностранных студентов, приезжающих на обучение в Россию, характерны 1) крайне скудный объем знаний о России вообще и ее истории; 2) незнание или плохое знание русского языка иностранными студентами; 3) разница в отношении к историческим событиям, общим для нашей страны и родных стран студентов» [Войтович 2013: 301]

Так как многие иностранные студенты, в силу особенностей гуманитарной подготовки в своих странах, не всегда хорошо знают даже историю своей страны, не говоря уже об истории и культуре России, перед преподавателем встает специфическая проблема отсутствия у иностранных студентов необходимого культурологического и исторического минимума информации.

Второй особенностью преподавания иностранным студентам истории России является незнание или плохое знание русского языка иностранными студентами. Зачастую, к моменту начала изучения дисциплины история России «студенты не успевают освоить необходимые грамматические конструкции на русском языке; имеют маленький словарный запас и не способны вести диалог, а тем более письменные конспекты на русском языке, а также то, что построение родного языка студентов часто сильно отличается от построения русского языка; отсутствует интернациональная лексика; многие студенты не владеют языком-посредником» [Фетисова 2013: 26].

В связи с этим перед преподавателями в иностранной аудитории стоят специфические задачи формирования и расширения фоновых знаний студентов; создание лексико-грамматической базы для дальнейшего обучения по дисциплинам гуманитарного профиля.

Кроме того, в рамках образовательного процесса стоят и воспитательные задачи, которые точно обозначили Ф.М. Нуриахметова и В.Г. Холоднов: «Не менее важно сегодня в изучении истории определить приоритет общечеловеческих духовных ценностей, созданных за тысячелетия мировой истории, которые должны органически сочетаться с национальными ценностями, способствовать формированию самостоятельности мышления, расширению кругозора обучаемых, проявлению толерантности и взаимопонимания в условиях современного информационного общества» [Нуриахметова <http>].

Таким образом, для решения данных специфических задач перед преподавателями стоят несколько целей: а) познавательная (формирование

фоновых знаний об истории, культуре, России; обогащение общественно-политической лексикой, необходимой в процессе дальнейшего изучения таких дисциплин, как история России, обществознание, философия и др.) б) воспитательная (приобщение студентов к русской культуре, формирования интереса и уважения к России, её историческому прошлому, настоящему и будущему) [Губанова <http>].

Рассматривая очевидные затруднения, обратим внимание на специфику дисциплины история России, изучение которой «требует большого словарного запаса, адекватного понимания российских исторических терминов и понятий». Прежде всего, сложность представляют отвлеченные понятия, которые чрезвычайно трудно объяснить с помощью простых, известных студентам слов, а также иллюстраций, т.к. визуализация отвлеченных, сложных понятий может привести к превратному представлению.

Третьей особенностью преподавания указанной дисциплины иностранным студентам следует считать разницу в отношении к историческим событиям, общим для нашей страны и родных стран студентов. Все эти особенности требуют от преподавателя постоянного контроля за терминологией, поиска оптимальных форм и методов донесения информации.

Таким образом, «с учетом национально-языковой специфики восприятия и усвоения русского языка учащимися отбирается, организуется, излагается и закрепляется языковой учебный материал и строится весь учебный процесс оптимальным образом для данного языкового контингента учащихся» [Вагнер 2001: 12].

При обучении истории у обучающихся должны быть сформированы различные виды исторических представлений: об исторических фактах, об историческом времени и историческом пространстве. Эта работа является сложной и многоэтапной. Она включает в себя работу с адаптированными текстами, выполнение лексико-грамматических заданий, направленных на усвоение изученных терминов, заполнение таблиц, работа с картами, сообщения учащихся о значимых исторических событиях и важных исторических деятелях России. Поскольку для иностранной аудитории большую роль играют наглядные образы, особенно на начальном этапе, преподавателю необходимо использовать разнообразный наглядный материал. В качестве наглядного материала могут использоваться иллюстрации учебника, создающие представления о людях, событиях, культуре той или иной исторической эпохи; картины русских художников, таких как «Три богатыря», «Крещение князя Владимира» А.М. Васнецова, «Бурлаки на Волге» И.Е. Репина; фотографии, а также кадры из документальных и художественных фильмов, например, «Илья Муромец», «Александр Невский», «Тарас Бульба» и другие.

Работа с учебными, документальными и художественными фильмами является очень важным дополнением к учебному курсу истории России,

поскольку предполагает различные виды деятельности во время урока и способствует формированию необходимых представлений и знаний о конкретной исторической эпохе или историческом деятеле.

Итак, как справедливо отметил А. В. Войтович, «методы работы с иностранными студентами в ряде факторов отличаются от аналогичной работы с российскими студентами. Лекции, мультимедийные средства, учебные пособия, целевой аудиторией которых являются иностранные студенты, должны соответствовать определенным требованиям, к которым относятся отбор лексики, построение предложений и текста пособия в целом, подача материала, отбор иллюстраций, создание и формулировка заданий.» [Войтович 2013: 301-302].

Таким образом, усвоение исторических понятий, формирование культурологических представлений, понимание закономерностей общественного развития, формирование системы фоновых знаний – это основная цель изучения истории России студентами-иностранцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтович А.В. Специфика преподавания истории России и страноведения иностранным студентам / А.В. Войтович // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования: Сб. трудов науч.-метод. конф. Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – С.301-302.
2. Фетисова Е.В. Методика довузовского обучения математике иностранных студентов, обучающихся на русском языке (медико-биологический профиль): Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е.В. Фетисова; Курский гос. ун-т. – М. [б.и.], 2013. – На правах рукоп.
3. Нуриахметова Ф.М. Новые методы преподавания истории в техническом вузе [Электронный ресурс] / Ф.М. Нуриахметова, В.Г. Холоднов. – URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/novye-metody-prepodavaniya-istorii-v-tehnicheskom-vuze>
4. Губанова Т.В. Особенности формирования исторических представлений у иностранных учащихся (из опыта преподавания истории иностранным студентам подготовительного курса) [Электронный ресурс] / Т.В. Губанова, О.В. Максимова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 42. – С. 119–124. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56965.htm>.
5. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по спец. Филология / В.Н. Вагнер. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 384 с

FORMATION OF CULTURAL AND HISTORICAL REPRESENTATIONS OF FOREIGN STUDENTS IN A TECHNICAL COLLEGE

I.V. Mikhailova

Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok

The article discusses the specifics of the formation of historical and cultural ideas from foreign students.

Key words: *specificity of the formation of historical and cultural representations,*

history of Russia, foreign students, study manual, study methods.

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Международного института Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета; *e-mail*: irina019730@mail.ru.

УДК 371.398

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Р.С. Муханбетжанова

Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова,
Костанай, Казахстан

Статья посвящена вопросам использования технологий в преподавании английского языка. Использование технологий стало важной частью в процессе обучения на занятиях и за его пределами. Выявляется понятие технология и технологическая интеграция, а также его положительные и отрицательные аспекты.

Ключевые слова: преподавание английского языка, новые технологии, технологические устройства, технологическая интеграция.

English is increasingly becoming a universal language. It is the dominant language of international business and communication, the official language of over 60 countries, and the third most common native language in the world [Crystal 2003: 135]. To help students learn English as a Second Language (ESL) courses have been set up in many countries. Technology has been evolving rapidly over the past decade and, as such, it is beginning to play a role in the classroom. With proper integration, technology could help improve student performance in ESL classrooms.

Now it would be better to give the reader an idea about Technology and Technology Integration. This part brings basic definitions necessary for the reader to understand the whole issue.

Definition of Technology and Technology Integration

Technology has been defined by different researchers. According to A. İşman, it is the practical use of knowledge particularly in a specific area and is a way of doing a task especially using technical processes, methods, or knowledge. The usage of technology includes not only machines (computer hardware) and instruments, but also involves structured relations with other humans, machines, and the environment [İşman 2012: 207-213].

According to Hennessy, Ruthven and Brindley, technology integration is de-

defined in terms of how teachers use technology to perform familiar activities more effectively and how this usage can re-shape these activities [Hennessy 2005]. Dockstader defined technology integration as the use of technology to improve the educational environment [Dockstader [http](#)]. It supports the classroom teaching through creating opportunities for learners to complete assignments on the computer rather than the normal pencil and paper.

The development of technology has already changed our way of life. Computers, tablets and smart phones have become an integral part of our everyday lives. Students spend much time on using technological devices and studies have shown that they have become *digital natives*. Consequently, we can include technology in language teaching. However, it is a challenge for teachers to provide students with meaningful ways of using the devices for learning, so that the technology can be a useful tool. Not only for integrating with new technology.

Technology provides new possibilities for language teaching. Firstly, all the new language learning applications, e-dictionaries and e-books offer both teachers and students endless opportunities for learning. Open-access resources allow the teachers, and also the students, to easily share material in online platforms. Computer assisted language learning can also promote the use of target language and create authentic tasks [Thomas 2012]. Students can connect authentic tasks with real life environments and it may motivate them to use the language outside class, for example, get to know people belonging to other cultures who can give them insight to the way of life in other countries. Likewise teachers can improve their class activities using up-to-date texts, videos and other educational materials. Thus, authenticity can be improved in multiple ways.

Secondly, the first and most crucial thing about using technology in learning process is easy to access to vast number of sources and information these provided for teaching.

In addition to the easier access to online material, the online platforms, in which information could be stored, had made both the teachers' and students' work easier. The work that was previously done and collected on paper could now be written on computer and submitted in an online environment.

Thirdly teaching is cultural knowledge. Languages are used in various cultural environments by a vast amount of people. These people have their own habits and traditions, which have been shaped by their ways of life. Since languages are related to cultures, one cannot be taught without the other. Most teachers agreed that studying English means studying their different cultures and it impacts on studying process. However, it could be problematic to give the students a realistic and interesting overview of the cultural phenomena. To be able to do that, the teachers claimed that teachers should select teaching material that they use. Technological devices worked as essential tools that provided them with multiple practical ways to share cultural knowledge with their students.

As discussed earlier, technology gave an easy access to information, which helped in giving students a comprehensive picture of cultural phenomena. Besides pictures and text, the teachers searched for videos and other material, which gave the students a more realistic view of the topics discussed. All in all, the technological devices were used to broaden the students' knowledge of cultural phenomena.

As Holec states, English teaching itself must focus on the guidance of teachers and be student-centered, which we believe is one of the principles for language teaching [Holec 1981]. Students are bound to have same problems in classroom teaching, which can be addressed under the guidance of teachers. In such circumstances, students can use the new technology to their advantage, such as manipulating the network to contact teachers and receiving answers by email.

In spite of advantages of using new technologies in English class teaching, there are many problems existing in practical teaching such as:

- Even though modern technology is highly developed and the teachers relied highly on technology, problems occurred and they caused difficulties for the teachers. Therefore, the teachers needed to have a backup plan, if they suddenly were not able to use the material they had on computers or online. The teachers claimed that they could not rely on technology completely, since sudden problems with the use of it could disturb and hold up their teaching.

- English teachers are not required to be experts in the use of technology as well as students. Some students are not familiar with new technology and it causes some problems.

- Since technological devices provided an easy access to information, students use technological devices every day. Thus, rather than doing their tasks, students may use social nets or do other things which they are not supposed to with their devices. Students should understand that when their devices are used in lessons, they should only concentrate on the actual exercises. However, many students started to do other things with their phones. Therefore, teachers need to keep a close eye on students during exercises with their devices to make sure that they do what they are supposed to.

- If teachers totally depend on technological devices during teaching, the teachers may be turned into slaves to the new technology and cannot play the leading role in teaching. In class they are standing by the computer and students are fixing their attention only on the screen, and therefore there is no eye contact between teachers and students. The trend of modern information and technology teaching appears to the extremity regardless of the essence of the traditional teaching. And hence, the notion of Creative Education is to be fully comprehended that modern educational techniques serves an assisting instrument rather than a target so it should not dominate class.

The last when we working on and utilizing project work or Prezi we need to

encourage students to use their own mind and speak more actively join in class practice, we should not overuse the technology in order to add modernized feature to class teaching.

To sum up, technology is an integral part of teaching English these days and more and more devices are used during lessons. Technology provides comprehensible input and output, helps learners to develop thinking skills, makes learning and teaching becomes more student-centered, promotes learners' autonomy and helps them feel more confident, and increases learners' motivation to effectively learn a foreign language. We believe that the process of English learning will be effective and more student-centered but less time-consuming.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 135 p.
2. Dockstader J. Teachers of the 21st Century Know the What, Why and How of Technology Integration. [Электронный ресурс] / J. Dockstader. – 2008. – URL: <http://tech.mit.edu/Chemicool/>
3. Hennessy S. Commitment, Constraints, Caution and Change. / S. Hennessy, K. Ruthven, S. Brindley // Journal of Curriculum Studies. – 2005. – Vol. 37 (2). – P. 155-192.
4. Hennessy S. Emerging Teacher Strategies for Supporting Subject Teaching and Learning with ICT [Электронный ресурс] / S. Hennessy, R. Deaney, K. Ruthven. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – URL: <http://www.educ.cam.ac.uk/research/projects/istl/TiPS0521.pdf>.
5. Holec H. Autonomy and Foreign Language Learning / H. Holec. – Oxford: Pergamon, 1981. – 178 p.
6. İşman A. Technology and Technique: An Educational Perspective [Электронный ресурс] / A. İşman // TOJET The Turkish Online Journal of Educational Technology. – 2012. – 11(2). – P. 207-213. – URL: <http://www.tojet.net/articles/v11i2/11222.pdf>
7. Thomas M. Computer-assisted Language Learning: The Role of Digital Media and Incremental Change. / M. Thomas, H. Reinders, M. Warschauer. – Bloomsbury Publishing, 2012. – 368 p.

USE OF NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE

R.S. Mukhanbetzhanova,

A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan

The article is devoted to the issues of using technology in English language teaching. The use of technology has become an important part of the learning process in and out of the class. The term technology and technology integration, positive and negative aspects are defined.

Key words: *teaching English, new technologies, technological devices, technology integration.*

Об авторе:

МУХАНБЕТЖАНОВА Роза Сейтхановна – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского

УДК 378

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

К.В. Околелов

МБОУ СОШ № 55, Краснодар

В статье рассматривается коммуникативная толерантность как важное качество личности, необходимое для осуществления профессиональной деятельности. Автор выделяет качества, формирующие толерантность на стадии профессиональной подготовки.

Ключевые слова: толерантное поведение, профессиональная подготовка, коммуникативная культура, речевой этикет

Современным обществом создаются условия к осуществлению межкультурного диалога в позитивных и конструктивных коммуникативных условиях. Представители же современного общества владеют толерантным коммуникативным поведением. Являясь социокультурной установкой, коммуникативная толерантность позволяет разным культурам вступить во взаимодействие друг с другом и достигать взаимопонимания в процессе диалога.

Стоит согласиться с тем, коммуникативная толерантность является одной из очень информативных и важнейших качеств человека, ведь она определяет жизненный путь и деятельность личности, а именно положение в семье и ближайшем окружении, на работе, продвижение по карьерной лестнице, а также выполнение профессиональных обязанностей.

Изучая связь коммуникативной толерантности с индивидуально-типологическими особенностями личности, психолог Р.Т. Мамбетова пришла к следующим выводам:

- общая коммуникативная толерантность обусловлена жизненным опытом, нравственными принципами, свойствами характера, но с другой стороны она в большей степени определяется индивидуально-типологическими особенностями личности;

- уравновешенность нервных процессов в значительной мере предопределяет выбор как толерантных, так и интолерантных установок личности, которые проявляются в процессе общения. Так, к примеру, человек при преобладании в нем тормозного процесса в силу недостаточности возбуждения будет выбирать интолерантные установки при общении;

- психомоторная пластичность взаимосвязана со степенью выраженно-

сти коммуникативной толерантности. И тем больше будет вероятность проявления коммуникативной толерантности, чем выше степень психомоторной пластичности личности, и обратная зависимость, чем сильнее люди склонны к психомоторной ригидности, тем чаще их выбор падает на интолерантную позицию при общении.

- формирование и проявление интолерантной коммуникативной установки определяется малым уровнем коммуникативной пластичности, и с другой стороны, человек при общении будет выбирать толерантные установки, если имеет высокий уровень коммуникативной пластичности [Мамбетова 2009: 23].

Коммуникативная толерантность в профессиональной деятельности журналиста рассматривалась Т.В. Новиковой, которая считает, что становление журналиста как «человека культуры» должно идти с закреплением навыков толерантного отношения к другому, то есть с использованием принципа диалога. И залогом эффективности как в процессе профессиональной подготовки, так и при профессиональном формировании журналиста выступает творческое использование принципа толерантности [Новикова 2007].

М.К. Акимова и О.А. Галстян рассмотрели толерантность в качестве компонента коммуникативной компетентности педагогов. В работе исследуется эффективность коммуникативного тренинга, который направлен на развитие толерантности и коммуникативной компетентности педагогов. Авторы применяли четыре диагностические методики, которые измеряли уровни толерантности и сопряжённых с ней личностных черт. Результаты исследования говорят о следующем: взаимодействие педагогов с психологом в форме коммуникативного тренинга можно считать сильнейшим фактором развития толерантности и сопряжённых с ней коммуникативных свойств, таких как общительность, эмпатия, способность управлять своими эмоциями: «Так как толерантность является весьма ценным качеством, способствующим эффективному взаимодействию людей и в целом адаптации каждого к социальной среде, формирование толерантности у молодежи, воспитание подрастающего поколения в духе толерантности представляются важнейшими задачами общества» [Акимова [http: 11](http://)].

Соответственно, основной целью на стадии профессиональной подготовки в учебных заведениях должно быть формирование толерантности, считаемой профессионально значимым качеством личности. Автором были выделены качества, склонности и интересы, которые обеспечивают успех при выполнении профессиональной деятельности менеджера по туризму, а также менеджера по гостиничному делу. К ним относятся энергичность, креативность, эрудированность, уважение и интерес к людям, терпимость, находчивость, воспитанность, артистизм, целеустремленность, оригинальность, настойчивость, разносторонность, наблюдательность,

уверенность в себе при принятии решений, стремление к саморазвитию, способность быстро и гибко реагировать на всевозможные изменения в ситуациях, тактичность, а также наличие развитой интуиции. Помимо всего вышеперечисленного должны присутствовать умение входить в контакт, способность принимать решение конкретными ситуациями, умение контролировать себя, налаживать взаимоотношения, а также немаловажное умение слушать.

По мнению Г.И. Бабий, основным фактором, при профессиональной подготовке специалистов, занятых в сфере туризма и гостеприимства, необходимо считать формирование у будущих менеджеров коммуникативной культуры, объединяющей целый ряд специфических профессиональных навыков: «Профессионал должен уметь выслушать и понять, объяснить и доказать, спросить и ответить, убедить и переубедить, создать атмосферу доверительности в беседе и делового настроения в собеседовании, найти тонкий психологический подход к клиенту, разрешить конфликт, снять напряжение» [Бабий 1999: 8].

В своей работе «Формирование толерантности у студентов, обучающихся в сфере туризма и гостеприимства» М.И. Кадырова анализировала проблему толерантности как профессионально значимого качества, которое крайне важно, поскольку всякая профессия формирует специфические условия функционирования личности [Кадырова 2011]. Автор считает, что развитие толерантности на стадии профессиональной подготовки является залогом профессиональной успешности. Особое место при формировании толерантности по отношению к негативным психологическим воздействиям имеет общая позитивная направленность личности. При всем этом весьма затруднительным является специальное развитие либо изменение базовой направленности взрослого человека. Таким образом, в наше время менеджер в области туризма и гостеприимства должен обладать следующими навыками:

- знание речевой этикет и умение верно его использовать;
- умение вести беседу, будь это дискуссия, спор, переговоры и др;
- способность анализировать кризисные ситуации, конфликты, а также умение их решать;
- уметь доказывать и аргументировать, обосновывать, убеждать и опровергать критиков, достигать взаимных соглашений, решать компромиссы, давать оценки и делать предложения;
- уметь в нужной ситуации снять стресс и страх, адаптировать клиента к соответствующим условиям, а также корректировать его поведение и оценки.

И как итог, менеджеру необходимо иметь такие профессиональные навыки, умения и способности, как создание положительного эмоционального фона во время общения с людьми, организация процесса коммуника-

ции, умение диагностировать, мотивировать, а также воодушевлять людей, умение решать конфликты, проводить переговоры.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что будущий специалист должен владеть определенными умениями и навыками организации общения на основе коммуникативной толерантности. Более того, обучающий процесс должен происходить в учебно-профессиональном взаимодействии, способствующем развитию коммуникативной толерантности. Важным фактором для воспитания культуры толерантности у обучающихся является развитие вузовского образования в контексте диалога культур, что позволит не просто подготовить высокопрофессионального специалиста в той или иной области, но и «человека культуры», способного к мирному плодотворному сосуществованию в обществе культурного и национального плюрализма, основанном на гуманистических демократических ценностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М.К. Толерантность как компонент коммуникативной компетентности педагогов [Электронный ресурс] / М.К. Акимова, О.А. Галстян // Психологические исследования. – 2010. – № 3(11). – URL: <http://psystudy.ru>
2. Бабий Г.И. Формирование коммуникативной культуры менеджеров туристской деятельности в процессе их профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Г.И. Бабий; Рос. междунар. акад. туризма. – М. [б.и.], 1999. – 19 с. .
3. Кадырова М.И. Формирование толерантности у студентов, обучающихся в сфере туризма и гостеприимства / М.И. Кадырова // Центральная Азия на пути к культуре мира: формирование толерантного сознания, воспитание культуры мира. Мат-лы международной конф. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 228-230.
4. Мамбетова Р.Т. Связь коммуникативной толерантности личности с индивидуальнотипологическими особенностями старших подростков / Р.Т. Мамбетова // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского. – 2009. – № 3. – С. 21- 23.
5. Новикова Т.В. Толерантность – неотъемлемое условие журналистской профессиональной деятельности / Т.В. Новикова // Акценты. – 2007. – № 4. – С.70-71

TOLERANCE AS A PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITY OF THE INDIVIDUAL

K.V. Okolelov

Secondary School №55, Krasnodar

The article considers communicative tolerance as an important quality of a person which is necessary for professional activity. The author describes personal qualities that form the tolerance at the stage of professional training.

Key words: *tolerant behavior, professional training, communicative culture, speech etiquette.*

Об авторе:

ОКОЛЕЛОВ Константин Вениаминович – учитель английского языка средней общеобразовательной школы № 55 г. Краснодара, *e-mail:* donl67@mail.ru

УДК 37.016: 811.111

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

М.Ю. Пономарева

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Данная статья рассматривает особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов в высших учебных заведениях, а так же условия, влияющие на эффективность процесса обучения. Приводятся примеры заданий, используемых в коммуникации на английском языке для отработки навыков.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, эффективность обучения, профессиональные цели, коммуникация на английском языке.

На сегодняшний день английский язык для профессиональных целей преподаётся во всем мире в рамках образовательных программ разных специальностей. Специалистам различных областей нужен инструмент для эффективного и результативного обмена информацией. Таким инструментом является профессионально-ориентированный язык или язык для профессиональных целей. Необходимо отметить, что в нашей стране чиновники на разных уровнях заявляют о том, что сегодня выпускники ВУЗов должны уверенно владеть английским языком [Тер-Минасова 2012: 25].

В настоящее время программа изучения английского языка в высших учебных заведениях предполагает его изучение на двух уровнях: как общеобразовательная дисциплина и для профессиональных целей, в том числе и на курсах профессиональной переподготовки.

Цель обучения иностранному языку в качестве общеобразовательной дисциплины – формирование коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности учащихся использовать иностранный язык в межличностном и межкультурном общении.

Цель профильно-ориентированного обучения иностранному языку – формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции специалиста определенного профиля, которая характеризуется сформированностью коммуникативных умений и навыков всех видов речевой деятельности: чтения, письма, говорения, аудирования. Так, только при наличии сформированных грамматических, лексических навыков можно говорить о переходе на профессионально-ориентированное обучение.

С целью эффективности обучения английскому языку в профессиональных целях анализ потребностей и запросов учащихся (needs analysis) играет главную роль. Поэтому программа обучения (syllabus) значительно отличается от программы обучения английскому в общеобразовательных

целях.

Программа обучения английскому языку в общеобразовательных целях базируется на: грамматических структурах общего употребления (structural syllabus); речевых функциях общего коммуникативного назначения, например, «извинение», «знакомство», «просьба (functional syllabus); общечеловеческих проблемах, таких, как «природные катаклизмы», «экологические катастрофы», «новые инфекции», «растущая преступность» (notional syllabus); общежитейских темах, включая «Everyday life», «Shopping», «School» (topical syllabus); распространённых ситуациях, иллюстрирующих общение в бытовых обстоятельствах «At the doctor's», «Asking the way», «Meeting guests» (situational syllabus).

Программа профессионально-ориентированного подхода включает в себя грамматику определенного жанра, например, научной статьи или рекламы (genre syllabus); предпочитаемые виды речевой деятельности, например, устное общение или написание научных статей, чтение литературы по специальности (skills syllabus); специальные области применения английского языка, например, «физика», «информатика», «социология», «охрана правопорядка» (field syllabus); сферы личных интересов, например, «поэзия», «музыка», «фотография» (interests syllabus); задачи специального общения и, среди них, «разговор с клиентом», «подготовка презентаций», «деловая переписка», «общение по телефону» (task syllabus). Другими словами, программа составляется с направленностью на умения, необходимых в профессиональной деятельности.

Задача педагога состоит в организации комфортной языковой среды, в создании и выборе посильных задания для коммуникации, что, в свою очередь, повысит мотивацию студентов. Когда преподаватель приходит в аудиторию, он, прежде всего, ставит определенные цели занятия, которые помогают создать там благоприятные условия обучения, дружественную атмосферу взаимопонимания и взаимопомощи [Алявдина 2015: 194].

Уровень подготовки преподавателей, несомненно, должен быть на высоком уровне и соответствовать требованиям, предъявляемым к современному педагогу высшей школы. Основными задачами преподавателя являются подбор и систематизация учебных материалов, составление эффективных учебных программ и планов, использование инновационных подходов, направленных на результативность обучения, стимуляция мотивации студентов, поощрение их достижений. Важным элементом процесса обучения является взаимодействие студентов с преподавателем, как для организации контроля процесса обучения, так и для обеспечения помощи студентам.

Выбор учебно-методических материалов по английскому языку отражает взгляды педагога на методы обучения и преподавание английского языка. Цель занятия в большей мере влияет на выбор учебно-

методического материала. Для развития и дальнейшего закрепления коммуникативных навыков, преподаватель выбирает для занятия различные упражнения, создающие модель практики общения на языке: деловые ролевые игры, тематические диалоги, отчеты, презентации и дискуссии.

Одним из важных условий эффективности занятия по английскому языку для профессиональных целей является умение преподавателя создавать в аудитории атмосферу для живого общения и конструктивных споров. Студенты приобретают устойчивые навыки лишь тогда, когда у них есть выход на коммуникацию, живое общение. Высокий уровень мотивации к использованию знаний и умений в языковой среде является мощным средством для реализации такой возможности. Необходимо принимать во внимание тот факт, что чем чаще учащиеся ведут разговор на английском языке, читают книги в оригинале, смотрят фильмы на языке, тем выше становится уровень владения, и как следствие, повышается интерес и мотивация к дальнейшему овладению языком. С другой стороны, чем больше они будут вынуждены сосредотачивать свое внимание на сугубо лингвистическом, грамматическом и других аспектах языка или его отдельных структурах, что представляется им трудным, тем с меньшим желанием они будут посещать занятия [Алявдина 2015: 190].

Обучение английскому языку в профессиональных целях предполагает использования пособий, учебных материалов, содержащих терминологию, грамматику, словосочетания и идиоматических выражения по узкой специальности. К примеру, учебные пособия *Career Paths* могут быть успешно использованы для достижения данной цели. Вышеуказанный учебник имеет четкую, структурированную систему подачи и отработки материала:

1. Глоссарий (glossary) – например, Finance (ATM, budget, business plan, advertisement etc), Information technology (bitrate, avatar, capacity, PIN, RAM, RAID, DIMM etc), Agriculture (breeding, irrigate, arid, industrial crop, kill fee etc)

2. Текст, содержащий лексику по специальности и задания к нему – pre-reading activity, vocabulary, True/ False task.

3. Listening, Speaking, Writing: к аудированию предлагаются такие задания, как Choose the correct answer, Complete the conversation, etc; говорение происходит в форме диалога или предлагается разыграть диалог из аудирования по ролям. Навыки письма, как правило, отрабатываются в таких заданиях как Fill out the form/ note/ e-mail.

Применение английского языка в профессиональных целях осуществляется в конкретных контекстах, которые относятся к профессии. Личность с ее индивидуальными потребностями и целями – основной ориентир профессионального обучения. Достижение цели осуществляется посредством использования английского языка.

Итак, обучение английскому языку в профессиональных целях на сего-

дняшний день является актуальной задачей. Навыки и готовность к использованию языка в коммуникации помогают студентам стать востребованными и успешными конкурентами на современном рынке труда.

Данная задача предполагает использование комплексного подхода: непрерывное повышение качества методических материалов, применение инновационных методик, использование современных мультимедийных средств, виртуальной среды, а так же привлечение компетентных педагогов для обучения английскому с профессиональной направленностью. Однако, главным участником педагогического процесса является студент с его личными профессиональными потребностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алявдина Н.Г. Инновационные методики в преподавании английского языка для специальных целей в техническом вузе / Н.Г. Алявдина, Т.Д. Маргарян // Вопросы современной науки и практики. – 2015. – №3(57). – С. 188-196.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык – только гарнир к специальности / С.Г. Тер-Минасова // Территория науки. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – №1. – С. 40-58.
3. Evans V. Career Paths / V. Evans, J. Dooley, A. Graham. – Express Publishing, 2012. – 180 p.

PECULIARITIES OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TEACHING OF THE ENGLISH LANGUAGE IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS

M. Yu. Ponomareva

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

The article describes some peculiarities of professionally-oriented teaching of the English language in higher educational establishments. The author focuses on the conditions influencing the effectiveness of the educational process and gives the examples of tasks used in English communication.

Key words: professionally-oriented education, effectiveness of the education, professional aims, English communication.

Об авторе:

Пономарева Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета; *e-mail:* Marina555@mail.ru

УДК 37.016: 811.111

РОЛЬ ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.Ю. Пономарева, Г.Н. Никищенко

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

В статье рассматриваются некоторые особенности обучения английскому языку с применением дистанционных образовательных технологий в вузе. На основе текста по специальности приводятся примерные задания для отработки коммуникативных навыков.

Ключевые слова: иностранный язык, дистанционные образовательные технологии, текст, коммуникация.

Использование современных информационных технологий стало неотъемлемой частью любого этапа обучения иностранным языкам. Традиционные формы обучения не могут удовлетворять потребности обучающегося. Обучение с применением дистанционных технологий, являющееся одним из наиболее распространенных форм современного образования на сегодняшний день, помогает решить данную проблему.

Дистанционное обучение – это обучение на расстоянии, когда преподаватель и обучаемый разделены пространством [Полат 1998: 14]. Внедрение дистанционных образовательных технологий дает возможность:

1. Быстро передавать информацию.
2. Выбирать индивидуальный темп обучения.
3. Мотивировать студентов к самообразованию.
4. Выполнять задания, соответствующие интересам или потребностям студентов.
5. Применять творческий подход при выполнении заданий.

Несмотря на технологичность и доступность данного вида обучения, существуют неоспоримые недостатки. Отметим некоторые:

1. Отсутствие личного контакта между преподавателем и студентом.
2. Отсутствие регулярного контроля над студентами.
3. Применение исключительно асинхронных технологий в обучении (выполнение заданий только в письменном виде) [Титова 2011: 225].

Для минимизации вышеприведенных проблем, возникающих в процессе обучения с применением дистанционных технологий, мы полагаем, что необходимо вносить коррективы в процесс работы со студентами.

Так, возникает потребность в проведении практических занятиях (2-4 аудиторных часа) и консультаций, на которых студент смог бы предоставить собранный материал и проанализировать его вместе с преподавателем. В данном случае преподаватель выступает в роли координатора, направляющего процесс обучения. Соответственно, при наличии аудитор-

ных часов, появляется реальная возможность осуществления эффективного контроля полученных студентами знаний. Путем элементарного анализа выполненных заданий преподаватель может оценить степень освоения материала студентами. На наш взгляд, это сможет повысить стимул к выполнению заданий и мотивацию изучения иностранного языка. Кроме того, личный контакт студента и преподавателя позволяет применять синхронные технологии (чтение, говорение, аудирование), что будет способствовать развитию коммуникативных навыков студентов.

Студентам, обучающимся с помощью ДОТ по специальности «Логопедия» предлагается выполнить задания разного характера в системе. Грамматические упражнения и тестовые задания по грамматике выполняются в письменном виде и отправляются преподавателю на проверку. Эти результаты отражаются в ведомости успеваемости и являются подтверждением пассивного освоения материала. Студентам так же предлагается текст по специальности, на основе которого осуществляется работа на аудиторных занятиях. Ввиду низкого уровня языковой подготовки, текст дается заранее. При работе с текстом необходимо следовать методическим рекомендациям, которые разработал преподаватель, а так же важно вести тетрадь, в которой будет отражаться работа с текстом.

Работа с текстом по специальности выполняется студентами самостоятельно в несколько этапов:

1. Чтение и перевод текста с использованием различных источников информации и информационных ресурсов в системе ДОТ.
2. Анализ грамматических структур теста.
3. Работа с лексикой по специальности (выбор терминов, подбор соответствующего перевода на русском языке и т.д.)

В ходе практических консультаций с опорой на подготовленный и проработанный материал, студентам предлагается выполнить задания различного содержания. Целесообразно начать работу с грамматического анализа текста, изучая структуру и наполняемость каждого предложения. На данном этапе можно предложить упражнения типа *Correct the mistakes*, делая упор на грамматические явления, используемые в тексте. На наш взгляд, эффективным также является задание *Use the correct tense in the sentences*. (Eric was omitting word endings and some verb forms in his speech. (Past Continuous)) или *Compose the sentences using the words* (Eric, syntax disorder, demonstrated, a mild, hearing loss – Eric demonstrated a mild hearing loss and a syntax disorder., etc).

Необходимо упомянуть важность работы с лексикой текста, так как именно терминология и профессиональные выражения составляют основу для дальнейшего выхода на коммуникацию. Мы полагаем, что упражнения типа *Match the word with the correct Russian variant* (*cleft palate* – волчья пасть, *surgical correction* – хирургическое вмешательство, *articulation dif-*

ficulties- трудности в произношении, psychological consequences- психологические последствия и т.д), Find the synonyms/ antonyms in the text, Complete the sentences with the words from the text, etc. помогут комплексно проработать лексику. Заключительным этапом работы с лексикой может послужить такое задание как *Use the terms in your own sentences (impairment, articulation, nasal, physical abnormalities, suffer, at risk etc.)*. Стоит подчеркнуть, что задача педагога состоит не только в том, чтобы скорректировать грамматически неверные варианты и исправить фонетические ошибки. Педагог должен поощрять творческий подход студентов и максимальную приближенность используемой лексики в любом виде устной и письменной коммуникации к реальным ситуациям общения.

Итак, можно говорить о комплексной отработке лексического материала по тексту и возможности перехода к следующему этапу.

Так как коммуникация на английском языке является неотъемлемой и самой важной составляющей обучения, в рамках аудиторных занятий студентам предлагается составить устный ответ по плану с опорой на текст. Например,

1. *Occurrence of cleft palate*
2. *The impairment caused by cleft palate*
3. *The possibility of surgical operation*
4. *Child's articulation problems*
5. *Follow-up problems*
6. *Outcomes of the condition*

Для повышения интереса и мотивации студентов можно предложить составить диалоги (диалог-расспрос, диалог-убеждение, диалог-беседа и т.д.), основываясь на лексике и грамматике отработанного текста. Выбранный вид мотивирует студентов на речевые действия [Киргуева 2016].

Student : Professor, could you explain why cleft palate occur?

Speech therapist: A cleft palate occurs when tissues form the roof of the mouth and it doesn't function properly

Student : Is it genetic or acquired condition?

Speech Therapist : These conditions have a large genetic component and may run in families.

Результатом диалоговой речи выступает спонтанный диалог, составленный студентами. Приняв за основу текст, можно предложить составить диалог, опираясь на ситуативные задания. (*The child with cleft palate impairment and the speech therapist; the speech therapist and the child's parents; two speech therapist discussing the problem; the speech therapist and the psychologist.*)

Таким образом, на основе текста по специальности прорабатываются все виды речевой деятельности на английском языке. Для получения положительного результата необходимо наличие минимального количества практических аудиторных консультаций. Цель преподавателя состоит в

том, чтобы обеспечить студентов материалом для самостоятельного изучения иностранного языка, который послужит основой для отработки грамматических и лексических навыков. Перед студентами ставится задача, заключающаяся в проработке текста по всем вышеприведённым аспектам для дальнейшего выхода на коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киргуева Р.А. Мотивация как способ повышения эффективности обучения иностранному языку в ВУЗе / Р.А. Киргуева // Язык. Культура. Общество: мат-лы межвузовск. научно-метод. конф., посвященной 85-летию образования кафедры иностранных языков КубГАУ. – Краснодар: КубГау, 2016. – С. 263.
2. Полат Е.С. Дистанционное обучение: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Е.С. Полат/ – М.: Владос, 1998. – 191 с.
3. Титова О.А. Школьное образование: стандарты и инновации / О.А. Титова, И.В. Головина // Роль университетов и музеев в проведении гуманитарных научных исследований: мат-лы VI международн. научно-практ. конф. Тула, 15 мая 2011 г. – Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. – С.225-227.

ROLE OF THE TEXT IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN THE UNIVERSITY WITH THE USE OF E-LEARNING TECHNOLOGIES

M. Yu. Ponomareva, G.N. Nikischenko

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

The article deals with some specific features of teaching English with the help of e-learning in higher educational establishment. The authors give some examples of exercises on the base of professionally oriented text.

Key words: *teaching a foreign language, e-learning, text, specialization, communication.*

Об авторах:

ПОНОМАРЕВА Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета, *e-mail:* Marinak555@mail.ru

НИКИЩЕНКО Галина Николаевна – старший преподаватель кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета, *e-mail:* kaf-fr313@yandex.ru

УДК 372.881.1

**К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ УВЕРЕННОСТИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

В.В. Потепкина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

В статье рассматривается вопрос о психологической и языковой неуверенности студентов неязыковых вузов при иноязычной коммуникации и возможных методах формирования коммуникативной уверенности.

Ключевые слова: коммуникация на иностранном языке; снижение психологического напряжения; языковая уверенность; беглость речи; уровень грамотности; активные методы обучения.

На протяжении многих десятилетий учеными-практиками поднимается проблема трудного психологического перехода обучающихся из школьной системы в вузовскую систему. Особенно ярко эта проблема проявляется, когда студенты сталкиваются с требованиями коммуникации на занятиях иностранного языка.

Вопросу психологического напряжения в процессе устной иноязычной коммуникации уделяется большое внимание в специализированной литературе. Мы называем это напряжение «языковой зажатостью». Рассматриваются разные причины, вызывающие психологическое напряжение студентов при общении на иностранном языке. Одни ученые уделяют особое внимание недостаточному уровню грамотности иностранного языка (Р.И. Куряева, В.С. Волков, Л.А. Антонова, Д.Д. Жоровля). Так, Р.И. Куряева и В.С. Волков видят причину низкого уровня грамотности в неоптимальной последовательности обучения грамматики. По их мнению, следует строить обучение не на частоте употребления грамматических явлений, а на развитии сложности грамматики [Волков 2016; Куряева 2014]. Такие преподаватели как Я.Н. Галиева; М.Б. Отыншинова, И.И. Филипович; А.П. Пузанов видят причину языкового барьера в недостатке лексического запаса или развития беглости речи [Пузанов 2016; Филиппович 2014].

Автор не отрицает высокую значимость вышеуказанных факторов, но отдает приоритет вопросу формирования психологической уверенности обучаемого иностранному языку. Понятие «языковая уверенность» исследователи трактуют по-разному. Так, специалист в области психологии и педагогики Сара Ли Кейн под языковой уверенностью подразумевает знание контента и путь донесения этого контента до собеседника [Cain <http>]. Норман Винсент Пил считает уверенность обязательным условием достижением успеха [Peale 2006].

Множество факторов могут оказывать влияние на формирование уве-

ренности при обучении иностранному языку. Определению влияния данных факторов посвящено значительное количество научных трудов. Так, хочется особо отметить исследование Сары Ли Кейн, в рамках которого осуществлялась оценка методов, при помощи которых возможно сформировать уверенность в процессе коммуникации на иностранном языке. Она приходит к заключению, что сформировать коммуникативную уверенность человека на иностранном языке помогут следующие приемы, обучающие беглости речи:

- подражание и имитация ведущих телевизионных программ;
- овладение языком жестов;
- советы людей, которым можно доверять, о продвижении к успеху;
- заготовка ряда начальных фраз для разговора на любую тему;
- работа в группе по принятию решения проблемы;
- чтение информации об успешном овладении иностранным языком другими людьми;
- отслеживание собственного продвижения к успеху [Cain [http](#)].

Исследование современной научно-педагогической литературы, а также практический опыт показали, что наличие психологического барьера, проявляющегося в «языковой зажатости» и страхе говорить на иностранном языке, не позволяют человеку свободно использовать свой уже имеющийся лексический запас иноязычной лексики и грамотности. Уместно предположить, что для ликвидации психологического напряжения при коммуникации может помочь использование следующих методов, используемых преподавателем:

- четкая постановка задачи, которая должна быть выполнена в конце задания;
- создание на занятии ситуации, позволяющей раскрыть креативность студента;
- задания должны обеспечивать возможность его успешного выполнения каждым студентом пошагово;
- поощрение достижения малейшего прогресса в процессе коммуникации;
- формирование и выработка студентами самооценки в процессе обучения иноязычной коммуникации;
- поддержка веры студента в достижение успеха.

Кроме психологического фактора, особое внимание следует уделить языковому фактору. Принимая во внимание, что целью обучающихся иностранному языку является беглая речь при устной и письменной коммуникации, можно рассмотреть составляющие, которые приводят к формированию беглой иноязычной речи. Хочется особо выделить три главных фактора достижения речевой беглости:

- 1) языковой тренинг;
- 2) приобретение знаний, умений и навыков;
- 3) достижение уверенности во время коммуникации.

Значение языкового тренинга можно сравнить с обязательным тренингом при занятии музыкой или спортом, где он является обязательным условием. Постоянное упражнение в аудировании и имитации звуков, слов и предложений за носителями языка поможет обучаемому научиться не только правильной интонации, правильному ударению и произношению, но также сможет увеличить темп речи.

Но для беглости речи совершенно необходимы словарный запас, знание грамматики языка, порядка слов в предложении и конструкции предложений. При наличии двух вышеуказанных факторов проявляется уверенность и раскрепощенность при иноязычной коммуникации. Особенно это важно для студентов, у которых после перехода из школы в вуз часто проявляется языковая зажатость при общении на иностранном языке.

Методам и технологиям лексического, грамматического тренинга и тренинга аудирования посвящено множество исследовательских работ как носителей языка (Laran Joseph; Clare Lavery; Ben Davies), так и отечественных педагогов (Я.Н. Галиева, М.Б. Отыншинова, И.И. Филипович, А.П. Пузанов). Множество дискуссий ведется о первостепенном значении знания грамматики иностранного языка. Автор статьи не может согласиться с приверженцами идеи о главенстве темпа и беглости речи и второстепенном значении грамотности при коммуникации. В отсутствии достаточного уровня грамотности слова и предложения теряют правильный смысл информации. Кроме того, безграмотный человек не может функционировать, а также не имеет возможности познавать что-то новое.

Особенно остро проявляется эта проблема у студентов первого курса при переходе из школы в вуз. Многолетний опыт автора и изучение опыта других преподавателей высшей школы позволяют утверждать, что в большинстве случаев наблюдаются две тенденции:

- студенты говорят на иностранном языке довольно бегло, но безграмотно;
- студенты боятся вступать в коммуникацию в связи с недостаточным запасом лексики и знанием грамматики.

Данная картина позволяет предположить, что в средней школе грамматике не уделяется достаточное внимание. Также уместно говорить о недостатке заинтересованности школьников в изучении грамматики иностранного языка. Обычно, правила по грамматике воспринимаются обучающимися как скучная сфера языка. И часто студенты хорошо знают правила, но не могут применять их на практике, особенно при спонтанной речи. Поэтому автор является защитником технологии обучения грамматике иностранного языка путем применения интересных, нескучных упражнений и

заданий.

Важно, чтобы упражнения и задания соответствовали базе языка студента. Если обучающиеся имеют лексическую и грамматическую базу языка на уровне умения логически правильно излагать свои мысли, но делают какие-либо ошибки, то они вполне справляются с такими заданиями, принадлежащими к активным методам обучения (АМО), как case study, ролевые игры, обсуждение просмотренного фильма или прочитанной главы книги, презентации, разработка плана проекта, квесты. Практический опыт автора показывает, что студенты с более продвинутым уровнем языка нацелены на скорейшее продвижение вперед и имеют мотивацию овладеть всем комплексом грамматических явлений иностранного языка и умением бегло говорить.

Что касается студентов со слабой языковой подготовкой, надо признать, что они охотнее говорят на подготовленную дома тему, но имеют затруднения при спонтанном разговоре в диалоге или полилоге. Основная трудность заключается в постановке вопросов.

Общеизвестно, что вопросы являются неотъемлемой частью любой коммуникации. В научно-педагогической и методической литературе вопросу порождения вопросной формы коммуникации уделяется большое внимание. Известные ученые в области психологии и педагоги Т. Керри и Р. Фишер полагают, что процесс порождения вопросов помогают развивать мыслительный процесс обучающихся и сам процесс обучения [Kerry 1982; Fisher 2001].

Самой распространенной формой работы с вопросами на занятии является ситуация, когда преподаватель задает вопросы, а обучающиеся отвечают. Автор считает, что эта форма работы с вопросами имеет как положительные стороны, так и недостатки. Положительной стороной может являться тот факт, что процесс порождения ответа на поставленный преподавателем вопрос:

- позволяет преподавателю выяснить, какие трудности или непонимание испытывают обучаемые;
- помогает развивать любознательность у обучаемых;
- мотивирует студентов, дает ответственность каждому члену группы и делает группу более сплоченной;
- помогает в процессе суждения, сравнения и составления собственного мнения о факте и событии;
- формирует навык ведения беседы и умения найти решение проблемы.

Но недостатки этого вида работы также необходимо учитывать. К недостаткам применения приема непосредственно опроса, когда студенты только отвечают на вопросы, по мнению Р. Фишера, можно отнести некую пассивность процесса обучения. Особенно часто это явление наблюдается

при ситуации, когда преподаватель задает слишком много вопросов. Большое количество вопросов может привести к снижению количества продуманных и творческих ответов студентов [Fisher 2001].

Нельзя не согласиться с мнением Р. Фишера, который считает, что процесс формирования навыка и умения задавать, а не только отвечать на вопросы, является ключевым фактором, позволяющим сделать процесс обучения более эффективным. По нашему мнению, процесс порождения вопроса не только активизирует мыслительную деятельность, но может оказывать значительное влияние на снижение психологической напряженности обучаемых. Опыт автора показал, что как только студенты приобретают интерес к той или иной сфере иностранного языка и достигают даже малый успех в иноязычной грамотности, у них появляется мотивация продвигаться дальше и добиваться грамотной речи. Важно, что по окончании каждого задания студенты должны видеть свое продвижение вперед. Поэтому следующим этапом для студентов со слабой языковой базой могут быть ролевые игры и участие в кейсах, которые способствуют незаметному для студентов снижению психологического напряжения и формированию коммуникативной уверенности студентов.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что ликвидация психологического напряжения является одним из важных условий формирования и развития коммуникативной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.С. Коммуникативная грамматика в обучении английскому языку в высшей школе (сфера информационных технологий) / В.С. Волков // Современная наука. – 2016. – №4. – С. 55-68.
2. Куряева Р.И. Инновационные подходы к методике преподавания английского языка / Р.И. Куряева // Вестник Казанского технологического университета. – Т. 17. – 2014. – № 12. – С. 266-270.
3. Пузанов А.П. Индуктивный и дедуктивный подходы в обучении иностранному языку / А.П. Пузанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2016. – № 3. – С. 89-98.
4. Филипович И.И. Подходы к обучению грамматике иностранного языка / И.И. Филипович // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2014. – № 4. – С.84-87.
5. Cain S. L. Simple Steps to Increase your Confidence with English [Электронный ресурс] / S.L. Cain. – URL: <https://blog.tjtaylor.net/increasing-confidence>
6. Fisher R. Teaching Children to Learn / R.Fisher. – Cheltenham: Nelson Thornes Ltd, 2001.
7. Kerry T. Effective Questioning: A Teaching Skills Workbook / T. Kerry. – L.: Macmillan, 1982.
8. Peale N.V. The Power of Positive Thinking / N.V. Peale. The Quality Book Club. 2006.

ON BUILDING CONFIDENCE WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

V.V. Potepkina

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg,

This article is devoted to the issue of building confidence in foreign language communication at the foreign language teaching process. A special attention is paid to the advantage of using question-respond form of work and active methods when creating psychologically comfortable atmosphere at a foreign language lesson.

Key words: *foreign language teaching, linguistic confidence, speech fluency, grammatical correctness, developing creative minding; active teaching methods.*

Об авторе:

ПОТЕПКИНА Валентина Вениаминовна – старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета; *e-mail:* val-potepkina@yandex.ru

УДК 37.0+004

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ И КУЛЬТУРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(на примере урока, посвященного теме English for IT)

А.А. Чухно, Д.А. Заславнов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону

В статье рассмотрен комплекс практических упражнений по работе с мобильными приложениями в рамках тематики *English for IT*, предназначенный для формирования и совершенствования у учащихся навыков корректного использования мобильных приложений на уроках английского языка.

Ключевые слова: *мобильные технологии, мобильное приложение, иностранный язык, мобильное обучение.*

В современном образовательном процессе достаточно широкое распространение получили технологии мобильного обучения, направленные на использование мобильных устройств, приложений, электронных ресурсов на уроках иностранных языков [Sarica 2009, Usluela 2009, Hockly 2014]. Одним из основных преимуществ использования мобильных приложений является, как правило, наличие обширных библиотек медиафайлов (аудио-, видеофайлов, электронных текстов), посвященных разным тематикам, а так же и наличие электронных обучающих курсов, которые можно использовать как на уроке, так и для организации самостоятельной работы учащихся [Usluela 2009, Hismanoğlu 2010].

Но необходимо учитывать, что учащихся, как младшего и среднего школьного возраста, так и старше необходимо обучать правильному ис-

пользованию мобильных и электронных ресурсов в процессе обучения. Так как чрезмерное их использование имеет определенные недостатки:

- это и неосмысленное, слепое использование электронных переводчиков, которое не способствует у учащихся формированию навыков работы с текстом и навыков перевода, а наоборот, вредит им;

- использование новейших информационных технологий создает межпредметную связь между иностранным языком и информатикой, что означает, что от обучающего требуются базовые навыки владения мобильным устройством [Collins 2005];

- зависимость производительности приложения от технических характеристик устройства, скорости передачи данных, что требует от обучающихся наличия доступа к сети Интернет, а так же использования современных устройств [там же].

- психологический фактор восприятия обучающимися работы с приложениями и мобильным устройством. Мобильные телефоны, смартфоны и планшеты уже давно стали практически неотъемлемой частью жизни молодежи, что породило ряд проблемных факторов: у молодого поколения работа с устройствами и приложениями чаще всего связана с досугом и развлечениями (мобильные игры, социальные сети), в то время как познавательные мотивы, в частности, образовательные, в основном, вытесняются [Vavoula 2002].

- слишком частое использование мобильных устройств, и структура взаимодействия пользователя с ними приводят к развитию «клипового» мышления, вместо «абстрактного», что местами порождает трудности во взаимодействии уже с традиционными образовательными технологиями и методиками [Hismanoğlu 2010];

- также следует отметить, что люди, пользующиеся мобильными устройствами слишком часто в повседневной жизни, со временем труднее концентрируют свое внимание на длительный промежуток времени, кроме того от длительной работы, возникает большая зрительная нагрузка, что со временем может вызвать повышенную утомляемость, головные боли, а так же ухудшение зрения.

В данной статье представлены несколько упражнений из разработанной авторами комплекса упражнений для урока в рамках темы *English for IT*, с использованием мобильных обучающих приложений и электронных переводчиков, направленный на:

- формирование навыков использования приложений в практической специализированной деятельности;

- формирование культуры использования мобильных приложений и электронных ресурсов для самостоятельного совершенствования в данной области;

- формирование словарного запаса, речевых и грамматических навы-

ков в специализированной области – *English for IT*;

- закрепление полученных навыков и компетенций;
- формирование и совершенствование навыков неподготовленной речи – *native speaking* в данной области.

Необходимое оборудование и дополнительные требования: ноутбук / нетбук / смартфон, доступ в интернет. Зарегистрированный аккаунт на сайте www.lingualeo.com.

Ex. 1. *Tricky situations.* Open the website www.lingualeo.com or *LinguaLeo* mobile app, then log in. Open the course *English for IT*, and choose module “tricky situations-1“. Watch the video below then complete the task given:

Fill in the gaps:

1. We'll talk about _____ situations.
2. How long is the piece of _____.
3. We _____ need a ballpark, a rough estimate.
4. Let's talk about how you'd like it to _____ and then I can give you a rough estimate.

Choose the correct answer:

1. Сколько потребуется времени на это?
 - a. What time will it take?
 - b. How many time will it take?
 - c. How long will it take?
 - d. How much will it take?
2. Какое слово означает ‘приблизительные сроки’?
 - a. Plan
 - b. Time
 - c. Timelines
3. Какое слово означает ‘грубый подсчет, приблизительное значение’?
 - a. Harsh estimate
 - b. Rough estimate
 - c. Unclear estimate
 - d. Rude estimate
4. And if I ____ you, I'd like to know too.
 - a. Would be
 - b. Was
 - c. Were
 - d. Would have been
 - e. Am

Compare the phrases given:

1) How long is the piece of string	a) Rough estimate
2) Ballpark	b) Unrealistic forecast
3) How long do you think it'll take?	c) When will you finish it?

Put the parts of the sentence in a correct order:

- 1) I know that it's like asking "How long is the piece of string",
- 2) but we do need a ballpark, rough estimate –
- 3) some indication so that we plan our budget, resources
- 4) How long do you think it'll take?

Is there any difference between the words timelines and deadline? Give a description if there is.

Vocabulary learned:

Tricky situations ('щекотливые ситуации'), timelines (сроки), we do need ('нам очень нужно'), how long will it take? (сколько времени потребуется?) How long is the piece of string (идиома, значение – 'на такой вопрос невозможно дать четкий ответ, каждый раз бывает по-разному'), ballpark (приблизительно), rough estimate (грубый прогноз); damned if you do, damned if you don't ('И так плохо, и так плохо' – пословица), and if I were you ('И если бы я был на вашем месте').

Ex. 2. Translating with eTranslators. In this exercise you will meet with electronic translators (eTranslators) like Google translate or Yandex. You will learn how they usually translate from one language into another, and how to use it properly to minimize mistakes and find appropriate equivalents.

Open websites: <https://translate.google.ru> and <https://translate.yandex.ru>.

Translate the phrases and sentences given into Russian and vice versa as a whole. Note how incorrect they translate idioms and big amount of info. Discuss the differences in translation made by both eTranslators. Note that each translator gives you different translation.

Translate with Google and Yandex:

1) damned if you do, damned if you don't
2) For any kind of online work, we mostly have to sign up and open new account with personal detail so that you can access your account later with username and password.

3) Graph analytics is becoming an increasingly popular approach to realizing value from "big data," particularly when the datasets are naturally sparse and irregular.

4) However, specialized hardware, although very capable in its domain, cannot take advantage of the surge of new data analytics algorithms and software generated within academia and industry, which is generally developed for networks of commodity computers.

5) It takes two to tango.

6) In the following sections, we describe the hardware and software platforms and the nature of the graph datasets and algorithms.

7) Another performance consideration for both Hadoop and Spark is that they rely upon Java Virtual Machines, which can introduce their own complexities into optimization.

Note: though the overall quality of translation has increased, because of use very new semantic algorithms by eTranslators, there are still many mistakes in some phrasal verbs, idioms, specialized terms and literature. You need to double-check everything you translate with eTranslators. Let alone the fact that each translator often has a different translations: for example the word *sparse* in the 3rd sentence, the phrase about domain in the 4th sentence, idiom number 5 – “It takes two to tango” and so on. So, how to use such translators properly? Here are some tricks and tips which can help you:

1. When you see an idiom, phrasal verb or term it’s better to use appropriate electronic vocabulary for idioms, phrasal verbs and stuff like that instead of using eTranslators.

2. Translate the whole sentence just for understanding its general mean;

3. Always look at the context if available;

4. Then translate the sentence by small parts paying your attention on terms, specific words, phrasal verbs, time used, idioms, etc.;

5. It’s better to use these translators to find the meaning of separate words you don’t know;

6. After translation is done – try to compare your result with the general mean of the sentence you translated;

7. Then convert your translation in an appropriate style, which you can determine from the context;

8. Double-check your results.

Now translate all the sentences given using this algorithm.

Ex. 3. Creating a ODesk (LinkedIn) profile. Open the website www.lingualeo.com or LinguaLeo mobile app, then log in. Open the course English for IT, and choose module «Поиск удаленной работы». Watch the video below.

A highly-skilled Net/Software developer with a 10 year proven track record in developing core components, interfaces and protocol design. Extensive technical knowledge and attention to detail for bug-free software.

A perfectionist by nature with methodical testing ability and good communication skills; a personalized approach to clients’ needs.

Write your own profile using structure and vocabulary given:

Highly-skilled – высококвалифицированный

Proven track record in – успешный опыт работы в, достижения

Extensive – обширный (например, обширные знания)

Knowledge – знания

In-depth knowledge – глубокие знания

Working knowledge – рабочие знания

Attention to detail – внимание к деталям

Bug-free – без багов, ошибок

Perfectionist by nature – добивающийся во всем совершенства

Methodical testing ability – методично перепроверяет, тестирует

Personalized approach – индивидуальный подход

Ex. 4. Reading and unprepared speech. Open the website www.lingualeo.com or LinguaLeo mobile app, then log in. Then click to Jungle (Джунгли) and type “Computer programmer” in a search line, then open and read the topic you found.

Read the topic once again, click to the words new for you and you’ll see the appropriate translation. Write down to your copybook at least 15 words with translation in order to learn them to the next lesson.

Now work in pairs.

One of you plays a role of a programmer, while another – interviewer. Interviewer should ask programmer about the reason why he/she chose this profession (topic), about some tricky situations (ex. 1) and professional skills (ex. 3). Programmer should answer the questions.

Note:

- you don’t have time to prepare your answers
- you can use the vocabulary and grammar from previous exercises.
- there are situations like this when you have to speak about the subject of the discussion without many time to think what to say – so don’t keep silence, and don’t worry if you make some mistakes.

ЛИТЕРАТУРА

1. Collins T.G. English Class on the Air: Mobile Language Learning with Cell Phones / T.G. Collins // Proceedings of the Fifth IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies (ICALT’05). – 2005.
2. Hismanoğlu S. Telling ELT Tales out of School, Attitudes of L2 Teachers towards Internet-based Foreign Language Teaching / S. Hismanoğlu // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2010. – Vol. 3. – P.106-111.
3. Hockly N. Going Mobile: Teaching and Learning with Handheld Devices / N. Hockly, G. Dudeney. – London, UK: Delta Publishing, 2014. – 120 p.
4. Sarica G.N. New Trends in 21st Century English Learning / G.N. Sarica, N. Cavus // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2009. – Vol. 1. – P. 439-445.
5. Usluela Y.K. Adoption of Web 2.0 tools in distance education / Y.K. Usluela, S.G. Mazman // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2009. – Vol. 1. – P. 818-823.
6. Vavoula G. Requirements for the Design of Lifelong Learning Organizers / G. Vavoula, M. Sharples // Proceedings of the European Workshop on Mobile and Contextual Learning. – 2002. – P. 23-26

**FORMING AND IMPROVING THE SKILLS AND CULTURE
OF USING MOBILE APPLICATIONS
IN ENGLISH LANGUAGE LESSONS**

(on the example of a lesson on to the topic – English for it)

A.A. Chukhno, D.A. Zaslavnov.

Don State Technical University, Rostov-on-Don

The article describes a set of practical exercises on working with mobile applications within the framework of the topic – English for IT, intended for the formation and improvement of students' skills in the correct use of mobile applications in English classes.

Key words: *mobile technologies, mobile application, foreign language, mobile learning.*

Об авторах:

ЧУХНО Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Мировые языки и культуры» Донского государственного технического университета, *e-mail:* alexa-ch@list.ru.

ЗАСЛАВНОВ Дмитрий Александрович – магистрант Донского государственного технического университета, *e-mail:* Zaslavnov@gmail.com

УДК 372

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК ПОНИМАНИЯ
ПРИ РАБОТЕ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ТЕКСТАМИ**

О.В. Шахин

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматриваются некоторые аспекты использования герменевтических техник понимания текста (согласно работам Г.И. Богина), применяемые на практических занятиях по английскому языку.

Ключевые слова: *герменевтика, техники понимания, рефлексия, декодирование, актуализация.*

В педагогической практике, связанной с преподаванием иностранных языков, мы неизбежно сталкиваемся с использованием оригинальных или адаптированных текстов. Работа с текстами различного характера – научными, публицистическими, художественными – предполагает выход к их полноценному пониманию. Понимание текста как процесс является предметом филологической герменевтики, и ее инструменты могут быть успешно использованы в учебной деятельности.

Рассмотрим три текста и работу с ними в герменевтическом ключе.

Предлагаемые тексты совершенно несхожи между собой; это неадаптированный научно-публицистический текст социополитической направленности (*The Clash of Civilizations* by Samuel Huntington), адаптированный художественный текст (*Treasure Island* by Robert Lewis Stevenson), художественный текст на языке оригинала (*The Picture of Dorian Gray* by Oscar Wilde). Первый из них прочитывается (во фрагментах, не полностью) и анализируется на занятиях со студентами, отделения международных отношений; второй используется в группах различных факультетов с уровнем подготовки, последний, оригинальный неадаптированный текст – на 3 курсе факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ.

Текст, по определению основателя Тверской Герменевтической школы Г.И. Богина, вообще есть в социальном смысле важная часть действительности [Богин 2009: 20]. Это было сказано скорее о художественном тексте, но оригинальный политико-социологический текст как пример языкового учебного материала также дает нам широкие возможности для применения герменевтических техник понимания. С этой точки зрения особенный интерес представляет собой работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», за два с половиной десятилетия ставшая явлением в мировой политике и частью постоянного социологического и политического дискурса. Значительные фрагменты данного текста были предложены студентам для освоения.

Как известно, техники понимания, применяемые в каждой конкретной ситуации, зависят от типа герменевтической ситуации (в данном случае это познавательно-педагогическая ситуация), избранного типа понимания (семантизирующий/когнитивный/смысловой), выбора граней понимаемого (актуальный на данный момент микрофрагмент смысла), а также от подготовки участников процесса понимания [Богин 2009: 58]. Применение техник чаще происходит в снятом виде и осознается реципиентом лишь при возникновении ситуации НЕПОНИМАНИЯ, когда для его преодоления приходится прилагать усилия, то есть выходить в рефлексивную позицию. Техник понимания известно более ста.

Общими техниками, применимыми к ситуациям широкого диапазона, по мнению Г.И. Богина, являются дивинация (своего рода угадывание), феноменологическая редукция, разрыв герменевтического круга, замена эпифеноменальности процессуальностью, углубление в сущность [Богин 2009: 58]. Основными герменевтическими техниками узкой направленности, имеющими целью обеспечить понимание одного типа из указанных выше трех (семантизирующее/когнитивное/смысловое), являются следующие:

- техника декодирования при семантизирующем понимании, рефлексия над опытом хранения в памяти знаков языка;

- техники 1) контекстной догадки, 2) наращивания микроконтекстных смыслов, 3) соединения актуализируемых знаний с признаками объекта — при когнитивном понимании, когда рефлексия затрагивает познавательный опыт;

- техники 1) распределения средств текста, 2) реактивации прошлого опыта значащих переживаний и 3) техника перефокусировки, усмотрение «содержательных сущностей текста» [Богин 2009: 62] при смысловом понимании, в котором задействован весь опыт человека, включая опыт «чувствований и переживаний» [там же].

В работе с приведенным ниже отрывком текста прежде всего были задействованы:

а) на уровне семантизирующего понимания – техника декодирования, при необходимости перевода с английского на русский включающая в себя выбор корректного варианта перевода лексических единиц (курсивом выделены элементы текста, вызвавшие трудности и, следовательно, поставившие учащихся перед необходимостью рефлексивной деятельности):

For forty-five years the Iron Curtain was the central dividing line in Europe. That line has moved several hundred miles east. It is now the *line separating the peoples of Western Christianity, on the one hand, from Muslim and Orthodox peoples on the other.*

... "future conflicts will be sparked by cultural factors *rather than* economics or ideology." And the most dangerous cultural conflicts are those *along the fault lines* between civilizations.

... during the Cold War global politics became *bipolar* and the world was divided into three parts. A group of mostly wealthy and democratic societies, led by the United States, was *engaged* in a *pervasive*, ideological, political, economic, and, at times, military competition with a group of *somewhat* poorer communist societies associated with and led by the Soviet Union. Much of this conflict occurred in the Third World outside these, two camps, composed of countries which often were poor, lacked political stability, were recently independent, and claimed to be *nonaligned* (Huntington <http://>).

б) при освоении этого же текста на уровне когнитивного понимания выход студентов в рефлексивную позицию обеспечивался затруднениями иного характера; в данном случае приходилось преодолевать трудности при освоении содержания текста (the Iron Curtain, Western Christianity, Orthodox peoples, the Cold War, the Third World, nonaligned). Здесь использовалась техника проблематизации; техника контекстной догадки или интериоризации контекста (the Iron Curtain, the Cold War), наращивания микроконтекстных смыслов (при чтении более объемных частей текста, которые невозможно привести здесь в качестве примера в силу ограниченного размера статьи); техника актуализации знаний (например, оказавшаяся значимой в данной политической ситуации разница между западным и восточным христианством), техника перехода от понимания к новому знанию, от содержания к смыслу и т. д. В рамках работы над текстом рефлекс-

тирование нередко проходило в форме дискуссии, например, были высказаны сомнения в корректности автора при определении полюсов биполярного мира как *wealthy and democratic societies/ somewhat poorer communist societies*, обсуждению более всего подверглись понятия «democratic» и «poor».

в) Несмотря на тот факт, что предложенный к рассмотрению текст не является художественным, в силу сложившейся на данный момент тревожной политической ситуации и активного поиска студентами ответов на насущные вопросы, в ходе работы над текстом ими была проявлена готовность к выходу на верхний смысловой уровень значащих переживаний. В этом случае использовалась техника переконцентрации, при которой происходит «переключение личностной установки, сопровождаемое практическим абстрагированием от мыслей и чувств, не относящихся к содержательности понимаемого текста» [Богин 2009: 62], т. е. в некоторых случаях переживался смысл, полученный в ходе рефлексирования над микротекстом, либо метасмысл – при рефлексировании над текстом как целым. Например, смысл «неизбежность вовлечения собственной жизни в орбиту общемировой, невозможность избежать этого», «сложность определения правильной позиции в оценке ситуации», «необходимость занять аргументированную точку зрения» и т. д. Объективацией рефлексии в данном случае можно назвать выход к системным представлениям в области знания, выход к оценке, выход к мнению и/или изменению мнения, выход к отношению и/или изменению отношения, усмотрение образа автора и сопоставление его позиции с собственной.

В целом необходимо заметить, что наряду с использованием указанных техник понимания в ходе работы над текстом С.Хантингтона основным оставался процесс нерефлексивного (при отсутствии затруднений) смыслового восприятия текста.

Второй текст, рассматриваемый в этой статье – адаптированный до уровня Intermediate роман Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ». Что касается типа понимания нижнего уровня (семантизирующего), соответствующего действительности предметных представлений, то здесь актуальна та же техника декодирования, что и при освоении текстов С.Хантингтона и О.Уайлда. Далее, также для этих трех текстов, тип понимания второго уровня (когнитивного), соответствующий действительности коммуникативного опыта, предполагает освоение трудностей в области содержания, при этом при работе с «Островом сокровищ» типичными ситуациями преодоления непонимания являются следующие: определить, какие важные для фабулы романа смыслы скрыты в существительном *inn* – что значит «трактир», почему подобные заведения как в Англии, так и в России были вынесены довольно далеко за черту жилых поселений; как организована повседневная жизнь персонажей – есть ли в их действительности

школа, полиция, почта, местная администрация и т. п. Без уяснения подобных обстоятельств невозможно полноценное понимание всего текста. В данном случае рефлегируется познавательный опыт реципиента. Здесь также использовались техника контекстной догадки, техника проблематизации и актуализации знаний, техника перехода от понимания к знанию; техника наращивания предикаций и их категоризация, техника наращивания смыслов микроконтекстов и т. д. При работе с романом О.Уайлда реципиент сталкивается с необходимостью преодоления проблемы незнания реалий светской жизни Англии XIX века, особенностей взаимоотношений между людьми, принадлежащими к разным социальным группам, и общей атмосферы викторианской эпохи. Однако в отличие от адаптированного текста Стивенсона, полный утонченной изысканности язык «Портрета Дориана Грея» позволяет студенту многократно выходить к высшему уровню –смысловому пониманию и значащим переживаниям. Кроме перечисленных выше техник, соответствующих этому уровню, здесь задействованы такие, как растягивание смыслов, переход к метасмыслам; понимание по схемам действия; экспектация; техника герменевтического круга; фонетические, грамматические, лексические актуализации; экспликационность и импликационность и др. Чем более полноценный художественный текст выбран для изучения, тем более разнообразным и насыщенным предстает он на уровне смыслового понимания.

Итак, иноязычные тексты в педагогической практике дают учащимся широкие возможности для работы над разноуровневыми типами понимания, при условии обучения их практике герменевтического анализа текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г.И. Богин. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. –152 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order [Электронный ресурс] / S. Huntington. – Simon and Schuster, 1996. – URL: https://catalog.libfl.ru/Record/BJACC_8169.

APPLICATION OF HERMENEUTIC TECHNIQUES OF UNDERSTANDING WHILE WORKING WITH ENGLISH TEXTS

O.V. Shakhin

Tver State University, Tver

The article discusses some aspects of using hermeneutical techniques of text understanding (according to G.I. Bogin), used in English classes.

Ключевые слова: *hermeneutics, undestanding procedures, reflection, decoding, actualization.*

Об авторе:

ШАХИН Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, *e-mail*: nodm2005@yandex.ru.

УДК 378.147:5

МОБИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В.Н. Юрданова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Во время интенсивного развития цифровых технологий, широко проникающих во все сферы жизни нашего общества, меняются и технологии методов обучения. В практику стремительно входят новые термины относительно технологий и методов обучения. В дополнение к уже имеющемуся понятию e-Learning появилось направление m-Learning.

Ключевые слова: методы обучения, мобильное обучение, электронное обучение, мобильные технологии, смартфоны, инновации, удобство использования.

M-Learning – mobile learning – is a relatively new concept that has emerged in teaching practice only in recent years. The emergence of mobile technologies, smartphones and tablets has revolutionized the consumer electronics industry, their widespread use in the everyday environment of students, as well as in education. All innovations in this area first perceive young people. When conducting a survey at the beginning of the semester, 99% of students from 12 groups gave a positive answer to the question of the availability of Android smartphones and the possibility of their use in the learning process. 1% included students who, in general, had a smartphone, but which are currently defective or lost. All students answered positively the question whether it is convenient to use smartphones in English classes. In this area, the younger generation is ahead of the older generation, that is, teachers. An overwhelming number of students always use mobile devices, it is very convenient for the teacher to load the necessary materials and links to the necessary materials for operational use into a “group”, any student can take a picture of any document prepared by the teacher and immediately start working with it during a lesson. It is very important for undergraduate students, Master’s students involved in technical translation to have on hand a Multitran dictionary and use it promptly not only when translating homework, but also during classes.

Technologies in this field are developing particularly rapidly. Others very quickly replace some smartphones with increasingly advanced technological developments. To meet the needs of users there was produced a revolution in soft-

ware technologies. There appeared the so-called «whole ecosystems». «The emergence of smartphones and tablets caused a revolution in the consumer electronics industry, which inevitably led to the evolution of software, which is less and less often the result of one team's efforts, and is created within alliances – ecosystems that include the developers of the application itself, the environment for its development, operation, maintenance, and recycling. All these components are interconnected by the processes of exchange of software products and “intelligence”» [Jansen 2013].

Why do students with interest and desire work with mobile devices? Because it is a constant novelty, no stagnation, a constant movement forward. Windows developers are trying to provide the user with the maximum choice of products and services of the entire ecosystem.

The main reasons why ecosystems are gaining popularity are:

- giving more choices and expanding the current offer for existing customers and users;
- increasing attractiveness for new customers and users, reducing the cost of upgrading functionality by dividing the cost of maintenance and other non-core functions with other ecosystem participants;
- acceleration of the introduction of innovations in the ecosystem due to more dynamic feedback from participants;
- the formation of new principles of software and hardware interaction and the development of universal scalable platforms to provide a wider range of software services.

Information is today becoming a key characteristic of society, one of its main social values, a development resource, a unifying environment, the foundation of social and economic life and the very existence of humanity ... Many researchers agree that information technologies are one of the main driving forces in the modern world [Голицына <http>].

The partner ecosystem includes service providers, distributors, equipment manufacturers, system integrators, and software developers. Separately, among the participants of the ecosystem, it is worth noting all interested persons and enthusiasts who are able to communicate their needs and thus stimulate all participants in the ecosystem.

Within the framework of the ecosystem, a comprehensive consulting support of software solutions providing full real-time management is being developed and implemented, which allows reducing the time taken to bring the product to the market, as well as improve the return on investment and the quality of customer service. The more customers use the technologies of the ecosystem, the more intensively the process of innovation development takes place, which, in turn, expands the choice of available products and increases the degree of customer satisfaction. University students are among the very first users of these advanced products of collective labor.

An important role in the use of such technologies are: increased usability (adaptation of applications to the device screen, customization of the interface, and so on). As well as the use of technological features of a mobile phone: geolocation, augmented reality, cameras, scanners, QR technology, fingerprint lock and the like. Developing technologies are quickly adapting in real life. The first generation begins to use them not only for everyday communication, but also for educational purposes.

Nowadays, tremendous speeds, spending a long time in vehicles; buses, trolley buses and trains, while traveling to the University and back, requires students to make effective use of travel time to acquire knowledge. The picture in public transport became habitual, when all passengers use smartphones while on the road. Students, as a rule, not only communicate, but also study the necessary educational material, prepare for classes. It has become a daily reality. On the way, during breaks, in moments of rest, and so on, students learn. To do this effectively, modern methods, technologies and forms of accelerated learning are needed.

M-Learning, a form of popular and effective trend in today's learning realm, when it comes to the format and design of mobile learning, is a form of knowledge that is given using hand-held and portable devices. While e-Learning is any form of learning that is delivered using electronic devices like the computer via channels like the Internet networks.

Using the capabilities of e-Learning is already firmly established in our practice, such as using the Moodle platform. Most teachers create electronic textbooks and work successfully, effectively using: a full e-Learning course or in combination with partial face-to-face teaching, which gives positive results and arouses interest among students. For collective mobile learning, the following applications can be used: Viber, WhatsApp, VK, Facebook and other social networks.

There are two forms of modern learning: m-Learning and e-Learning. Firstly, m-Learning and e-Learning have much in common, but they also differ in many ways. So, e-Learning (electronic learning) is structured, formal, and time-bound, while m-Learning (mobile learning) is useful to access information at the moment it is needed. It is best suited for short courses that can be viewed quickly. Computers and laptops, used in e-Learning, bind the learners to the desk, while smartphones and tablets, used in m-Learning can be used any time, anywhere and learning is the rule of the game. Finally, large screens are good for including a lot of material. While small screens require learners peeking at them while they are on the go.

E-Learning courses are longer and broader than m-Learning, about 20-30 minutes. M-Learning courses are shorter and bite-sized modules, about 3-15 minutes. Otherwise, on the go and being short of time students can lose interest and fail to learn the primary content.

E-Learning have streamline and mobile experience for speed Mobile learners expect the immediate response, while using their mobile phones for learning. Students adapt to the medium and consider how a mobile phone is used throughout the day in comparison to the use of a computer in the same period.

In e-Learning strategic layout is very important. Mobile users do expect to receive the most important information immediately. Chronological layout of material according to its importance is provided and it is the best way to use the platform. The most important information needs to be on the top of the slide. If users are unable to finish a module, they will at least have absorbed the key details. No long sentences, a program layout like this will provide the most positive and user-friendly application of the mobile platform.

Before launching new platforms, they are carefully tested on different users. Layout is adapted to the screen size, simplified and not overloaded. M-Learning is designed to capture feedback. Teacher is always in touch with to the learner, and can send out quick messages and notifications about educational materials.

However, e-Learning is evolving the use of mobile devices and thus presents new challenges for designers, changes can take place but do not have to be «full scale». Minor modifications to a lesson can enable a completely new audience for the new e-Learning platform. Thus, we can say that m-Learning opens many new prospectives in teaching foreign languages not only today but also in the future as it is the requirement of our time.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голицына И.Н. Мобильное обучение как новая технология в образовании [Электронный ресурс] / Голицына И.Н., Половникова Н.Л. – URL: [https:// cyberleninka.ru/article/v/mobilnoe-obuchenie-kak-novaya-tehnologiya-v-obrasovanii](https://cyberleninka.ru/article/v/mobilnoe-obuchenie-kak-novaya-tehnologiya-v-obrasovanii)
2. Jansen S. Software Ecosystems: Analyzing and Managing Business Networks in the Software Industry / S. Jansen, M.A. Cusumano // S. Jansen, S. Brinkkemper, M.A. Cusumano, eds. – Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, 2013. – P. 85-102.

MOBILE ENGLISH LANGUAGE TEACHING

V.N. Yurdanova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

During the intensive development of digital technologies, widely penetrating into all spheres of our society, the technologies of teaching methods are changing. In addition to the already existing concept of e-Learning, the m-Learning direction appeared at the behest of time.

Key words: *teaching methods, m-Learning, e-Learning, mobile technologies, smartphones, innovations, convenient to use.*

Об авторе:

ЮРДАНОВА Вера Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, *e-mail:* verayurdanova@gmail.com

**Иностранные языки:
лингвистические аспекты**

А.А. Болотова

М.В. Гамар

В.Г. Гудимова

Н.Н. Дюмон

Д.В. Минеев

Е.П. Сергеева

В.Т. Чолокян

УДК 81-23

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУППАХ МЕСТОИМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

М.В. Гамар

Приднестровский государственный университет им.Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Молдова

Статья представляет результаты исследования, выполненного в русле функционального подхода к изучению лексико-семантических групп французских местоименных глаголов. Задачей данной статьи являются наблюдения над рядом местоименных глаголов, которые отличаются от исходных не только грамматическими, но и лексическими значениями.

Ключевые слова: *грамматика, местоименный глагол, рефлексив, поссессив, действие, субъект.*

При помощи прономинализации, помимо больших регулярных групп местоименных глаголов (МГ) с грамматическими значениями рефлексива, реципрока, пассива, интранзитива и др. образуется также ряд лексико-семантических групп, имеющих более или менее значительные отличия от исходных неместоименных глаголов по своему лексическому значению. В данной статье рассматриваются лексико-семантические группы МГ, родственные рефлексиву, но с изменениями в лексическом значении.

Рассмотрим рефлексив от глаголов, обозначающих действия, производимые над телом субъекта, типа *laver, habiller, froter* и др. От таких глаголов возможен рефлексив двух типов:

1) глаголы, действие которых переходит целиком на весь объект, типа *se baigner, s'habiller, s'orner*;

2) глаголы, действие которых переходит на часть тела объекта, т.е. между субъектом и объектом существует отношение части и целого: *se raser, se maquiller, se farder*. Рефлексивы этих типов широко распространены, во французском языке. Рефлексив I типа всегда имеет регулярное семантическое соотношение с исходным глаголом, которое заключается в том, что у исходного глагола субъект и объект действия не совпадают, а у МГ – совпадают на референтном уровне.

La mere habille l'enfant.

La mere s'habille.

Рефлексив II типа в ряде случаев имеет такое же регулярное семантическое отношение с исходным глаголом. Дело в том, что уже в конструкции с исходным глаголом может наблюдаться метонимическое обозначение части через целое.

Le coiffeur rase ses clients.

Pierre se rase.

Исходный неместоименный глагол имеет в качестве дополнения имя лица, а не название конкретной части тела этого лица, на которую факти-

чески переходит действие.

В этом случае регулярный семантический переход от исходного глагола к МГ не нарушается.

По-видимому, возможность такого метонимического переноса действия, выражаемого исходным глаголом, с части на целое является условием того, чтобы рефлексив воспринимался как регулярный. В противном случае мы имеем дело с лексическими, а не грамматическими новообразованиями. Примером образования новой лексемы по модели рефлексива II типа являются глаголы *se couvrir* ('покрывать голову', 'надевать шляпу') и *se découvrir* ('обнажать голову', 'снимать шляпу'), существующие наряду с регулярными рефлексивами I типа *se couvrir* ('укрываться') и *se découvrir* ('раскрываться'). Для иллюстрации сравним следующие примеры:

- 1) Le malade s'est découvert en dormant. (Petit Robert)
- 2) ...les gens se terraient pour n'être pas obligés de se découvrir ou de se mettre à genoux (Mauriac);
- 3) Ma mère, portez de quoi vous couvrir (Giono);
- 4) Couvrez-vous, je vous prie (Petit Robert).

В случаях словообразования по типу рефлексива происходит следующий процесс: в значение МГ включается объект, представляющий какую-либо часть тела субъекта, в силу чего меняется лексическое значение глагола.

Близкой по значению к рефлексиву является группа рефлексивно-посессивных глаголов. При образовании МГ этой группы тоже происходит включение объекта в семантику глагола, но сами объекты в данном случае не представляют собой часть тела субъекта. Характер включенных объектов определяется семантикой исходного глагола. Удалось выделить две основные семантические подгруппы переходных глаголов, от которых возможно образование рефлексивно-посессивных глаголов.

Подгруппа 1. Глаголы, имеющие отношение к процессу туалета, одевания, переодевания и т.д.: *changer* ('менять'), *se changer* ('переодеваться', 'менять одежду'); *boutonner* ('застегивать'), *se boutonner* ('застегиваться', 'застегивать одежду'); *déboutonner* ('расстегивать'), *sedeboutonner* ('расстегиваться', 'расстегивать одежду'); *rajuster* ('поправлять'), *se rajuster* ('поправлять одежду'); *négliger* ('пренебрегать'), *se négliger* ('пренебрегать своим туалетом'). При этих глаголах включенным в значение МГ объектом является либо процесс туалета, либо какой-либо предмет одежды.

Ce n'est pas la peine que j'aie me changer (Simenon).

Elle avait dû perdre l'appétit et se négliger (Audry).

On a mangé tous ensemble chez Gondran. Et chacun s'est déboutonné (Giono).

Близко к этой подгруппе стоят отдельные редкие глаголы, не имеющие отношения к процессу туалета, но тоже обозначающие конкретные действия: *se meubler* ('меблироваться', 'обставлять квартиру мебелью'), *se*

barricader ('забаррикадироваться', 'забаррикадировать дверь, вход').

Tu me rappelleras que les deux filles d'Hubert habitent chez leurs parents, depuis leur mariage, parce qu'elles n'ont pas d'argent pour se meubler.

Общим свойством МГ, принадлежащих к I-й подгруппе рефлексивно-посессивных глаголов, является рефлексивизация какого-либо материального объекта, принадлежащего субъекту.

Подгруппа 2. Глаголы, относящиеся к области психической деятельности – мысли, речи и т.п.: *adresser (ses paroles) à qn* ('обращать (свои слова) к кому-л. '), *s'adresser à qn* ('обращаться к кому-л. '); *expliquer (ses idées)* ('объяснять (свои мысли)'), *s'expliquer* ('объясняться'); *exprimer (ses sentiments)* ('выражать свои чувства'), *s'exprimer* ('выражать себя'); *confier (ses idées) à qn* ('доверять (свои мысли) кому-л. '), *se confier à qn* ('доверяться кому-л. '), *ouvrir, découvrir, livrer (ses secrets)* ('открывать (свои тайны) кому-л. '), *s'ouvrir, se découvrir, se livrer* ('открываться'); *interrompre (ses paroles)* ('прерывать (свои слова)'), *s'interrompre* ('прерываться'); *trahir (ses sentiments)* ('выдать (свои чувства)'), *se trahir* ('выдать себя') и др.

A son reveil, elle se mit, avec méthode, à chercher à qui elle s'adresserait (Hériat). Enfin, dis-je, Meaulnes, explique-toi mieux! Pourquoi ce long voyage? (Alain-Fouruier) .

Cette fois-là, il s'est découvert... Et j'ai vu sa méchanceté toute droite devant moi, comme un homme (Giono).

Ce ton pompeux faisait mal à Thérèse. Elle aurait voulu le supplier de s'exprimer plus simplement (Mauriac).

МГ, принадлежащие ко 2-й подгруппе рефлексивно-посессивных, характеризуются включением в их семантику значения объекта, представляющего собой некоторую абстрактную сущность (мысль, чувство, речь). К этой же подгруппе можно отнести ряд глаголов, отличающихся по значению, но имеющих включенный объект того же типа: *se remonter* ('подкрепиться') (от *remonter son moral, ses forces* 'поднять свой дух, свои силы'), *s'employer* ('прилагать усилия, стараться'); *se conformer* ('приспособиться', 'приспособить свое поведение').

Prends un petit verre, Emilie, tu as besoin de te remonter (Simenon)

Sur ce ton Louise aligna deux pages, qu'elle recopia, le lendemain matin, sur la Remington de son bureau pour se conformer au désir de son correspondant (Bazin).

...au premier gémissement, Hamelot fut rendue à ses devoirs, elle s'pressa, s'employa, donna des conseils et fit des exhortations (Hériat).

Общим для рефлексивно-посессивных глаголов II группы является включение в значение глагола абстрактного объекта, представляющего собой свойство субъекта или продукт его психической деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что во французском языке имеется ряд МГ, которые отличаются от исходных не только грамматическими, но и лексическими значениями. Некоторые из них принадлежат к числу рефлексивов, действие которых переходит на часть тела субъекта. Конкрет-

ный объект действия (определенная часть тела) может включаться в значение МГ, в результате чего получается глагол с новым лексическим значением, типа *se découvrir* ('обнажать голову').

Кроме того, имеются две близкие к рефлексиву группы рефлексивно-посессивных глаголов, у которых значение объекта тоже включается в значение МГ. Рефлексивно-посессивные МГ можно разделить на две подгруппы, характеризующиеся разной семантикой и различными типами включенных объектов.

К 1-й подгруппе принадлежат глаголы конкретного действия, чаще всего относящиеся к семантическому полю слов со значением 'одеваться', при которых включенный объект является каким-либо предметом, принадлежащим субъекту (типа *se boutonner* – 'застегиваться').

Ко 2-й подгруппе принадлежат глаголы психической деятельности, в частности некоторые глаголы речи. Включенный объект при них представляет некоторую абстрактную сущность – речь, чувство (типа *s'expliquer* – 'объясняться').

ЛИТЕРАТУРА

1. Реферовская С.А. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч.1. Морфология и синтаксис частей речи / С.А. Реферовская, А.К. Васильева. – М., Л.: Просвещение, 1973. – 351 с.
2. Gross M. Grammaire transformationnelle du français. Syntaxe du verbe / M. Gross. – Paris, Librairie Larousse, 1968. – 138 p. (2e édition, revue et corrigée).
3. Stéfanini J. La voix pronominale en ancien et en moyen français/ Stefanini J. – Gap: Impr. Jean, 1962. – 756 p.
4. Stefanini J. A propos des verbes pronominaux / Stefanini J. // Langue française. – 1971. – № 11. – P.110-25.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

5. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert. – Paris, 1972. – 2551 p.

SOME LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF PRONOMINAL VERBS IN FRENCH

M.V. Gamar

Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

The article demonstrates functional approach to the study of lexico-semantic groups of French pronominal verbs. The objective of this article is to observe a number of reflexive verbs that differ from the initial verbs not only in grammatical, but also in lexical meanings.

Key words: *grammar, pronoun, reflexive, possessive, action, subject.*

Об авторе:

ГАМАР Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, *e-mail*: marishka5.84@mail.ru

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕКЛАМЫ ПРОДУКТОВ КОСМЕТИКИ И ПАРФЮМЕРИИ

Н.Н. Дюмон, В.Г. Гудимова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Статья посвящена изучению лексических особенностей французской рекламы на примере продуктов косметики и парфюмерии. Особое внимание уделяется рассмотрению текстового компонента рекламного текста и изучению лексических средств в нем.

Ключевые слова: лексические средства, словообразование, рекламный текст, реклама, текстовый компонент, анализ текста, слоган, жанр, функции текста, аллитерация.

В современном мире реклама является одним из мощнейших систем, влияющих на людей. Реклама проникает во все сферы человеческой жизни, предлагая попробовать и купить тот или иной продукт. Рекламная деятельность – обширная, требующая затрат индустрия, которая развивается и становится все масштабнее каждый день.

Реклама – сложный и многогранный феномен, который недостаточно изучен на сегодняшний день. Он является одним из самых противоречивых в сфере изучения гуманитарных и социальных наук. Рассмотрев рекламу с точки зрения лингвистики, мы выяснили, что труды, посвященные изучению рекламы, в большей степени опираются на семантическую и прагматическую стороны. Об этом свидетельствуют, труды таких известных ученых как В.Г. Гак, Г.Я. Солганик, А.Г. Дульянинов, А.А. Еременко и др. В тоже время лексическая сторона текста рекламы остается недостаточно изученной. Таким образом, исследование лексических особенностей рекламы во Франции остается актуальным.

Выделяется несколько форм рекламы в СМИ:

1. Модульная реклама (рекламный коллаж);
2. Рубричная реклама (объявления и фотообъявления);
3. Текстовая реклама (житейская история, опыт пользования, отчеты, репортажи, письма, вопрос-ответ, интервью, обзоры, рецензии, зарисовки). Для нашего исследования наибольший интерес представляет текстовая реклама. Такая реклама чаще всего создается с применением различных языковых средств, которые зачастую отличаются от традиционных жанров. Например, в рекламных текстах широко используется повелительное наклонение, призывающее читателя к определенным действиям:

«Утоли жажду!» BIOTHERM, ультраувлажняющий гель-крем для лица. Слоган для РФ, 2004 г.

«Используй магию шоколада» AXE Dark Temptation, мужской дезодорант, 2008 г.

В большинстве случаев в конце таких предложения авторы ставят восклицательный знак с целью привлечения внимания покупателей.

Также широко применяются методы сравнения отличительных свойств рекламируемого товара, отрицания чего-либо и использования фольклорных единиц (пословиц, поговорок и загадок).

В рекламе жанр обуславливается единством формы и содержания, но главным фактором все-таки является рекламная идея. Чаще всего в рекламе за один раз используются сразу несколько жанров, так как это один из основных психологических приемов, которые имеют большое воздействие на потребителя. Такие приемы выполняют следующие функции:

1. Выделительная функция – благодаря нестандартной и оригинальной подаче текст выделяется среди других и привлекает читателя.

2. Дополняющая функция – жанр, в котором содержание рекламы может меняться и вносятся некоторые дополнения, например: информационные и оценочные сведения.

3. Развлекательная функция – тексты, в которых использованы необычные стили, развлекает читателя.

4. Маскирующая функция – наиболее часто используемая функция в рекламе, суть которой состоит в маскировке текста для того, чтобы читатель отвлекся, и плавно переводя его к основной идеи текста, то есть к самому рекламному объявлению.

В работе Т.В. Карамышевой и А.И. Иванченко [Карамышева 2001], где авторы выделяют несколько основных компонентов рекламы:

1. Текстовый компонент: *слово* (имя собственное), *фраза* (рекламный лозунг) и *микротекст* (описательного характера)

2. Изобразительный компонент: *фотографии, рисунки, коллажи и т.д.*, представляющие рекламируемое издание и фоновые.

3. Имплицитный компонент: *социокультурный компонент*.

Более подробно хотелось бы остановиться на текстовом компоненте рекламы, так как с точки зрения лингвистики он наиболее интересен нам.

Анализ журналов *Marie-Claire, Le français dans le monde* позволяет сделать несколько выводов относительно текстового компонента французских рекламных текстов:

1. Рекламные тексты состоят из небольшого количества слов – от 4 до 10- лаконичны и легко запоминаемы: «*Toute la légèreté d'une brume pour un volume naturel*» (*Tomotei, eau volumisante*)

2. Рекламный текст убедителен, но не информативен: «*Tout dire sans un mot*» (*Lancôme, parfum «Poème»*)

3. Рекламный текст заинтриговывает и привлекает: «*Quelque chose en moi d'éternel*» (*Givenchy, parfum «Organza»*)

4. В рекламе часто используются разнообразные стилистические средства, усиливающие экспрессию: метафоры, повторы, противопоставления,

гиперболы, сравнения и риторические вопросы – «*De plus en plus forts, de plus en plus longs*» (*Garnier, shampooing*)

5. В рекламных текстах используются фонетические средства оформления: аллитерация, ассонанс, рифма и ритм – «*Cocktails fruités pour soifs d'été*» (*Swing, verres*)

Основываясь на всем вышесказанном, можно сделать вывод, что реклама является убеждающей и воздействующей формой речи, которая призвана привлекать внимание адресата и способствовать запоминанию данного рекламного текста, а также побуждать к определенным действиям. Для достижения этих целей используются различные лексические средства.

Определенное место в рекламных текстах и слоганах занимают глаголы и прилагательные, которые выполняют функцию побудителей к действию.

Следует отметить, что во французских рекламных текстах отсутствуют глаголы в отрицательной форме и употребляются они, чаще всего, во втором лице множественного лица. Некоторые глаголы употребляются в повелительной форме, для создания иллюзии обращения к потенциальному клиенту.

«*Vivez la beauté de chaque instant*» – «Живи красотой каждого мгновения» (*Estée Lauder, Revitalizing Supreme+*);

«*Osez prendre un shot de jeunesse*» – «Не бойтесь снова стать молодой» (*Laboratoires Lierac Paris, La cure Anti-Âge Absolu*);

Прилагательные же используются в рекламе для обозначения качеств рекламируемого товара. Н.П. Потоцкая [Потоцкая 1974] выделяет две группы прилагательных:

1. Прилагательные высшей степени качества: *nouvelle, admirable, formidable, magnifique, parfait*:

«*La nouvelle eau de toilette*»-«Новый парфюм»(*Mon Guerlain, L'eau de parfum*);

2. Прилагательные превосходной степени:

«*La clé d'une peau plus ferme, plus lisse, éclatante de santé*» - «Ключ к упругой, гладкой, здоровой коже» (*Estée Lauder, Revitalizing Supreme+*);

Проанализировав использование иноязычной лексики во французских рекламных текстах, мы сделали вывод, что английский язык распространен в современном мире достаточно широко, в рекламе часто употребляются англицизмы с маркетинговой целью: выход рекламируемой продукции на мировой рынок.

«*La vie est belle. Who will you make happy today?*» - «Жизнь прекрасна. Кто сделает тебя счастливой сегодня?» (*Lancôme Paris, L'eau de Parfum*);

«*Black opium*»- «Черный опиум» (*Yves Saint Laurent, L'eau de parfum*).

Еще одним важным приемом для привлечения внимания в рекламных текстах является словообразование. Преобладающее большинство неоло-

гизмов, функционирующих в рекламных французских текстах, образуются:

1. Префиксальным способом: multifruit, ultra-fixation, méga-volume, extrafraicheur:

«*Soin expert multi-protection*» - «Мультизащитное экспертное лечение» (Estée Lauder, DayWear SPF 15);

2. С помощью усеченных слов:

«*Solgardez votre beauté*» - «*Solge* вашей красоте» (Solgar, Acide Hyaluronique Complexe);

3. Префиксальным способом, с помощью отрицательных префиксов: antioxydant, anti-fatigue, anti-stress:

«*LE complexe anti-oxydant le plus puissant qu'elle ait jamais conçu*» - «Исследования Эсте Лаудер - самый мощный антиоксидантный комплекс, когда-либо разработанный»;

4. Словосложением:

«*Approuvé par des dermato-allergologues*» - «Одобрено дерматологами-аллергологами» (Mixa Expert peau sensible).

При более подробном изучении текстового компонента, с точки зрения лингвистики, мы сделали вывод, что реклама направлена на разные социальные группы и благодаря различным стилистическим аспектам она становится еще более привлекательной для покупателей.

Анализ французских изданий позволяет сделать вывод о том, что отличительными чертами французского рекламного текста является использование повелительного наклонения, призывающего читателя к определенным действиям. Кроме того, в рекламе за один раз используются сразу несколько жанров, так как это один из основных психологических приемов, имеющих большое воздействие на потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов К.В. Основы рекламы / К.В. Антипов. – М.: «Дашков и Ко», 2009. – 328 с.
2. Карамышева Т.В. Реклама как компонент межкультурной коммуникации / Т.В. Карамышева, А.И. Иванченко // Уроки французского языка. – СПб.: КАРО, 2001. – С.105-136.
3. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. Теоретический курс: Учебник для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Н.П. Потоцкая. – М.: Высш. школа, 1974. – 246 с.
4. Ромат Е.В. Реклама. История, теория, практика: Учебник для вузов / Е.В. Ромат. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 556 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Marie Claire. Decembre 2018.

Vogue. Paris, Août 2018.

LEXICAL FEATURES OF FRENCH COMMERCIAL ADVERTISEMENTS OF PRODUCTS OF COSMETICS AND PERFUMES

N.N. Dumon, V.G. Gudimova

North- Caucasus Federal University, Stavropol

The article explores lexical peculiarities of French advertisement using the

names of various perfume and cosmetic brands. Textual components of advertising text along with the lexical means are of a great dispute.

Key words: advertising text, advertising, text component, slogan, genre, text features.

Об авторах:

ДЮМОН Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* djumon18@mail.ru

ГУДИМОВА Виолетта Геннадьевна – студентка Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* gudivaiiolett@yandex.ru

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Н.Н. Дюмон, А.А. Болотова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Статья посвящена изучению диалектов современного французского языка, их подробному рассмотрению на трех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. В данной статье также рассматриваются группы диалектов: *langue d'oïl*, *langue d'oc*, *langue franco-provençale* и их значение, влияние на французский язык.

Ключевые слова: французский язык, диалект, диалектизм, лексический, фонетический, грамматический уровни, территориальное отношение, наречие, говор, лингвистическая характеристика.

Изучение французской диалектной лексики – одна из важнейших задач романистики, так как полная научная характеристика французских диалектов проливает свет на многие все еще не выясненные вопросы, связанные с перспективами их существования и развития в системе общенационального французского языка.

В процессе эволюции языковой системы мы сталкиваемся с выходом из употребления одних элементов и с обогащением лексического уровня языка за счет нового материала. При этом постоянное обновление лексического состава языка позитивно отражается на диахронических изменениях.

Под диалектизмом мы понимаем лексическую единицу, входящую в систему общенационального языка и употребляемую в определенном ареале. Диалект (от греч. *Dialektos* – «разговор, говор, наречие») – это разновидность языка, употребляемая в качестве средства общения с лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью.

До XVI в. (именно к этому времени сформировался современный французский язык) на территории Франции существовала раздробленность язы-

ка на три группы диалектов: **langue d'oc** (южная часть, включая средиземноморье), **langue d'oïl** (северная и центральная части территории), **langue franco-provençale** (часть юго-восточных земель).

Начиная с IX в., лингвистическая граница, отделяющая территории *langue d'oïl* и *langue d'oc*, проходит по линии Луары. Как известно, еще в XIII в. итальянский поэт Данте, классифицировал все романские языки на основании способа произнесения «да». Таким образом, старофранцузское *oïl* означало «да», в то время как *oc* происходит от латинского *hoc*, что переводится буквально как «это» (*cela*), но на самом деле это был один из способов выражения согласия – *c'est cela!*

Современные романские языки в территориальном отношении также не одинаковы и представляют собой совокупность различных диалектов и говоров, которые в большинстве случаев являются историческим продолжением ранее существовавших. Мелкие диалекты объединяются в более крупные. Самые большие могут называться наречиями, меньшие – говорами. Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Эти различия могут быть небольшими, так что говорящие на разных диалектах данного языка могут понимать друг друга.

Рассматривая варианты французского языка на одной только территории Франции, можно заметить, насколько многочисленны его формы. На территории самой Франции диалекты делятся на следующие группы:

- северные: нормандский (*normand*), пикардский (*picard*), шти (*ch'ti*), валлонский (*wallon*);
- западные: анжуйский (*angevin*), бретонский (*breton*), галло (*gallo*) (диалект франкоязычной бретани);
- юго-западные: пуатевинский (*poitevin*), сентонжский (*saintongeais*);
- центральные: туренский (*tourangeau*), орлеанский (*orléanais*), беррийский (*berrichon*);
- юго-восточные: бургудский (*bourguignon*), франш-конте (*franc-comtois*);
- восточные: лотарингский (*lorrain*), шампанский (*champenois*);
- южные: гасконский (*gascon*), лимузенский (*limousin*).

Территория окрестностей Парижа исторически относится к ареалу франсийского диалекта, который лег в основу литературного французского языка. Сегодня данный диалект практически исчез.

В основе классификации диалектов французского языка лежит различие по трем основным параметрам:

1) **произношение (accent)** – особенности артикуляции.

Например, произношение беглого [ə], различия в произношении [o] закрытого и открытого, [e] закрытого и [ɛ] открытого, заднеязычного и переднеязычного [a], произнесение [in] в слове *fin* и [ɪm] в слове *parfum*, ха-

ракетные для юга страны, раскатистое бургундское [r], придыхание при произнесении начального [h], произнесение закрытого [é] в словах tête и rère, распространенные в Нормандии.

2) **словарный состав (vocabulaire)** – наличие характерных для данного региона лексических единиц, например, в Беарне употребляется слово «dénaître» (naître – родиться, приставка dé несет значение отрицания того, что выражено сопоставляемым словом) вместо mourir (умереть). Иногда происходит перенос значения того или иного слова, например, в Лионне говорят matefaim (оладья, галета) вместо crêpe (блин), в Нормандии carte (карта) вместо cartable (папка, портфель).

3) **синтаксис (syntaxe)** – изменения на синтаксическом уровне проявляются нарушением общепринятых языковых норм, употреблением нехарактерных времен, глагольных форм, а также повтором некоторых единиц. Например, на юге можно услышать фразу «Ons'est mangé la bouillabaisse», а на севере и востоке говорят «Je lui ai donné du fromage pour lui manger dans le train».

Языки ойль – общее название диалектов северной и центральной Франции. Группа состоит из множества диалектов, многих из которых приобрели статус самостоятельного языка благодаря широкому использованию местным населением. Рассмотрим самые известные и распространенные из них.

Пикардский язык (picard) – разговорный в двух регионах во Франции – Нор-Па-де-Кале и Пикардия и в регионе Валлония в Бельгии, где также употребляется валлонский язык. В Пикардии этот язык называют picard, однако в Нор-Па-де-Кале он больше известен под названием ch'ti (букв. «это ты») или ch'timi (букв. «это я»), в Валансьене и Лилле его называют rouchi.

пик. canter = фр. chanter (петь);

пик. gambe = фр. jambe (нога).

В пикардском диалекте наблюдается тенденция замены звонких согласных глухими и наоборот.

Нормандский язык (normand) употребляется во Франции, в Нормандии и на Нормандских островах, принадлежащих Великобритании. Представляет собой разговорный вариант, не обладает статусом официального языка.

норм. parlocher = фр. Parler avec affectation (говорить неестественно);

норм. pïedsente = фр. sentier (тропинка).

Галло (gallo) – традиционный романский язык, развившийся из народно-латинского языка на полуострове Бретань (Галлия). В современной Франции сохраняется преимущественно как язык регионального фольклора.

гал. anaet = фр. aujourd'hui (сегодня);

гал. *avaer* = фр. *avoir* (иметь).

Бретонский язык (*breton*) – кельтский язык Бретани. На бретонском языке говорят около 700 000 человек, живущих во Франции. Памятники бретонского языка представляют собой по большей части переводы с латыни или французского – мистерии, жития святых и другие сочинения религиозного содержания. Собственно бретонскими являются народные песни и сказки.

брет. *kanikat* = фр. *raconter* (рассказывать);

брет. *straed* = фр. *rue* (улица).

Пуатевинско-сентонжский язык (*poitevin-saintongeais*) – тип романской речи из группы языков ойль, общее обозначение пуатевинского и сентонжского наречий. Пуатевинско-сентонжский распространён в районах Пуату и Сентож между Луарой и Жирондой. Был внесён в список исчезающих языков в «Международный атлас исчезающих языков», опубликованный ЮНЕСКО в 2009 году.

пуат. *munde* = фр. *monde* (мир);

пуат. *prsoune* = фр. *personne* (человек).

Эльзасский диалект (*alsacien*) – один из диалектов немецкого языка, который распространён практически по всей территории Эльзаса. Со временем в эльзасский диалект проникает всё больше французских слов. Сейчас на эльзасском говорят в основном рабочие, крестьяне, а также убеждённые приверженцы эльзасской культуры. Лишь порядка 40 процентов населения Эльзаса могут понимать и изъясняться на данном диалекте.

эльз. *buscur* = фр. *bonjour* (добрый день);

эльз. *willkomme* = фр. *bienvenue* (добро пожаловать).

Франко-контский язык (*franc-comtois*) – ойльский язык, исторически употреблявшийся во французском регионе Франш-Конте. Франко-контские говоры использовались и, частично, продолжают использоваться на территории современных Франш-Конте и соседнего с ним швейцарского кантона Юра.

Бургундский язык (*bourguignon*) – мертвый язык, относящийся к группе восточногерманских языков. Бургунды проживали в северной Германии и южной Скандинавии, хотя местом их изначального происхождения называется остров Борнхольм в Балтийском море.

бург. *débroudiller* = фр. *Se débrouiller* (разбираться в чем-либо);

бург. *tapette* = фр. *bavard* (болтун).

Диалекты группы «*langue d'oïl*» в значительно большей степени подверглись влиянию национального французского языка, чем, например, средиземноморская группа, и многие из них в настоящее время исчезли из употребления.

На сегодняшний день на окситанских диалектах говорят в общей сложности около 2 млн. человек, проживающих в южных областях Франции, на

севере Италии и Испании, а также в Монако.

Лимузенский диалект (*limousin*) – диалект окситанского языка, употребляемый в трёх департаментах Лимузена (Крёз, Коррез и Верхняя Вьенна). Лимузенский употребляется в основном людьми старше 50 лет, проживающими в сельской местности. Из-за французской языковой политики лимузенский диалект не признаётся правительством и находится на грани исчезновения.

лим. *chabra* = фр. *chèvre* (коза).

Овернский диалект (*auvergnat*) – один из диалектов окситанского языка, распространённый на юге центральной Франции главным образом на территории исторической области Овернь.

В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» организации ЮНЕСКО, овернский отнесён к группе исчезающих языков.

оверн. *birou* = фр. *buron*: *petite construction de montagne qu'on fait le voir patrimoine de l'Auvergne* (небольшая сыроварня в Оверни);

Провансальский диалект (*provençal*) – одно из наречий окситанского языка. Распространён на юго-востоке Франции. На провансальском диалекте говорит 362 000 человек.

пров. *richoto* = фр. *petit* (маленький);

пров. *candeloun* = фр. *bougie* (свеча).

Лангедокский диалект (*languedocien*) – один из диалектов окситанского языка, распространённый в южной Франции в Лангедоке и Южном Перигоре. Лангедокский диалект используется, в основном, сельскими жителями старше 50 лет.

Гасконский язык (*gascon*) – диалект окситанского языка. Иногда рассматривается как самостоятельный романский язык. Гасконский язык распространён в Гаскони и Беарне. В мире языком владеет около 250 тыс. человек.

гаск. *hemna* = фр. *femme* (женщина);

гаск. *aiga* = фр. *eau* (вода).

Отметим, что на современном окситанском языке (диалектах) имеется литература, он ограниченно используется в средствах массовой информации и в устно-бытовом общении.

В настоящее время диалекты франко-провансальской группы практически не употребляются. Каждый из ныне существующих диалектов состоит, в свою очередь, из многочисленных местных говоров.

Использование франко-провансальского во Франции отмечено в регионе Рона-Альпы, на юге Франш-Конте, а также на юго-востоке Бургундии. Отсутствие письменного языка приводит к его дальнейшему вымиранию (переписывались лишь старинные песни и сказки, произведения устного творчества). В XXI в. с целью поддержания языка некоторые писатели занимаются стандартизацией правописания и переводами своих сочинений.

До XIX в. в Романдии (франкоговорящей части Швейцарии) употреблялся только франко-провансальский язык. С течением времени он почти полностью вытеснился местными французскими вариантами. В Италии франко-провансальским владеет около 70 тысяч человек, большая часть которых проживает в регионе Валле-д'Аоста, некоторых местностях Пьемонта. Совокупность регионов, где распространен (или был распространен) арпитанский язык, получила в XX веке наименование Арпитания.

piri = petit oiseau (птичка);

femall = femme (женщина).

Диалектизмы явились важным источником обогащения французского словаря в XVI в., в период укрепления статуса французского языка и признания его как национального. Наряду с активным заимствованием из латинского, греческого, итальянского языков идет поиск французских средств выражения, которые черпаются из различных французских диалектов. Кроме того, диалектизмы придают особую краску литературному языку и устной речи. Так, пикардский и нормандский диалекты привнесли закрепившиеся и активно используемые в речи всех французов слова: *gager* (укрывать; прятать), *pager* (плавать; плыть), *marquer* (отмечать; обозначать), *bouquet* (букет), *chef-lieu* (главный город), etc. Из северных и северо-восточных диалектов в общезападноевропейский язык входят в XVI в. следующие слова: *bouquin* (книжка), *raquet* (пакет), *riquer* (колоть; протыкать). Из восточных - *roussire* (пыль), *robinet* (кран), *poele* (сковорода), *beurre* (масло) и ряд других [Разумова, 2010: 91].

В то же время многие диалекты выступают основой для становления профессиональных жаргонов. Так, в морском деле активно используются нормандцами слова: *nautique* (морской), *naviguer* (плавать на судне), *navigation* (судоходство; навигация), *vague* (волна), *falaise* (утес), *quai* (набережная; пирс) и др. Из фламандского и валлонского диалектов пришли термины: *textile* (текстиль), *teinturerie* (химчистка), а также все термины пивоваренного дела. Из валлонского в XVIII в. заимствуются и становятся терминами слова, используемые в добыче каменного угля [там же 2010: 93]

Жители Эльзаса, употребляя местный диалект, «оживляют» многие традиции старой провинции, в частности колорит эльзасской кухни. Названия некоторых эльзасских блюд известны во всем мире (например, *béchnoffe* – рагу из трех видов мяса; *tarte flambée* – эльзасский пирог). Подавляющее число диалектизмов связано с бытом жителей различных регионов, причем очень часто – с сельским бытом. Среди французских диалектизмов, сохранившихся в Европе, прежде всего, выделяются слова, связанные с культурой быта, а также экспрессивная лексика с положительной или отрицательной коннотацией.

Таким образом, использование диалектизмов не является повсеместным

(оно территориально ограничено), и сферы жизни человека (культура, экономика, политика, наука и др.) обслуживаются общефранцузским вариантом языка. При этом диалектизмы могут служить источником пополнения словаря общефранцузского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинина Е.Г. Знакомьтесь: Франция! Учебное пособие по лингвострановедению / Е.Г. Вершинина, Ю.С. Калинкина. – М.: Высшая школа, 2007. – 287 с.
2. Гак В.Г. Введение во французскую филологию / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. – 182 с.
3. Клоков В.Т. Французский язык во Франции: особенности социально-территориальной вариативности / В.Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – 314 с.
4. Ле Руа Лядюри Э. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней / Э. Ле Руа Лядюри / Пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 432 с.
5. Разумова Л.В. Куда уходят французские диалекты? / Л.В. Разумова // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 3. – С. 91-97.
6. Сидоров А.А. Территориальная вариативность французского языка в мире и формирование региолектов / А.А. Сидоров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание. – Волгоград, 2009. – № 2. – С. 215-218.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

7. Томашпольский В.И. Романские языки и диалекты: Справочник / В.И. Томашпольский. – Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун-т., 1995. – 68 с.
8. Школьный французско-русский страноведческий словарь. Франция = Dictionnaire de civilisation francais-russe pour les élèves des établissements secondaires. France / [Авт.-сост. Гаршина Е.Я.]. – М.: Дрофа, 2001. – 319,
9. Le Petit Robert. – P.: Dictionnaires Le Robert, 2004. – 2949 p.

FEATURES OF DIALECTAL VOCABULARY IN MODERN FRENCH

N.N. Dumon, A.A. Bolotova

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The article is dedicated to research of dialects in modern French, to their particular study on 3 levels: phonetic, lexical and grammatical. In this article we also study dialectal groups: langue d'oïl, langue d'oc, langue franco-provençale, their importance and influence on the French language.

Key words: *dialect, dialectism, lexical, phonetic, grammatical level, territorial regard, adverb, speech, linguistic characteristic.*

Об авторах:

ДЮМОН Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Северо-Кавказского федерального университет, *e-mail*: djumon18@mail.ru

БОЛОТОВА Анна Андреевна – студентка Северо-Кавказского федерального университет, *e-mail*: annabolotova47@gmail.com

УДК 81'27

МИКРОФОРМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА

Д. В. Минеев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н Толстого,
Тула

Статья посвящена изучению микроформ языковой игры в англоязычном дискурсе СМИ. В исследовании рассматриваются основные уровни, на которых анализируемый феномен реализуется наиболее активно (фонетический (графический, орфоэпический), лексико-семантический, лексико-фразеологический, и грамматический (морфологический и синтаксический)).

Ключевые слова: языковая игра, дискурс СМИ, микроформы.

В последнее время исследователи отмечают усилившийся интерес к такому лингвистическому феномену, как языковая игра. Данный термин стал одним из самых популярных объектов языковедческого анализа в научных работах конца XX-начала XXI вв.

Специфические особенности британского национального менталитета и многозначность, присущая английскому языку, обусловили распространение языковой игры как важного инструмента модификации смыслового пространства самых разнообразных дискурсивных типов. Рассматриваемый феномен всегда имел место в речи англичан, публицистике, художественной литературе [Храмченко 2010]. В языке масс-медиа в наибольшей степени отражаются изменения в общественной жизни и экономической структуре социума в целом. В ходе постепенной функционально-прагматической эволюции английского дискурса в нынешних СМИ появилась свобода слова, выразительность за счет применения ресурсов разговорной речи, авторы статей все чаще стали играть с языком [Храмченко 2014, 2016]. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении игровой микроформы как одного из ярких средств макротекстовой презентации языковой игры.

Материалом для исследования послужили примеры использования языковой игры масс-медиа в таких известных и влиятельных британских и американских газетных изданиях, как *The Economist*, *Financial Times*, *The Wall Street Journal*.

Микроформы языковой игры довольно часто можно встретить в заголовках текстов масс-медиа. Без сомнения, продаваемость, или, другими словами, конкурентоспособность того или иного публицистического текста в большинстве своем зависит от правильно выбранного и соответственно оформленного заголовка.

Важно отметить, что игровые микроформы («игра с языком» [Сметанина 2002: 181-252]) – это языковые средства, относящиеся к структурно-

текстовым уровням в границах всего предложения: фонетические (графические, орфоэпические), лексико-семантические, лексико-фразеологические, и грамматические (морфологические и синтаксические).

Как считает Э.А. Лазарева, именно заголовок вызывает особый интерес около 70-80% читателей, побуждая к дальнейшему прочтению публикации [Лазарева 1989: 3]. В связи с этим, заголовок по праву считается неотъемлемой частью формата статьи. По мнению В.Г. Костомарова [Костомаров 1994], С.И. Виноградова, О.В. Платоновой и др., заголовок всегда пребывает в прагматически и стилистически сильной позиции.

Именно с заголовком впервые сталкивается читательская аудитория, что позволяет считать заголовок «путеводной звездой», которая направляет ее в пространстве масс-медиа, осуществляя информативную и номинативную функции.

Г.Г. Хаблак в своей работе «Грамматические особенности газетно-публицистической речи» выделяет две разновидности заголовков: автосемантические (смысл понятен до прочтения текста публикации); синсемантические (смысл понятен только при взаимодействии заголовка с текстом публикации [Хаблак 1984: 30-34].

Необходимо подчеркнуть, что, создавая эффектные заголовки, авторы публикаций используют разные языковые средства, начиная от информативных, графических и смысловых, заканчивая стилистическими и эмоционально-оценочными, но в большинстве своем именно языковая игра все чаще фигурирует в заголовках современных англоязычных текстов масс-медиа. Е.Н. Комаров в своем труде «Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации» охарактеризовал рассматриваемый нами феномен как «способность ориентировать и направлять читательскую интерпретацию, вовлекая в этот процесс социокультурные контексты, системы ценностных представлений и предпочтений, объектов и субъектов социализации. Заголовок заключает в себе не только содержание, но и перспективу – своеобразный ориентир, который реципиент должен привнести в свое понимание сообщения» [Комаров 21003: 55].

Анализ эмпирического материала следует начать с примеров использования языковой игры на фонетическом и графическом уровнях.

About corporate saving in Asia: A \$2.5 trillion problem (The Economist 27 Sept. 2014.).

В данном заголовке присутствует включение чисел и знаков, то есть единиц другой семиотической системы.

FX GLOBAL CALL: Our Take on the Day's Big FX News (The Wall Street Journal, 22 May 2013),

в данном примере присутствует включение заглавных букв, которые заставляют читателя обратить внимание на данный заголовок, так как «новость срочная».

В следующем примере, автор для создания нового слова, связанного с первой лексемой по смыслу, «внедрил» букву в исходную лексическую единицу, добившись аллитерации, рифмы и, соответственно, большей экспрессивности:

Paydays and mortality: Cash to crash (The Economist, 22 November 2014).

Рассмотрим следующие примеры использования языковой игры на лексико-семантическом и лексико-фразеологическом уровне:

Marketers are all over the shop (Financial Times, 27 May 2014).

В данном заголовке автор статьи заменил начальный компонент выражение на другой, тем самым добавив новый смысл *all over the shop = all over the world*.

A New Look at the Old World: Discover the hidden architectural gems of the medieval Old Town in Kraków, Poland, which make the perfect backdrop for this season's exuberant couture creations.

В данном примере автор статьи использовал антонимы для большего воздействия на аудиторию.

Следует также рассмотреть примеры использования языковой игры на словообразовательном уровне:

Policymakers are facing a serious dilemma in implementing economic policies, as sign of stagflation – a deadly cocktail of stagnation and inflation – loom over economy.

В данном примере автор публикации раскрыл значение единицы при помощи тематически родственных слов.

Проанализируем примеры использования языковой игры на грамматическом уровне:

Intelligence fears: A white paper from 2008, has revealed US intelligence fears that Osama bin Laden would be immortalized as a virtual avatar controlled by a network of al-Qaeda jihadis in cyberspace (The Korea Times, 2 Apr, 2003).

Автор статьи употребил омоформу *fears*, тем самым добавил комичности, а также важно отметить, что выражение *intelligence* в данном случае употребляется в значении «разведывательная служба».

В проанализированных примерах использования языковой игры в дискурсе СМИ также встречается обыгрывание фразеологизмов, а именно изменения в первичной связи и создание новой, использование окказиональных слов, обыгрывание омоформ, то есть схожих по звучанию и написанию грамматических форм слов. Данные приемы обогащают тексты статей, привлекают внимание читателей и создают комический эффект, что является наилучшим коммерческим ходом и способствует повышению продаваемости и просматриваемости.

Игры с языком являются важным аспектом заголовка в англоязычном дискурсе СМИ и наделяют публицистический текст значительным манипулятивным эффектом, усиливая прагматическое воздействие на реципи-

ЕНТОВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.Н. Комаров; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград [б.и.], 2003. – 199 с. – На правах рукоп.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб., М.: Златоуст, 1994. – 246 с.
3. Лазарева Э.А. Заголовок в тексте / Э.А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 96 с.
4. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
5. Хаблак Г.Г. Грамматические особенности газетно-публицистической речи / Г.Г. Хаблак // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика, 1984. – №5. – 29-37 с.
6. Храмченко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д.С. Храмченко; Тульский гос. пед. ун-т. – Тула [б.и.], 2010. – 25 с. – На правах рукоп.
7. Храмченко Д.С. Конвенциональность и дерегламентация современного английского делового дискурса / Д.С. Храмченко // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. – С. 194-197.
8. Храмченко Д.С. Эволюционные процессы английского делового дискурса // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения / Д.С. Храмченко // Тринадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей: в 2 ч. – Ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения / Отв. ред. Л.Г. Веденина. – М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 75-85.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9. The free dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/All%20Over%20the%20World>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

A New Look at the Old World [Электронный ресурс] // Wall Street Journal, 01 January 2013. – URL: <https://www.wsj.com/articles/this-seasons-couture-goes-to-krakow-1434658005>

About corporate saving in Asia: A \$2.5 trillion problem [Электронный ресурс] // The Economist. 27 September 2014. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2014/09/27/a-25-trillion-problem>

FX GLOBAL CALL: Our Take on the Day's Big FX News [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. 22 May 2013. – URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324659404578498773318497226>

Intelligence Fears // Financial Times. 10 January 2014.

Marketers are all over the shop [Электронный ресурс] // Financial Times. 27 May 2014. – URL: <https://www.ft.com/content/19d4bbcc-df60-11e3-86a4-00144feabdc0>

Paydays and mortality: Cash to crash [Электронный ресурс] // The Economist. 22 November 2014. – URL: <https://www.economist.com/international/2014/11/20/cash-to-crash>

Signs of Stagflation Cloud Economy [Электронный ресурс] // The Korea Times (Seoul, South Korea); Apr 2, 2003. – URL: <http://wordsmith.org/words/stagflation.html>

MICROFORMS OF LANGUAGE GAMES IN ENGLISH DIS-COURSE OF MEDIA

D.V. Mineev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

The article is devoted to the study of microforms of a language game in a media discourse. The study examines the main levels at which the analyzed phenomenon is implemented most vividly (phonetic (graphic, orthoepic), lexico-semantic, lexical and phraseological, and grammatical (morphological and syntactic).

Key words: language game, Media, microforms.

Об авторе:

МИНЕЕВ Дмитрий Витальевич – магистрант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н Толстого, *e-mail:* dmitriimineev@gmail.com

УДК 811.11-112

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОГОВЫХ СТРУКТУР НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Е.П. Сергеева

Липецкий государственный технический университет, Липецк

Объектом сравнительно-типологического исследования является слог как единица тонально-динамической системы языка. Автор проводит статистический анализ немецко-русского текста и формулирует выводы об особенностях строения слога в немецком и русском языках.

Ключевые слова: фонетика, слог, сравнительно-типологический анализ.

Анализ литературы и практика преподавания иностранных языков приводят к выводу о первостепенной важности слога как единицы фонетической системы языка. Слог – это та первая языковая единица, которую лепечет ребенок. Именно слог – надежно выделяемая единица речевого потока, минимальная единица порождения и восприятия речи.

За способностью делить слово на слоги стоит интуитивное знание говорящего правил квантования звучащей речи, в системе же языка этим квантам соответствуют закономерно построенные цепочки фонем. Таким образом, слог является одновременно речевой (фонетической) и языковой (фонологической) единицей.

Именно слог должен быть, на наш взгляд, первостепенным объектом при контрастивном описании фонетических систем двух языков – родного и иностранного. Изучение артикуляции и акустики языка должно начинаться со слогов. Множество регулярных фонетических и фонологических процессов в языке зависит от позиции отдельных сегментов (звуков) в слоге или слове, напр., в зависимости от структуры

слога меняется долгота гласного, в зависимости от позиции в слове меняется качество звонкого согласного и т.п. Следовательно, прежде всего надо знать тот набор типов и конкретных слогов, который есть в родном языке и в языке изучаемом, чтобы затем их можно было продуктивно сравнивать.

Наряду с чисто теоретическими рассуждениями о природе слога любое сравнительно-фонетическое исследование не может обойтись без конкретных примеров. Объектом данного сравнительно-типологического анализа стала статья «HafenCity: Hamburgs Modellprojekt für klimafreundliches Wohnen und Arbeiten» Тиля Бриглеба, опубликованная в электронной версии журнала Deutschland (www.magazin-deutschland.de) и её русский перевод в том же журнале «Хафенсити».

Задачи исследования:

- 1) провести качественный анализ слоговой структуры слов русского и немецкого языка по известным слоговым моделям;
- 2) установить характер слогов по двум параметрам – открытость/закрытость и прикрытость/неприкрытость слога – в русском и немецком текстах;
- 3) выявить закономерное соотношение длины слова и структуры составляющих его слогов.

Для проведения исследования необходимо определиться с основными понятиями.

1. В сравниваемых языках – немецком и русском – **вокалическое сло-гообразование** является доминирующей нормой, т.е. вершину слога, его слогообразующий элемент, составляет гласный звук.

2. В немецком и русском языках различают слоги открытые, закрытые и условно закрытые. Особенностью немецких открытых слогов является наличие в них только долгих гласных. Немецкие закрытые слоги в подавляющем большинстве содержат краткие гласные звуки. Условно закрытый слог можно открыть при словоизменении, напр.: пруд – пруды, кот – коты, Tag – Ta-ge, schwul – schwu-le. Последний тип слогов интересен как свидетельство того, что звуковая структура слогов, входящих в структуру изменяемых слов, не является постоянной величиной.

3. В зависимости от того, на какой звук, гласный или согласный, начинается слог, различают слоги прикрытые и неприкрытые. Прикрытые слоги – это слоги, которые начинаются с согласного звука, напр.: ре-ка, мо-ло-ко, Tal, Raum. Неприкрытые слоги – это слоги, которые начинаются с гласного звука, напр.: олово, арена, Ei, aus, Uhr.

4. Русский язык и немецкий язык имеют **сложную слоговую структуру**, для которой характерны последовательности согласных звуков в начале и конце слога: встре-ча, pflückt.

5. Языки со сложными консонантными комплексами в начале и конце

слова имеют обычно и весьма разнообразные срединные сочетания (русские примеры: бедственный, мудрствовать). Во многих таких случаях однозначное проведение границы между слогами невозможно. В этой связи интересны рассуждения польского лингвиста Е. Куриловича и Л.В. Бондарко [Бондарко 1998: 208-211; Князев 2005: 108].

Из сравнения слоговой фонотактики в разных языках мира следует вывод, что имеется два разных способа организации звукового потока, которые можно условно назвать «квантовым» и «волновым» (С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева). «Квантовая» речь основана на сложении слоговых цепочек со строго фиксированной внутренней структурой и четко заданными границами. «Волновая» речь основана на чередовании вокалических «вершин» и консонантных «провалов»; при этом структуры консонантных сочетаний являются неопределенными, а границы нисходящего и восходящего склонов соседних слоговых импульсов – размытыми. Языки типа русского относятся к «волновым», тогда как немецкий язык проявляет скорее черты языка «квантового» типа [Князев 2005: 105].

Провести четкое различие между языками первого и второго типа удастся не всегда. Основные европейские языки занимают промежуточное положение. Напр., в немецком языке корневые морфемы имеют относительно простую базовую структуру конечнослоговых комплексов – это в основном сочетания сонорного с шумными (Storch, Ort, Markt, Kunst, Kalk) или двух и более глухих шумных (Mist, Angst). Концы словоформ часто бывают отягощены сложными конечными сочетаниями, возникающими в результате прибавления консонантных аффиксов -(e)st, -(e)t: sagst, pflückt, denkst. Такие сочетания не описываются простыми общими законами и не характерны для языков со строгой структурой слога.

Большинство языков мира имеют фиксированную слоговую структуру: возможные комбинации фонем в слоге жестко регламентированы. Наиболее простой является слоговая структура языков с открытым слогом и без комплексов согласных в начале слога, т.е. допускающих только слоги типа СГ и Г, где символом С обозначен любой согласный звук, а Г означает звук гласный.

Для сравнения начальный слог русского языка, по мнению М.В. Панова [Панов <http>], может начинаться так (далее шумные обозначены буквой Т, сонорные – буквой N, гласные – буквой А): А, ТА, НА, ТТА, ТНА, НТА, NNA, ТТНА, ТТТНА: и|ду, те|бя, ли|са, ску|пой, сли|вать, лжи|вый, льнет, скру|тить, встре|ча. Конечные слоги могут кончаться так: А, АТ, АН, АТТ, АНТ, N, АНН, АНТТ, АНТТТ: и|ду, и|дут, он, кость, зонт, жура|вль, сонм, волхв, зна|комств. Универсальной формулой заполнения русского слога можно считать следующую формулу (С)(С)(С)(С)Г(С)(С)(С)(С), где скобки означают потенциально возможное количество согласных в инициале и финале слога.

Качественный анализ слоговых структур немецкого языка опирался на данные Р.К. Потаповой, которая выделяет в немецком языке 15 фонологических структур слога: СГ, ССГ, СССГ, ГС, СГС, ГСС, ГССС, ГСССС, СГССС, СГСССС, СГССССС, СГСС, ССГС, ССГСС, ССГСССС [цит. по Козьмин 2002:106]). На материале анализируемой статьи некоторые структурные варианты (ГССС, ГСССС, СГСССС, СГССССС, ССГСССС) не были обнаружены ни в русском, ни в немецком языке и поэтому были исключены из сравнения. В свою очередь два структурных варианта были добавлены в результате анализа слогов: Г и СССГС. В целом для немецкого языка универсальной формой заполнения слога следует считать следующую формулу (С)(С)(С)Г(С)(С)(С)(С).

В таблице 1 отражены основные статистические показатели сравниваемых статей: 1) количество слов, 2) количество знаков, 3) количество слогов и 4) соотношение открытых и закрытых слогов в текстах на немецком и русском языках.

Табл. 1

HafenCity	Хафенсити
306 слов	311 слов
1. 991 знак	1. 968 знаков
629 слогов	795 слогов
229 открытых, 400 закрытых слогов	519 открытых, 276 закрытых слогов

Систематичный подсчёт слов, состоящих из разного количества слогов, привёл к следующим результатам.

Табл. 2

	немецкий		русский	
	1 слог	128	20 %	64
2 слога	165	26 %	140	18 %
3 слога	165	26 %	224	25,7 %
4 слога	91	14,4 %	192	24 %
5 слогов	36	5,7 %	75	9,4 %
6 слогов	30	4,7 %	78	9,8 %
7 слогов	14	2,2 %	21	2,6 %

В исследованном русском тексте засвидетельствовано некоторое количество единиц состоящих из одного согласного и образующих энклитику с последующим слогом. Это предлоги *в, с*. Кроме того, в тексте статей приводятся несколько цифр, которые, конечно, посчитаны как знаки и слова, но не имеют отчётливого слогового состава. Данное обстоятельство уменьшило количество слогов по отношению к количеству слов в русском и немецком языках.

Последовательный качественный и количественный анализ слогов в словах разной длины дал следующие результаты.

Табл. 3

русский язык							структура слога	немецкий язык						
1-сложные	2-сложные	3-сложные	4-сложные	5-сложные	6-сложные	7-сложные		1-сложные	2-сложные	3-сложные	4-сложные	5-сложные	6-сложные	7-сложные
12	15	23	20	9	14	4	Г		1					
24	49	101	90	35	43	10	СГ	27	38	61	34	18	13	
10	19	18	10	4			ССГ							
	1	2	5	1			СССГ		2					
4	3	10	12	2	3	4	ГС	21	6	8	6	3	3	
10	41	55	51	20	16	2	СГС	53	79	62	41	9	8	6
	2						ГСС	12						2
							СГССС		2					
1	1	5	2	1	1		СГСС	9	9	8	2	1	3	2
3	7	8	2	3	1	1	ССГС	5	10	8	5	1	1	1
	1	1					ССГСС		1	3	2	1		1
	1	1					СССГС	1		1				

Выводы:

1. Объём слов в текстах на немецком и русском языках имеет несущественную разницу в 5 слов. Количество знаков в русском и немецком текстах (без учёта пробелов) отличается на 23 знака в пользу немецкого варианта. Таким образом, формально два текста мало, чем отличаются друг от друга.

2. Количество слогов в русском тексте статьи на 166 единиц больше, чем в немецком варианте. Это позволяет сделать вывод о том, что слоговая структура русского слога в сопоставляемой статье содержит меньше знаков, т.е. проще, чем структура немецкого слога.

3. В немецком варианте закрытые слоги составляют 63,2 %, а открытые – 36,7 %. В русском варианте доминируют открытые слоги – 65,3 %, закрытые слоги составляют 34,6 %.

4. По 26 % слов в немецком тексте составляют двух- и трёхсложные слова. 20% принадлежит односложным словам. Речь идёт не только о функциональных словах: предлогах *in, an, für, mit, von, auf*; артиклях *der, die, das, dem, den*; вспомогательных глаголах *hat, war, ist*, но и о лексических словах *Welt, Dach, Spiel, Raum, Strom*, формах глаголов *liegt, schafft, tun, zeugt, gilt* и т.д. На четвёртом месте по распространённости стоят четырёхсложные слова (14,4 %). Затем следуют пятисложные - 5,7 %, шестисложные слова – 4,7 % и семисложные слова – 2,2 %.

5. Несмотря на наличие сложных слов в немецком языке распространены одно-, двух- и трёхсложные слова. Им принадлежит 72 % текста.

6. Односложные слова, которые столь распространены в немецком тексте, в свою очередь образуют безударные энклитики в ритмической группе, напр., *weil sie bei ihrem 'Spiel*, что характеризует важную особенность ритма немецкого предложения.

7. В русском тексте лидируют трёхсложные слова – 28 %: создаёт, выглядит, своего и т.п., затем следуют четырёхсложные слова – 24 %: ежедневно, городского. Двусложные слова составляют 18 %, пятисложные – 9,4 %, затем по убывающей шести-, односложные и семисложные слова, соответственно, 9,8 %, 8 % и 2,6 %. В русском тексте 70 % принадлежит трёх-, четырёх- и двусложным словам.

8. Русский язык ярко иллюстрирует тезис о тяготении структуры русского слова к открытости. Независимо от количества слогов в слове, в 60 % и более открытые слоги преобладают над закрытыми.

9. В немецком языке прослеживается обратная тенденция. В более чем половине случаев (от 53 до 86 %) преобладают закрытые слоги. В анализируемом тексте исключение составили пятисложные слова. В них открытые и закрытые слоги составляют соответственно 58 % и 42 %.

10. Анализ структуры слогов позволяет сделать вывод, что в русском языке распространены прикрытые слоги самых сложных форм (типа СГ, ССГ, СССГ), тогда как в немецком языке актуальна тенденция закрытия слога целыми группами согласных звуков (типа ГСС, ССГСС).

11. Гипотеза, которая была выдвинута перед началом сравнительного анализа, а именно, упрощается ли структура слога при увеличении количества слогов в слове, не нашла своего статистического подтверждения. Однако можно предположить, что для её подтверждения проанализированного материала оказалось недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка / Л.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. – 275 с.
2. Князев С.В. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия / С.В. Князев, С.К. Пожарицкая. – М.: Академический проект, 2005. – 308 с.
3. Козьмин О.Г. Теоретическая фонетика немецкого языка / О.Г. Козьмин, Т.С. Богомазова. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2002. – 256 с.
4. Панов М.В. Русский язык: История русского литературного языка [Электронный ресурс] / М.В. Панов // Русский язык. – № 26. – 2002. – URL: [http:// rus.1september.ru/newspaper.php?year=2002&num=26](http://rus.1september.ru/newspaper.php?year=2002&num=26)>N 26/2002

COMPARATIVE ANALYSIS OF SYLLABIC STRUCTURES IN GERMAN AND RUSSIAN

E.P. Sergeeva

Lipetsk State Technical University, Lipetsk

The comparative typological research focuses on the syllable as a unit of the to-

nal-dynamic system of language. The author carries out statistical analysis of German-Russian texts and makes conclusions about the peculiarities of syllabic structures in German and Russian.

Key words: phonetics, syllable, comparative typological analysis.

Об авторе:

СЕРГЕЕВА Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Липецкого государственного технического университета, *e-mail*: serg-bel@rambler.ru.

УДК 811.929.3

ЛЕКСИКА ДОТРАКИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ ВЫМЫШЛЕННОГО НАРОДА

А.В. Ткаля

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
Костанай, Казахстан

В статье рассматривается лексический состав дотракийского языка, разработанного для экранизации одного из романов Дж. Мартина «Игра престолов». В процессе исследования выявляется качество, присущее не только естественным, но и вымышленным языкам – прямая связь языка и культурных характеристик народа.

Ключевые слова: вымышленный язык, дотракин, лексический состав, культурная нагруженность.

Искусственные языки могут быть для современного человека объектом изучения и способом коммуникации, упражнением для ума и предметом игровой деятельности. На сегодняшний день в мире существует порядка пятисот искусственных языков. Однако лишь небольшой процент искусственных языков конструируется для того, чтобы реально служить целям международного общения, и ещё меньше – получает распространение в этом качестве. Серьёзные попытки разработки и распространения искусственных языков как средства коммуникации между людьми разных национальностей, призванного потеснить или вытеснить естественные языки, (воляпюк, эсперанто, идо и т.п.) можно считать делом прошлого.

Гораздо большую популярность приобретают искусственные языки, предназначенные для функционирования в ограниченных сферах, например, для обслуживания коммуникации вымышленных сообществ в фантастических мирах, или даже вообще не предназначенных для функционирования, а являющихся попытками продемонстрировать формальные и структурные возможности языка как такового [Сидорова <http>]. Среди наиболее известных искусственных вымышленных языков (ВЯ) выделяют:

эльфийские языки Толкина (в частности квенья и синдарин), клингонский язык, на'ви, используемый героями нашумевшего фильма «Аватар». Предметом специального изучения в рамках данного исследования стал дотракийский язык.

Дотракийский язык был изобретён Джорджем Мартином для персонажей книг «Песнь льда и пламени» и доработан профессиональным лингвистом Дэвидом Питерсоном для экранизации одного из романов серии «Игра престолов». Изначально дотракин содержал порядка 30 слов, фразы практически отсутствовали. В большинстве случаев, чтобы обозначить, что общение происходит на вымышленном языке, автору было достаточно указать, что герои говорили по-дотракийски, с описанием общего смысла сказанного (на английском языке) и с варьированием синтаксисом и ритмом предложения, чтобы придать речи специфический оттенок.

При разработке полноценного дотракина как и любого другого вымышленного языка Д. Питерсон следовал следующим принципам:

1. Культурная нагруженность описания. Типичной чертой проектов ВЯ является подчеркивание того, что в структуре языка должна отражаться культура и/или биологические особенности народа – носителя, причем социокультурные факторы учитываются чаще, чем биологические. Язык предназначен передавать «вкус» другой народности.

2. Художественное благозвучие и звукосимволизм. При конструировании вымышленного языка огромную роль играет эстетический фактор: язык должен звучать красиво и выразительно. Второй важный фактор – определённое эмоциональное впечатление. Этот фактор также тесно связан с особенностями жизни вымышленного народа и его сознания: язык воинственного народа, как правило, звучит воинственно.

3. Теоретическая осмысленность и оригинальность. Создание языка предполагает существование аналитической основы. Такой основой может являться естественный либо детально разработанный искусственный язык. Язык не создаётся из ничего, всегда существуют ориентиры, задающие вектор при подходе к языку. В то же время язык должен обладать оригинальностью. ВЯ призван отражать мировоззрение нации, принципиально отличной от существующих в реальном мире.

Согласно вышеуказанным принципам в данной статье проанализирован один из основных уровней языковой системы – лексический.

Одной из главных функций всех существующих языков следует считать отражение психофизиологических особенностей, мышления и картины мира, образа и условий жизни вымышленного народа и соответствие другим проявлениям культуры этого народа.

Лексика дотракийского языка организована вокруг культурных констант кочевого воинственного народа. Само название «дотракийцы» (англ. *Dothraki*) означает «скачущие люди». Дотракийцы объединены в племена –

кхаласары (khalasar – группа, временное племя). Кхаласаром управляет выборный племенной вождь – кхал (khal). Его жену называют кхалиси (khaleesi – королева), сына-первенца и наследника – кхалакка (khalakka – принц) [Peterson http]. Дотракийцы – умелые наездники, даже дети садятся в седло раньше, чем начинают ходить. Соответственно, большая часть лексики дотракийского языка обусловлена особенностями кочевой культуры.

Так, вопрос *hash yer dothrae chek? Как дела?* звучит дословно: *ты хорошо едешь верхом?* А реплика на него *anha dothrak chek asshekh*, означает: *сегодня я хорошо скачу*.

Особенности номадической культуры отражены во всех глаголах, означающих повседневное поведение: *anha dothrak adakhataan* (я собираюсь поехать (я еду верхом, чтобы поехать)). *Anha dothrak adakhatoon* (Я уже поел (Я уезжаю от еды на коне)). *Khalakka dothrae mr'anha!* (Принц едет во мне!)

Культура и жизнь народа целиком и полностью зависят от лошадей. Дотракийцы в основном едят конину, пьют конское молоко (кумыс) – *latekh ohazho*, лошадь используется для транспортировки. Конь также является священным животным, тотемом.

Придавая каким-либо объектам, либо субъектам особое значение, в языке формируется большое количество слов их обозначающих.

Методом сплошной выборки из словаря было установлено, что в дотракийском языке существует 8 разных слов, обозначающих лошадь: *жеребёнок* – *perro*, *кобыла* – *late*, *мустанг* – *hrazef chafi*, *пони* – *jedda*, *боевой конь/лошадь (под седлом)* – *sajo*, *жеребец* – *vezh*, *молодой конь* – *tanin*, *лошадь рыжей масти* обозначают отдельным словом: *tehin*.

Образ коня в культуре тесно связан с понятиями честности, смелости и мужества. Дотракийцы считают того, кто пешком идёт по степи, нижайшим из низких, не имеющим ни чести, ни гордости, даже не мужчиной, настоящий мужчина всегда должен ездить только на коне:

«Khal Drogo had offered him a place in a cart the next day, and Viserys had accepted. In his stubborn ignorance, he had not even known he was being mocked; the carts were for eunuchs, cripples, women giving birth, the very young and the very old. That won him yet another name: Khal Rhag-gat, the Cart King» (Martin 1996: 189).

Если вождь племени упадёт с лошади, это посчитают позором: *me arthas hrazefoon mae* (он упал с лошади). *Khal fini laz vos dothrao, vos khal.* (Кхал, который не может ездить верхом – не кхал). В языке даже существует оскорбительный термин: *atthasat* (победить, букв.: заставить кого-то упасть).

Подчёркивая воинственность и дикость табунщиков, ВЯ характеризуется значительным количеством слов, связанных с насильственными действиями и оружием. В языке фигурируют три слова с лексическим значением 'убивать': *addrivat* (соответствует слову *to kill* в английском языке, то

есть *'to make someone be dead'* (умертвить кого-либо); *drozhat*: также означает *'убивать'*. Однако данное слово используется, если убийца (причина убийства) является животным, либо неодушевлённым объектом. *Drozhat* также используется если убийство совершил человек, но только в том случае, если это произошло случайно, или этот человек был в ярости / безумии ('озверел'). *Ogat*: соответствует английскому *to slaughter*, то есть *'забивать, резать (о скоте)'*. Также как и в английском языке имеет более широкое значение: *'совершать массовое убийство, устраивать резню'*.

Главными качествами для дотракийского народа считаются храбрость и сила, боевой дух (*oakah*). Даже прощаясь, кочевники говорят друг другу: *Hajas! – До свидания!* (букв.: *Будь сильным!*) Именно поэтому вождём кхаласара становится поистине смелый человек, не проигравший ни одного сражения. Символом смелости у дотракийцев считается коса (*jahak* – львиная грива):

«Drogo's braid was black as midnight and heavy with scented oil, hung with tiny bells that rang softly as he moved. «You see how long it is?» Viserys said. «When Dothraki are defeated in combat, they cut off their braids in disgrace, so the world will know their shame. Khal Drogo has never lost a fight» (Martin 1996: 18).

Слово *athjahakar* ('гордость') – является производным от *jahak*, таким образом, коса является не только символом мужества, но и достоинства. В соответствии с данным убеждением, в языке появилось выражение *«fichas jahakes moon!»* (схватить его! букв.: поймать за косу!).

Жизнеспособный фантастический язык не может быть не окрашен культурно: в нём должны быть культурные концепты, национальные стереотипы, системы ценностей – все, что имеется в естественных языках. У дотракийского народа существует система религиозных верований: кроме лошадей, они поклоняются солнцу и луне, которых считают мужем и женой; звёзды, по их мнению – табуны огненных небесных коней, каждую ночь скачущих по небосклону с востока на запад. Эти кони-звёзды несут на себе души умерших. Согласно их верованиям, чем ярче человек прожил свою жизнь, тем ярче звезда, вспыхивающая после его смерти. Это также нашло лексическое отражение: *shekh ta shieraki anni* – любимый (обращение к мужу): мои солнце и звёзды. *Jalan atthirari anni* – любимая (обращение к жене): луна моей жизни.

Перед важной битвой, мужчины обычно говорят: *shieraki gori ha ueraan!* (пусть тебя оберегают звёзды). Необходимо заметить, что в дотракине отсутствует слово, имеющее буквальный перевод слова «комета». Небесное тело кочевники называют *shierak qiya* – кровоточащая звезда. По всей видимости, ввиду длинного и яркого шлейфа кровавого цвета кометы, появившейся на небосклоне после смерти кхала Дрого:

«The comet's tail spread across the dawn, a red slash that bled above the crags of Dragonstone like a wound in the pink and purple sky» (Martin

1999: 1).

Д. Питерсон создал язык не как набор узуальных единиц, а как концептуальную систему. В качестве концепта можно рассматривать лексическую единицу «кровь» (*qou*).

Семантически слово *qou* представляет ряд коннотативных значений сложных слов, имплицитующих понятия преданности, силы, ярости, смерти и пророчества: *arakh fevee qouoon*. – *аракх (кривой меч) жаждет крови*.

Кровь является символом родства, родовой связи, поэтому в дотракине существует слово *dothrakqoyi* – кровный всадник, телохранитель, и фраза *qou qoyi* (*кровь моей крови*). Как правило, данная фраза является обращением.

«... they were the khal 's brothers, his shadows, his fiercest friends.
«Blood of my blood,» Drogo called them, and so it was; they shared a single life» (Martin 1996: 187).

Кровь в символике также важна как воплощение жизни, поэтому, чтобы поздравить дотракийца с днём рождения, используют фразу: *asshekhqoyi vzhvena!* (букв.: *Счастливого тебе дня крови!*). Полнолуние (луну урожая) кочевники именуют *jalan qoyi* (*кровавая луна*), причём значение словосочетания можно рассматривать в двух вариантах: как символ зарождающей жизни (урожай), либо как предзнаменование войны и раздоров.

Особенности религии номадов также отражает фраза, используемая при упоминании о недавно умерших: *vod chafaan* (*покойся с миром*), буквально означающая ‘*пыль на ветру*’. Это объясняется тем, что дотракийцы устраивали погребальные костры. Умерших людей, чьи тела не были сожжены, они называют *lei* (*призрак*). Стоит заметить, что данное слово имеет омоним со значением ‘*заблудившийся*’, то есть, ‘*не нашедший пути на небо*’.

Речевой этикет дотракина заслуживает отдельного внимания. Любезности, вроде «нельзя ли» или «будьте любезны», глубоко чужды дотракийцам. Они воспринимают только требования в вежливой форме. Однако в языке наличествует вежливое приветствие по отношению к группе людей: *athchomar chomakea* (*почтение достопочтенным, поклон вам*), оно используется при условии, что путники проявят уверенность и выкажут уважение:

Athchomar chomakea, zhey lajaki vzhveni. Anha goshok mehrazef shafki athiroe; me haja lekhaan k'athtihari (*Поклон вам, великие воины. Уверен, что не причину вреда вашим коням, они выглядят могучими*).

В дотракине не существует слова «*пожалуйста*» – дотракийцы никогда ничего не просят. Ничего нельзя просить и у самих дотракийцев, тем более у кхала. Ввиду отсутствия слова «*пожалуйста*», из дотракина исключили слово «*спасибо*», хотя первоначально оно имелось в составе вокабуляра: *san athchomari yeraan, sanaccho*.

Словарный состав дотракина, насчитывающий около 3000 слов считается аутентичным, лексика практически не характеризуется заимствованиями

ями. Очевидным является тот факт, что наименования получают лишь те предметы и объекты, которые окружают дотракийский народ. Из этого следует, что окружающая действительность, система ценностей и представлений, культурные реалии народа находят полное отражение в языке, главным образом на лексическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: вымышленные языки [Электронный ресурс] / М. Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова. – М., 2006. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~sidорова/files/conlangs.pdf>
2. Peterson D. J. Dothraki. A Language of Fire and Blood [Электронный ресурс] / D. J. Peterson. – URL: <http://www.dothraki.com/tag/dictionary/>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Martin G. R.R. *A Game of Thrones* / G. Martin. – Bantam Spectra, 1996. – 835 p.
Martin G. R.R. *A Clash of Kings* / G. Martin. – Bantam Spectra, 1999. – 761 p.

VOCABULARY OF THE DOTHRAKI LANGUAGE AS A REFLECTION OF THE CULTURAL CONSTANTS OF THE FICTIONAL SOCIETY

A.V. Tkalya

A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan

The article deals with the lexical composition of the Dothraki language developed for the screen adaptation of one of G. Martin's novels *Game of Thrones*. The research reveals the quality inherent not only in natural, but also in fictional languages – a direct link between the language and the cultural characteristics of the people.

Key words: *fictional language, dothraki, lexical composition, cultural loading.*

Об авторе:

ТКАЛЯ Алёна Викторовна – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, *e-mail*: alyona.tkalya.93@mail.ru

УДК 811

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОМПЬЮТЕРНЫМ ЖАРГОНОМ И СЛЕНГОМ

В.Т. Чолокян

Пензенский государственный университет, Пенза

Статья посвящена исследованию жаргона и сленга, как части подъязыка компьютерных технологий. В содержание работы включен краткий анализ исторических предпосылок появления жаргонной лексики, рассмотрены основные подходы к определению указанных понятий, а также сделан вывод о правомерности приравнивания жаргона к сленгу.

Ключевые слова: *подъязык, компьютерная терминология, сленг, жаргон.*

Любой естественный язык, то есть созданный в результате эволюции человека как вида и человеческого общества как примера сложных многослойных взаимодействий представителей этого вида, имеет тенденцию к саморазвитию и расширению. Долгое время этому процессу не уделялось должное внимание, он воспринимался как что-то обыденное и не требующее серьезного разбора. По большому счету, лингвистика или языкознание до XIX века в привычном нам виде не существовала [Амирова 2006: 82]. Все научные теоретические и практические труды, насколько углубленными они могли быть в то время, описывали язык преимущественно с грамматической стороны: составлялись справочники правописания, оформлялись и устанавливались правила говорения, нормы употребления тех или иных конструкций. При этом разделение языка на литературный и просторечный уже случилось, но произошло это скорее эмпирическим путем, чем долгими теоретическими обоснованиями. В первую очередь, это было связано с сильнейшим социальным расслоением, где разница между условным крестьянством и условным дворянством (которое могло называться самыми разными терминами в зависимости от конкретной территории и политического устройства) была настолько очевидной, что не было смысла это доказывать. Соответственно, язык людей, развивающийся в совершенно разных социальных слоях и принадлежащих к разным социальным классам, при условии их изоляции друг от друга, звучал и выглядел по-другому. Иногда эти языки могли отличаться до полного непонимания изложенной информации.

В качестве примера можно привести англо-нормандский язык IX-XI веков (позднее его стали называть англо-французским). Этот язык, являясь родным языком британской элиты после завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем (1066 г.), на протяжении двух веков был главным языком ведения деловой переписки и административно-торговых регистров на территории всей Англии, а также части Ирландии. Однако из-за сравнительно малой численности его носителей (около 2% от тогдашнего населения или 30 тысяч человек), англо-нормандский язык не смог вытеснить из обихода местные англо-саксонские языки и говоры, с помощью которых общалась подавляющая часть населения, включая не только низшие слои, но и средний класс, купечество. Как закономерный итог – этот язык исчез из обихода британской элиты, пусть и оказал влияние на появление современного английского языка, являющегося во многом продуктом смешения нормандской и романской лексики [Иванова 1999: 147].

Соответственно, языкознание в том виде, который мы привыкли видеть зародилось только в начале-середине XIX века, вместе с появлением фундаментальных работ Вильгельма Гумбольдта («О возникновении грамма-

тических форм и их влиянии на развитие идей» (1822), «О буквенном письме и его связь со строением языка» (1824), «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1843).

Широкое распространение среднего и высшего образования в XX веке, увеличение числа людей, работающих в рамках наукоёмких и инженерно-технических профессиях привело к бурному росту профессиональных подязыков.

Появление компьютерного подязыка является вполне закономерным процессом развития общества и сферы вычислительной техники. С момента создания первых ЭВМ (электронно-вычислительных машин), в язык стали проникать новые термины и слова, призванные именовать появившиеся процессы, объекты и связанные с ними системы. Прошли годы, прежде чем количество терминов достигло такого числа, чтобы их можно было систематизировать и разграничивать на подкатегории.

Согласно предположению некоторых лингвистов (В.П. Даниленко, В.С. Елистратов) влияние политической и рыночной терминологии на русский язык стало предпосылкой к тому, насколько активно стали заимствоваться слова компьютерной тематики (*интерфейс, сканер, дисплей, линк, джсек*), так как в нем отсутствуют эквиваленты из числа общепринятой литературной лексики. Единственным исключением, пожалуй, можно назвать термин «мышь» (англ. mouse) – манипулятор ввода визуальных данных. По причине того, что абсолютное большинство лексики компьютерной тематики возникает в США, заимствования протекают по принципу прямого переноса англицизмов для заполнения культурологических пробелов.

Сегодня компьютерный жаргон стал неотъемлемой частью жизни общества. Под этим термином подразумевается «некодифицированный профессиональный язык программистов и людей, тесно связанных с использованием компьютера как в работе, так и в свободное время» [Кошелев 2017: 219]. Активная компьютеризация человеческой жизни делает компьютерный жаргон явлением социально значимым, влияние которого заметно далеко за рамками профессиональной деятельности. Также, из всего списка других профессиональных жаргонов по своей роли он представлен не только, как способ общения внутри замкнутой группы, но и как заметный атрибут эпохи [Крысин 2000: 67]. Расширению лексического запаса жаргона во многом способствует наличие сети Интернет, из-за чего границы профессионального общения постепенно стираются, а количество носителей из числа простых пользователей сети растёт. Особенно это касается молодежи. Это приводит к тому, что многие лексические конструкции компьютерного жаргона переходят в разряд общеупотребительных и понятных широкому кругу людей, что может в недалеком будущем привести к включению их в состав литературного языка.

Сферой применения компьютерного жаргона, как и других видов жар-

гона, традиционно является любая неофициальная обстановка, непринужденная беседа как в рамках работы, так и вне её. В последние два десятилетия русский язык находится под сильнейшим влиянием жаргонной и просторечной языковой среды. Е.А. Земская называет важной чертой современного дискурса перемещение лексических элементов периферийных систем русского языка в его основную литературную часть, в корень языковой системы [Земская 2002: 136]. Результатом этого процесса является признание жаргона объективной реальностью современного разговорного языка.

Из-за того, что большинство слов профессиональной лексики являются сложными и непригодными к каждодневному использованию, компьютерный жаргон расширяется заметно быстрее, пополняясь от года к году десятками новых словарных единиц. Как следствие, намечается тенденция к сокращению и упрощению наиболее сложных технических терминов. Например, вместо термина «персональный компьютер» часто используется жаргонное слово «пека», вместо «дисплей» или «монитор» – краткое «моник», словосочетание «центральный процессор» сокращается до ёмкого ЦП или «проц».

Немаловажным фактором в образовании жаргонных выражений является то, что специалисты в области IT и компьютерной техники сравнительно молоды, поэтому они могут разбавлять специальные термины в шутливой эмоциональной форме. Например, вместо использования аббревиатуры SSD (англ. Solid State Driver – твердотельный накопитель, разновидность модуля памяти) употребить «сосед» или «опер», вместо «оперативная память».

Компьютерный жаргон по своей сути является достаточно неоднородным пластом лексики с функционально-стилистической точки зрения. Исследователь русского компьютерного жаргона О.П. Ермакова приводит следующую классификацию жаргонизмов [Ермакова 1999: 205]:

1. Терминология. В процентном соотношении занимает около 17% лексики. Включает в себя наименование программ, систем, устройств, команд и так далее. Например: браузер (англ. to browse – просматривать, пролистывать) – средство просмотра интернет страниц; девайс (англ. device – устройство) – периферийное устройство.

2. Эмоционально-окрашенная лексика. Около 50% всех слов. Используется для именованья человека как принадлежащего к определенной социальной группе, а также неформальное обозначение каких-то объектов внутри сферы. Например: ось (англ. Operating System – операционная система), юзер (англ. User – пользователь), дрова (англ. Drivers – программное обеспечение для доступа к аппаратному обеспечению компьютера).

3. Профессиональная лексика. Примерно 30%. Выполняют преимущественно номинативную функцию, являясь эмоционально нейтральными.

Например: коннектиться (англ. to connect – связываться) – устанавливать соединение, ребутнуть (англ. to reboot – перезапустить) – перезагрузить компьютер.

По мнению В.С. Елистратова, в широком смысле существует профессиональная терминология и профессиональный язык, который может именоваться как жаргон, сленг, диалект, арго. При этом граница, пролегающая между профессиональным термином и обычным словом почти всегда очень размыта и нечетка, по причине того, что «не всякая терминология санкционирована как терминология. В строгом смысле, термин – атрибут науки, а не всякая профессия имеет научно-терминологическое ядро» [Елистратов 2002: 253]. Это означает, что правомерно говорить, во-первых, о терминах (Интернет обозреватель), во-вторых, о профессионализмах нейтральной стилистической окраски (Браузер), в-третьих, об эмоционально окрашенных жаргонизмах (Лиса, Осёл – от названий браузеров Firefox и Internet Explorer). Отсутствие точного способа разграничить термины, жаргонизмы и профессионализмы заметно по содержанию специализированных словарей. Так, «Толковый словарь русского языка» (2012 г.) обозначает слова *хакнуть*, *кликнуть*, *линкануть*, *ребутнуть* как относящиеся к классу жаргонизмов, однако актуальные интернет словари компьютерного жаргона этих слов не содержат, то есть носителями жаргона они не воспринимаются таковыми, при том, что постоянно встречаются в переписках и устном общении.

Чтобы лучше понять, какое место в языковой системе занимает компьютерный жаргон, следует внимательно изучить список входящих в состав каждого языка элементов. Любой язык можно категорировать на литературный и нелитературный. В первом случае, имеются в виду слова, прямо употребляемые в художественной и научно-популярной литературе, в политике, лекциях и официальных переговорах. Во втором случае – это слова нелитературного формата, подчеркнута разговорного характера, что в свою очередь делятся на: профессионализмы, жаргонизмы, сленг. В этом ряду компьютерный сленг находится, на первый взгляд, вполне обоснованно и логично. Однако определение самого понятия компьютерный сленг вызывало у лингвистов большие сложности. И.Р. Гальперин, например, с выделением сленга в отдельную языковую категорию не согласен. В качестве доказательства он приводит тот факт, что сам термин «сленг» имеет английские корни, ближайшим аналогом которого является его русский аналог «жаргон», как наиболее уместный и правильный [Гальперин 1956: 185].

Иной взгляд на этот вопрос демонстрирует О. С. Ахманова, которая относит сленг к разговорному варианту профессиональной речи и не сомневается в его существовании в качестве отдельной языковой категории [Ахманова 1966: 312].

Наиболее объемное и подробное определение принадлежит Р. Спирсу – создателю словаря сленга. Для Спирса сленг есть эмоционально окрашенная лексика, которая возникает и используется в основном в устной речи, малопонятна или совершенно непонятна основной массе населения [Spears 1981: 291]. Дж. Юл полагает, что носителей сленга можно охарактеризовать как группу «аутсайдеров», сама его лексика никак не связана с конкретной профессией, при этом люди, пользующиеся общеупотребительной лексикой, не понимают сленга [Yule 2004: 150].

В современном языкознании существуют различные мнения относительно происхождения слова «сленг». Согласно одной из версий, оно ведёт свою историю от английского глагола *to sling* – швырять, бросать. В этом контексте, стоит вспомнить устойчивое выражение *to sling one's jaw* – «говорить оскорбительные и резкие вещи». По другой версии, оно произошло от куда более сложных языковых манипуляций: фраза *thieves language* – язык воров – в результате процесса ассимиляции и для упрощения утратила первое слово, от которого осталась только буква «s». Учитывая, что воровской язык тоже является своего рода жаргоном, в этой версии имеется логическое зерно.

Точное время появления слова «сленг» в английской речи также не установлено. Письменная его форма была впервые замечена в Англии 18 века, в бульварной периодике. [Spears 1981: 302] В тот момент оно имело значение «оскорбление». К середине века данное слово, уже в рамках термина, стало куда активнее появляться в письменных источниках, как характеристика просторечной лексики, находящейся «вне закона». Ориентировочно в это же время у термина появляется два синонима: *lingo* (жаргон) – речь низших слоев общества, *argot* (арго) – речь афроамериканского или, в широком смысле, любого неевропейского населения.

Как отмечает американский лингвист Ч. Фриз, термин «сленг» за годы своего существования настолько расширил область своего применения и используется теперь для характеристики столь большого числа различных понятий, что стало достаточно трудно достоверно определить, что является сленгом, а что им уже не является [Fries 1963: 192]. Значительное количество английских ученых-лингвистов оперирует словом сленг как равноправным синонимом арго, жаргона. Максимально точно вопрос определения понятия сленга рассмотрел уже упоминавшийся ранее Р. Спирс. По его мнению, термин «сленг» на заре своего появления использовался в роли синонима слову «cant», обозначавшему британский криминальный жаргон. Со временем, увеличивая диапазон значений, сленг включил в себя все виды нелитературной лексики: просторечие, жаргон, диалекты, вульгарные слова. Представление Спирса дает право дистанцировать сленг от криминального жаргона, отметить, что это куда более общее понятие, включающее в себя множество подпунктов.

Возвращаясь к термину «жаргон», нужно понимать, что он характеризуется как определенная языковая разновидность, социолект, отличающийся от литературного языка специфическим набором лексических единиц и фразеологической моделью. Важной особенностью жаргона является его использование определенными группами (социальными, профессиональными или другими), объединенными едиными интересами. По мнению А.Д. Швейцара, жаргон – это «закодированная речь, которую невозможно понять непосвященному» [Швейцар 1963: 295]. Данную точку зрения ставит под сомнение Л.И. Скворцов, который отмечает, что многие жаргонизмы довольно успешно переходят в экспрессивный вокабуляр просторечных выражений, что не могло бы случиться, будь жаргон закодированным [Скворцов 1977: 55].

В отличие от определения понятия «сленг», по которому у научного сообщества ещё не сформировалось единого мнения, термин «жаргон» достаточно точно истолкован. Проводя сравнительный анализ определений жаргона, представленных в российской лингвистической среде, заметно их большое сходство, даже идентичность, что позволяет не цитировать их в рамках данной работы.

Компьютерный сленг отличается от сленгов иных типов тем, что в какой-то степени составляет единство всех четырех групп нелитературного языка. Самое главное – данной лексикой пользуются люди преимущественно одной профессии – IT разработчики или компьютерные инженеры. Рядовых пользователей в расчёт не берем, хотя формально они тоже относятся к этой сфере деятельности. Сленговые выражения, при этом, используются как синонимы по отношению к терминам профессиональной лексики, содержа в себе эмоциональный подтекст. Более того, лексический запас компьютерного сленга выражается своей прямой связью с действительностью компьютерной сферы. То есть сленговые слова и выражения прямо связаны с компьютерами и вряд ли будут усвоены неподготовленными людьми. Именно благодаря пониманию специализированной лексики люди IT сферы чувствуют себя членами некой закрытой группы или общности.

Исходя из этих особенностей, компьютерный сленг следует рассматривать как содержащий черты всех основных типов нелитературной лексики. Основываясь на этом, термин «компьютерный сленг» определяется как «набор лексики, используемый людьми, имеющими непосредственное отношение к IT сфере и компьютерной науке в качестве средства коммуникации в повседневном общении, отличающейся разговорной направленностью и эмоциональной окраской».

Однако мы считаем, что понятия жаргон и сленг необходимо отделять друг от друга. Более того, лингвисты подходят к этому вопросу не всегда с правильной стороны. Приведенные выше определения понятия сленг пока-

зались нам наиболее репрезентативными – при этом попыток найти особый подход к трактовке понятия существует так много, что они нередко взаимоисключающие. Основную сложность вызывает у лингвистов необходимость описать границы использования данного понятия – в особенности, дискуссии о правомерности включения в сленг только жаргонную лексику, имеющую аналоги в литературном языке, или же подведения под общее определение всей не стандартизированной лексики, которую используют компьютерные инженеры и IT специалисты. Сам термин «сленг», применительно к компьютерному подязыку, чаще встречается в контексте разговора об английском языке. Нередко термин «сленг» взаимозаменяется словом «жаргон» в рамках одного текста или даже абзаца, становясь своеобразным синонимом.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что термин «жаргон» точнее подходит для определения лексики ограниченных групп людей, связанных общими интересами на профессиональной или социально-бытовой основе, так как несет в себе значение принадлежности к конкретному специализированному классу. В то же время термин «сленг» куда более частная разновидность нелитературной лексики, при этом больший эмоциональный окрас её лексических единиц и меньшая избирательность в выборе словарных форм свидетельствуют о преобладании в носителях сленга людей далёких от IT специальностей и компьютерной науки, а являющихся активными пользователями сети Интернет. Это не даёт права приравнять этих людей к профессионалам и работникам индустрии, соответственно, и между используемой ими терминологией должна быть проведена разграничительная черта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Т.А. История языкознания / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский / Под ред. С.Ф.Гончаренко. – М.: Академия, 2005. – 672 с.
2. Гальперин И.Р. О термине сленг / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – № 6. – С. 107-114.
3. Елистратов В.С. К проблеме изучения профессиональных языков / В.С. Елистратов // Н.А.Каланов. Словарь морского жаргона. – М.: Азбуковник, Русские словари, 2002. – С. 469-475.
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: анализ и проблемы обучения / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 2002.
5. Иванова И.П. История английского языка / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева. – СПб: Изд-во «Лань», 1999. – 312 с.
6. Кошелев А.И. Очерки эволюционно-синтетической теории языка / А.И. Кошелев. – М.: Издат дом ЯСК, 2017. – 528 с.
7. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – № 5. – С. 63-91.
8. Скворцов Л.И. Литературная норма и просторечие / Л.И. Скворцов. – М.: Наука, 1977. – 254 с.
9. Швейцар А.Д. Очерк современного английского языка в США / А.Д. Швейцар А.Д. – М.: Высшая школа, 1963. – 216 с.

10. Fries Ch. C. *Linguistics and Reading* / Ch.C. Fries. – Michigan: Holt Rinehart and Winston, 1963. – 265 p.
11. George Y. *The Study of Language* / Y. George. – Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2004 – 340 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

12. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов* / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
13. Ермакова О.П. *Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона* / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина / Под общим руководством Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
14. Spears R.A. *Slang and Euphemism* / R.A. Spears. – N.Y.: Jonathan David Publishers., 1981. – 427 p.

**SIMILARITIES AND DIFFERENCES
BETWEEN COMPUTER JARGON AND SLANG**

V. T. Cholokyan

Penza State University, Penza

The article is aimed at examining jargon and slang as parts of computer sublanguage. Through observing historic prerequisites of jargon vocabulary, main approaches to these definitions would be reviewed. The possibility of equating two terms would also be analyzed.

Key words: *computer terminology, sublanguage, jargon, slang.*

Об авторе:

ЧОЛОКЯН Владимир Тигранович – студент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» Пензенского государственного университета; *e-mail:* Rocosx@gmail.com

Теория языка

Е.И. Атаманская

Е.Ю. Багрова

Ю.В. Баклагова

Г.И. Варламова

В.А. Генералов

В.В. Горбунова

А.А. Дзюба

А.В. Дымова

Е.М. Зиновьева

Н.Н. Клементьева

А.И. Малкова

Л.Н. Мирошниченко

С.Е. Неустроева

И.Н. Новгородов

А.В. Ткаля

В.С. Федоренкова

Е.В. Яценко

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е.И. Атаманская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород

Данная статья посвящена изучению понятия «пространство». Проанализированы определения понятия «пространство» в рамках лингвистической и других наук, а также выделены и проанализированы основные свойства пространства.

Ключевые слова: пространство, категория, концепт, локализация, семантическое поле.

На современном этапе развития лингвистики особое внимание отводится изучению человека и его сознания. Лингвистика, вобравшая в себя в последние годы элементы психологической, антропоцентрической, социологической и других наук, не может отрицать тот факт, что центром мироздания является человек.

Нельзя не отметить тот факт, что человек не может существовать вне пространства. Пространство организовано вокруг человека и неотделимо от него. Этим объясняется огромный интерес, проявляемый представителями разных наук к пространству. В рамках науки о языке пространство изучалось такими исследователями, как Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, В.Л. Ибрагимова, Н.Н. Болдырев, Дж. Миллер, Дж. Лакофф и многими другими.

Пространство, наряду со временем, является формой бытия материи, одной из важнейших философских категорий, что позволяет ей оставаться неизученной в полной мере и привлекать интерес все новых и новых исследователей. Пространство стало одной из первых категорий бытия, которые воспринимались и дифференцировались человеком. Чтобы постичь пространство, человеку достаточно просто открыть глаза [Гак 2000: 127].

Прежде чем перейти к определению понятия «пространство», следует разграничить концепты «ПРОСТРАНСТВО» и «МЕСТО». Интересным является тот факт, разные ученые выделяют в отдельную категорию только один из приведенных выше концептов. Вслед за Е.С. Кубряковой и другими лингвистами под концептом мы будем понимать «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90].

По определению А.В. Кравченко место является вместилищем, или областью пространства, которая может быть занята каким-либо предметом [Кравченко 1996: 45]. Следует обратить внимание на то, что Аристотель уделял особое внимание категории места, не выделяя при этом категорию

«пространство». Если ранее под местом понималась граница предмета, то, с точки зрения Аристотеля, местом называется граница тела, объемлющего предмет. Понятие абстрактного пространства также отсутствовало и в средние века, что дает нам основания полагать, что с диахронической точки зрения, концепт «ПРОСТРАНСТВО» вторичен по отношению к концепту МЕСТО [Кубрякова 2000: 86].

При рассмотрении пространства ученые придерживаются двух основных концепций. Первая концепция заключается в том, что пространство понимается как первичная категория, вмещающая в себя материю и не зависящая от нее. Автором данной теории «пустого» пространства является Ньютон. Противоположной точки зрения придерживаются последователи Лейбница и его концепции «объектно-заполненного» пространства, согласно которой, пространство представляет собой относительную категорию, зависящую от находящихся в ней объектов [Кобозева 2000: 153]. Таким образом, в центре абсолютного пространства Ньютона, находится непосредственно само пространство, в то время как в относительном пространстве Лейбница в центре внимания находятся объекты.

Как уже упоминалось выше, пространство изучается рядом наук, таких как философия, физика, математика, социология, психология и другие. С точки зрения философии, пространство представляет собой «форму бытия материи, характеризующую протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие во всех материальных системах» [Философский энциклопедический словарь 1983: 541]. Математическая наука трактует пространство как «логически мыслимую форму (или структуру), служащую средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции» [Математический энциклопедический словарь 1988: 503]. В физике «пространство» определяется как категория, выражающая «порядок сосуществования отдельных объектов» [Физический энциклопедический словарь 1984: 593].

Философский, физический и математический аспекты нашли свое выражение в языке. Когнитологи считают пространство одним из важнейших концептов культуры. По мнению В.А. Масловой, пространство, время и число, представляя собой фундаментальные концепты культуры, формируют представление человека об окружающей действительности [Маслова 2016: 95].

В языке категория пространства нашла свое отражение в семантической категории локативности, отражающей локализацию объекта в пространстве [Бондарко 1996: 5]. Т.Н. Маляр трактует локализацию как «определение положения объекта или события в пространстве или во времени посредством указаний, содержащихся в семантике языковых единиц» [Маляр 2009: 355]. При этом следует отметить, что локализация может быть как абсолютной, так и относительной, где местоположение объектов определяется относительно друг друга.

Вслед за И.В. Скрынниковой и другими лингвистами будем считать, что местоположение объекта в пространстве ориентировано относительно положения наблюдателя [Скрынникова 2004: 6]. Данное положение позволяет сделать вывод о том, что одной из главных характеристик пространства является его антропоцентрический характер, поскольку в пространстве человек является точкой отсчета, относительно которой оно организовано. При определении местоположения объекта в пространстве человек пользуется тремя осями координат, позволяющими установить, находится объект спереди или сзади, сверху или снизу, справа или слева относительно ориентира. Следует также отметить, что человек способен определить не только местоположение объекта в пространстве, но также его размер и форму. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о наличии такого важнейшего свойства пространства как трехмерность.

Изучая понятие «пространство» необходимо также проанализировать внутреннюю структуру семантического поля «пространство», внутри которого выделяют следующие структуры:

- 1) типы пространств, к которым относятся точка, линия, поверхность, объем;
- 2) организация пространства, включающая в себя оппозиции: открытое/закрытое пространство, центр/периферия;
- 3) относительность пространства: близко/далеко, справа/слева;
- 4) направления, ориентации, координаты;
- 5) меры длины, поверхности, объема;
- 6) восприятие пространства: вид, угол, точка зрения [Гак 2000: 127].

Таким образом, анализируя понятие «пространство» можно выделить его следующие ключевые свойства: антропоцентрический характер, трехмерность, относительность.

Необходимо также отметить, что междисциплинарный характер понятия «пространство» поддерживает актуальность изучения данного вопроса. Несмотря на неугасающий интерес ученых к понятию «пространство», оно до сих пор остается не до конца изученным, ввиду своей многомерности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-135.
3. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства / Кобозева И.М. // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152-162.
4. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1996. – 160 с.
5. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
6. Маляр Т.Н. Пространство-время: метафорический перенос или единая концепту-

альная система? / Т.Н. Маляр // Когнитивные исследования языка. Вып. II: Проблемы репрезентации в языке. – М., Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. – С. 351–358.

7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта, 2008. – 296 с.
8. Скрынникова И.В. Вербализация концепта «Пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.В. Скрынникова; Волгоградск. гос. ун-т. – Волгоград [б.и.], 2004. – 23 с. – На правах рукоп.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9. Кубрякова В.С. Краткий словарь когнитивных терминов / В.С. Кубрякова [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
10. Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю.В. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 847 с.
11. Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 944 с.
12. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

DEFINITION OF «SPACE» IN MODERN LINGUISTICS

E.I. Atamanskaya

National Research Belgorod State University, Belgorod

The article is devoted to the study of «space» definition. The article deals with definitions of «space» within the scope of linguistics and other sciences. The author points out and analyzes key characteristics of «space».

Key words: *space, category, concept, localization, semantic field.*

Об авторе:

АТАМАНСКАЯ Елена Ивановна – ассистент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, *e-mail:* atamanskaya.alena@yandex.ru

УДК 1

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Е.Ю. Багрова

Санкт-Петербургский Политехнический университет им. Петра Великого,
Санкт-Петербург

Данная статья направлена на освещение проблемы субъективного воздействия автора в историческом тексте. Вопрос разграничения объективного и субъективного является краеугольным и междисциплинарным. В статье исторический нарратив рассматривается как многокомпонентная структура включающую в себя исторический текст, историческую действительность и исто-

рика, как интерпретатора нарратива.

Ключевые слова: исторический нарратив, субъективность, точка зрения, оценка.

Современный исторический нарратив рассматривается как средство репрезентации исторической реальности. Нарративная история сосредоточена на процессе написания истории, исторического текста, демонстрируя новое понимание и трактовку текста, который является предметом исследования не только исторической науки, но и лингвистики. Исторический нарратив также определяют как «дискурсивный тип повествовательного текста как интерпретации прошлого» [Анкерсмит 2003: 47].

Благодаря лингвистическому повороту произошло разграничение между изложением исторических фактов и описанием событий посредством «конфигуративного замысла, упорядочивающего исторические факты и наполняя их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста» [Лубский <http>]. В данном случае исследователь-лингвист сталкивается с разграничением понятий объективности и субъективности, поскольку с одной стороны исторический нарратив реалистичен, излагая факты, с другой стороны, субъективен, поскольку информация преломляется через призму осмысления, структурирования и репрезентации ее историком и облачается в форму исторического повествования.

Исторический нарратив имеет многокомпонентную структуру, включающую в себя исторический текст, историческую действительность и историка, как интерпретатора нарратива.

Язык объективирует и позволяет сохранять историческое знание, а также играет важную роль в передаче этого знания. Оценка и понимание текста зависят не только от автора или читателя, но и от норм, принятых в данном сообществе. Каждого историка можно отнести к определенной языковой общности, которая оказывает на него влияние, что отображается и на самом тексте (нарративе).

В лингвистике одним из первых о соотношении объективного и субъективного заговорил В. фон Гумбольдт. Он заявил, что язык «есть средство преобразования субъективного в объективное», при этом «речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека» [Краснова 2002: 23].

С одной стороны, субъективность можно рассматривать с точки зрения участника действия или со стороны описывающего. При анализе исторического нарратива эти два типа могут соединяться. Однако, чем больше становится разрыв, как культурный, так и временной между событием и историком или читателем, которые не являлись свидетелями данных исторических событий, то субъективность может восприниматься как объективность события.

П.Рикер выделяет ряд черт описывающих неполноценную объектив-

ность истории и субъективность историка. К первой черте он относит понятие исторического выбора. Историк выбирает те или иные события, описывает их и анализирует. Уже на этапе «суждений о первостепенной важности» [Рикер 2002:41] можно говорить, что историк прибегает к субъективизму, руководствуясь личным выбором при отборе событий и определении основных факторов. Второй чертой является факт, что «история зависит от различных уровней привычного понимания причинности» [там же]. Причинность, на которую опирается историк может нести в себе черты наивности, нескритичности оценки.

Еще одной чертой можно назвать «историческую дистанцию». Одной из задач историка является детерминация того, что изменилось с течением времени. Перед историком ставится вопрос, как при помощи инструментов языка описать или воссоздать не существующие институты, образования, ситуации.

Последней чертой считается то, что «история хочет объяснить и, в конечном счете, понять, это люди» [там же: 43]. Описываемое прошлое - это прошлое людей. Возникает проблема описания интегрального прошлого, так как задачей историка является описать, восстановить то, что пережили другие люди, основываясь на причинных отношениях, поскольку зачастую историк описывает прошлое со своим специфическим человеческим опытом. «Момент, когда субъективность историка приобретает способность постигать, наступает тогда, когда история воспроизводит ценности прежней человеческой жизни вне всякой критической хронологии» [там же: 44].

Возвращаясь к лингвистической стороне вопроса, существует ряд средств и возможностей, способствующих выражению субъективного и объективного. Рассмотрим их с точки зрения языковых уровней.

На лексическом уровне субъективность связана с оценочной, стилистически и экспрессивно окрашенной лексикой.

«Числительные, местоимения с количественным значением способны передавать и объективную, и субъективную информацию так же, как и категория состояния, фиксирующая и природные явления, и субъективные состояния» [Краснова 2002: 24]. Лексическая система языка обладает большим количеством средств, выражающих субъективную семантику. Однако, для выражения субъективности важную роль играет не только выбор лексики, но и контекст, поскольку автор текста обрамляет каждое слово в определенную оболочку, выражая отношение к этому предмету.

На морфологическом уровне средством словопроизводства могут выступать существительные и местоимения со значением лица и глаголы. Рассматривая глагол, А.А. Потебня утверждал: «В понятие глагола непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное» [Потебня 1958: 84].

Таким образом, глагол передает объективные характеристики нахождения, существования, перемещения, но с другой стороны глаголы опреде-

ляют ментальные и психологические процессы, в особенности это выражается через модальные глаголы, глаголы восприятия, ощущения, любви и ненависти.

На синтаксическом уровне в историческом нарративе обычно используется двусоставная структура предложения. Односоставные предложения, неполные предложения выражают личностный характер высказывания. Субъективность выражается также изменением обычного порядка слов, использованием сегментированных конструкций и повторов.

Однако, историки сталкиваются с очевидной проблемой выражения оценочного суждения и точки зрения каждый раз, когда они описывают события прошлого.

Историк прибегает к использованию оценочных понятий и суждений в историческом тексте, обуславливая это стремлением убедить читателя в применяемом подходе, в трактовке исторического события с определенной стороны, применяя различные экспрессивно-оценочные средства языка. Оценка, как универсальная категория, есть в любом историческом тексте, в независимости от изложенных событий, людей и промежутка времени. «Все языковые средства оценки, используемые в научном историческом произведении, подчинены творческо-идейному замыслу историка, выдержаны в соответствии с его мировоззренческой концепцией и, следовательно, не считаются стилистически релевантными» [Миньяр-Белоручева 2010]. Таким образом, оценки, данные историком, обусловленные его взглядами, положением в обществе, культурным и временным разрывом могут и не противоречить принципу объективности. Выражение оценочного суждения может быть выражено как имплицитно, так и эксплицитно. Эксплицитная оценка чаще всего выражена при помощи эмоционально-окрашенных (как положительно, так и отрицательно) лексических единиц и атрибутивных словосочетаний. Однако не все маркированные словосочетания нужно причислять к «экспрессивным качествам речи, имеющим своим постоянным источником личные свойства и состояния говорящего или пишущего» [Миньяр-Белоручева 2010]. Многие экспрессивные качества речи являются проявлением общественной реакции и не являются субъективной частью фактов языка.

К имплицитной оценке можно отнести использование цитат. К цитатам, используемым в историческом тексте, относятся выдержки из документов, мемуаров, газет, писем, статей, научных работ и т.д. Имплицитная оценка, выраженная через цитирование имеет большее воздействие на читателя, поскольку выражает мнение третьих лиц, которое является нейтральным. Скрытая оценка может быть выражена при помощи средств, не раскрывающих отношения автора к событию, так называемые исторические аналогии.

Историк рассматривает события, происходящие параллельно в нескольких или в одной стране, или описывает историческую личность или прово-

дит анализ нескольких личностей, прибегая к методу контрастивного анализа, оценивая одного положительно, и как следствие наделяя второго отрицательной или нейтральной оценкой.

При темпоральном сравнении историк ищет аналогии описываемых событий в предшествующих событиях или эпохах, создавая у читателя универсальную оценку относительно определенного события.

Однако, историки часто прибегают к использованию смешанного сравнения, сопоставляя события или исторических личностей, живших в разное время и на разных территориях. В зависимости от сравнения и сопоставления можно определить отношение автора к тому или иному лицу и событию.

Несмотря на использование различных лингвистических методов и приемов, ключевой целью историка является воздействие на читателя, путем изложения фактов и описания событий, которые могут быть выражены субъективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 489 с.
2. Краснова Т.И. Субъективность-Модальность (материалы активной грамматики) / Т.И. Краснова. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2002. – 189 с.
3. Лубский А.В. Нарратив Исторический [Электронный ресурс] / А.В. Лубский. – URL: <http://ponjatija.ru>.
4. Миньяр-Белоручева А.П. Средства выражения оценки в научных исторических текстах / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская // Вестник Южно-Уральск. гос. ун-та. – 2010. – № 21. – С. 14-19.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II / А.А. Потебня / общ. ред., предисл. и вступ. ст. проф., д-ра филол. наук В. И. Борковского; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Учпедгиз, Просвещение, 1958-1985. – 534 с.
6. Рикер П. История и Истина / П. Рикер / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.

SUBJECTIVITY IN HISTORICAL NARRATIVE

E.Yu. Bagrova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg

This article aims to highlight the problem of the subjective impact of the author in the historical text. The issue of delineation of the objective and the subjective is a cornerstone and interdisciplinary one. The article considers the historical narrative as a multi-component structure that includes the historical text, historical reality and the historian, as an interpreter of the narrative.

Key words: *historical narrative, subjectivity, point of view, evaluation.*

Об авторе:

БАГРОВА Екатерина Юрьевна – ассистент Высшей школы иностранных языков Санкт-Петербургского Политехнического университета им. Петра Великого, *e-mail*: Bagrova.k8@gmail.com

МОДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕНАТИВНОГО ГЛАГОЛА *DARE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.В. Баклагова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию функциональных особенностей модальной семантики катенативного глагола *dare* в английском языке. Характер модальности – субъектный и субъективный – зависит от типа отношений между факторами коммуникативного акта.

Ключевые слова: катенативный глагол, полнзначный глагол, полумодальный глагол, субъектная модальность, субъективная модальность.

Предметом нашего исследования выступают функциональные особенности модальной семантики катенативного английского глагола *dare*, которые реализуются в процессе его функционирования в речи. Соответственно, цель состоит в определении специфики модальной семантики глагола *dare* путем выявления доминирующих признаков в семантической структуре глагола, актуализирующих модальный потенциал.

Грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями. Грамматическая категория модальности и модальных значений является спорной в лингвистике. Наибольшую популярность в настоящее время имеет функционально-семантический подход к описанию категории модальности, основанный на семантическом принципе выделения языковых отношений. В нашей работе мы опираемся на определение Е.И. Беляевой, которая отмечает, что грамматическая категория модальности включает в себя три типа отношений: отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности; отношение говорящего к высказыванию в плане оценки его достоверности / недостоверности и отношение между объектом действительности и его признаком (возможность, необходимость, желательность) [Беляева 1985: 19].

По синтаксической роли в предложении модальные глаголы являются служебными, поскольку они выражают не действие как таковое, а модальное отношение говорящего к действию или отношение содержания действия к действительности. Они обозначают возможность, способность, вероятность, необходимость совершения действия, выраженного смысловым глаголом. Модальные глаголы всегда сочетаются только с инфинитивом, образуя с ним сочетания, которые в предложении являются сложным модальным сказуемым.

Наряду с модальными глаголами в английском языке также существуют так называемые полумодальные или квазимодальные глаголы. Класс полумодальных глаголов в английском языке находится на функциональной периферии поля модальности. Под периферией подразумевается зона

более слабой грамматикализованности показателей категориальных признаков по сравнению с эталонными показателями, входящими в ядро соответствующей категории. С одной стороны, такие глаголы сочетают в своей семантике функциональные признаки модальных глаголов в классическом понимании. С другой стороны, им присущи свойства полнозначных глаголов.

Существование таких полумодальных глаголов зафиксировано в толковых словарях английского языка, ср.: «dare, need, ought to and used to are often called semi-modal because in some ways they are formed like modal verbs and in some ways they are like other main verbs» *dare, need, ought to и used часто называют полумодальными глаголами, поскольку они частично формируются как модальные глаголы, а в некоторых случаях как другие полнозначные глаголы* (здесь и далее перевод наш – Ю.Б.) [Cambridge <http>].

Глагол *dare* – катенативный глагол (англ. catenative), то есть переходный глагол, способный образовывать последовательность с другими глаголами. Синтаксические отношения между глагольными составляющими расцениваются в катенативных конструкциях как объектные. Катенативные конструкции могут включать несколько полнозначных глаголов, но отличительной чертой катенативных глаголов является их смысловая двухкомпонентность. К катенативным глаголам относят модальные, аспектные и каузативные глаголы.

Наша задача – определить, в каких значениях катенативный глагол *dare* обладает модальными свойствами. Итак, в толковом словаре приведены пять значений глагола *dare*. Первое значение: '[intransitive] to be brave enough to do something that is risky or that you are afraid to do, used especially in questions or negative sentences – dare (to) do something' [*переходный*] *быть достаточно смелым, чтобы сделать что-то опасное или то, чего вы боитесь, употребляется особенно часто в вопросах или отрицательных предложениях – осмелиться что-то сделать* [Longman 2009: 395].

Второе значение '(spoken) said to show that you are very angry and shocked about what someone has done or said – how dare you' (*в разговорной речи*) *говорится, чтобы показать, что вы очень сердиты или шокированы от того, что кто-то сказал или сделал – как вы смеете*.

Третье значение по своей сути является вариантом второго значения, поскольку имеет тот же смысл, но употребляется в отрицательной форме как устойчивое выражение «don't you dare!» *только посмейте* [Longman 2009: 395].

Четвертое значение '[transitive] to try to persuade someone to do something dangerous or embarrassing as a way of proving that they are brave, dare (to) do something' *попытаться убедить кого-то сделать что-то опасное или затруднительное, чтобы доказать, что он смелый; подбить кого-то на что-то*» [Longman 2009: 395].

Пятое значение '(spoken formal) used when saying something that you

think people may not accept or believe’, (в устной речи, официальное) используется, когда вы говорите о чем-то, что вы думаете, что люди могут не принять или во что не верят реализуется в конструкции «dare I say» *осмелюсь сказать* [Longman 2009: 395].

Наконец, шестое значение ‘(spoken, especially British English) used when saying or agreeing that something may be true’ (в разговорной речи, особенно в британском английском) используется, когда говорят или соглашаются с чем-то, что может быть правдой, в конструкции «I dare say» *мне кажется, я полагаю*.

Необходимо отграничить самостоятельные, полнозначные значения от неполнозначных, которые могут обладать модальным потенциалом.

Полнозначный глагол является самодостаточным средством формирования грамматической формы предложения. Неполнозначный глагол обладает иными морфологическими характеристиками. Он имеет дефектную парадигму и ограниченную способность сочетаться только с инфинитивом. Кроме того, для неполнозначных глаголов характерны отвлеченность, абстрактность лексического значения по сравнению со знаменательным глаголом.

Глагол *dare* может употребляться без инфинитива только во втором и третьем значениях. Соответственно, глагол *dare* в этих случаях является полнозначным глаголом.

Рассмотрим остальные значения. Четвертое значение не может быть модальным, поскольку в данном значении глагол *dare* имеет не отвлеченную семантику, а выражает целенаправленное воздействие на объект с целью добиться от объекта определенного результата. Центральным компонентом каузативной ситуации является причинно-следственная связь, поэтому данное значение является каузативным.

Таким образом, три значения глагола *dare* – первое, пятое и шестое – могут быть модальными. Рассмотрим их более подробно.

Первое значение глагола *dare* реализуется в конструкции «dare (to) do something» *осмелиться что-то сделать*. Употребление глагола с инфинитивом полностью отвечает главным критериям модального глагола. Однако, возможность употребления данной конструкции как с частицей *to*, так и без нее, не позволяет нам однозначно говорить о модальном значении здесь.

Конструкция «dare to do something» *осмелиться что-то сделать*, скорее, близка к составному глагольному сказуемому с глаголами типа *decide, start, intend* и др. Ср.:

«He wanted to ask her, but he didn't dare to do it»

Он хотел спросить ее, но не осмелился сделать это.

Употребление глагола *dare* с инфинитивом с частицей *to* подразумевает возможность использования глагола *dare* во всех временных формах, подобно обычным полнозначным глаголам, в том числе с вспомогательными

глаголами для образования различных грамматических форм, ср:

«Will you dare to quit your job and move to the countryside?»

Ты осмелишься бросить работу и переехать в сельскую местность?

Следовательно, значение глагола в конструкции «dare to do something» не является модальным.

Для конструкции «dare do something», которая имеет такое же значение *осмелиться что-то сделать*, характерны другие функциональные признаки. Глагол *dare* образует составное глагольное сказуемое с простым инфинитивом. Некоторые словари указывают, что именно это употребление глагола *dare* является модальным: «*dare can also be used as a modal verb, followed by the base form (= infinitive without 'to'), especially in negatives and questions*» *глагол dare также может использоваться в качестве модального глагола, вместе с последующей исходной формой глагола (инфинитив без 'to'), особенно в отрицаниях и вопросах* [Longman 2009: 395]. Как и подавляющее большинство модальных глаголов, таких как *can, must* и др., глагол *dare* в данной конструкции не добавляет окончание *-s* в 3-м лице ед. числа и образует отрицательную форму с помощью частицы *not*, без участия вспомогательного глагола, ср.:

«Dare you tell him the news?»

Ты осмелишься рассказать ему новость?

Таким образом, в первом значения модальная семантика реализуется в конструкции «dare do something», но не в конструкции «dare to do something». Кроме того, глагол в конструкции «dare do something» в восклицательных предложениях часто имеет эмоциональную окраску и выражает упрек, угрозу, возмущение или неодобрение, ср.:

«How dare you suggest such a thing!»

Как только ты смеешь предлагать такое!

Характер модальности в первом значении – субъектный, поскольку модальные отношения здесь выражают отношения между действием и его субъектом. Предикативные отношения характеризуются в этом типе как возможные, необходимые и действительные. В рамках субъектной модальности реализуются значения возможности, необходимости, желательности, привычности действия, а также качественные и эмоциональные оценки действия.

В пятом и шестом значениях «dare I say» и «I dare say» модальность не может быть поставлена под сомнение с той лишь точки зрения, что глагол образует составное глагольное сказуемое с простым инфинитивом без частицы *to*, что характерно исключительно для модальных глаголов. Отличительная особенность данного употребления – ограничение сочетаемости, поскольку конструкция употребляется только с глаголом *say*.

Характер модальности в этих двух значениях – разный. В шестом значении глагол *dare* обозначает субъектную модальность, отражающую отношение субъекта к предикативному признаку. В выражении «I dare say»

мне кажется, я полагаю обозначаемое действие рассматривается как потенциальное, что позволяет отнести субъектную модальность в этом употреблении к сфере потенциальности.

В отличие от субъектной модальности субъективная модальность служит воплощению оценки степени достоверности передаваемой информации со стороны говорящего и выступает лишь как формально-грамматическое значение. Субъективная модальность реализуется через модальные частицы, междометия, интонационные средства, порядок слов. Средством выражения субъективной модальности в шестом значении служит порядок слов. Семантика конструкции «*dare I say*» *осмелюсь сказать* – многоплановая. Кроме оттенка риторического вопроса (отсюда и нарушение порядка слов) и уточняющего характера с формальной точки зрения, в этой фразе скрываются осторожность говорящего и его сомнения относительно реакции на его слова того, к кому обращена фраза. Некоторые ученые отмечают также, что маркер «*dare I say*» может употребляться в ироничном контексте [Шилихина 2015: 78].

Подведем итог нашего анализа. Статус глагола *dare* как полумодального глагола абсолютно оправдан. В трех значениях из шести глагол *dare* имеет дефектную парадигму и ограниченную способность сочетаться исключительно с инфинитивом, а следовательно, только в этих трех значениях глагол является модальным. Характер модальности варьируется в зависимости от типа отношений между факторами коммуникативного акта. В субъектной модальности (конструкции «*dare do something*» и «*I dare say*») доминирует отношение субъекта к предикативному признаку. Субъективная модальность – это средство манифестации отношения говорящего к действительности и оценки достоверности передаваемой информации (конструкция «*dare I say*»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 179 с.
2. Шилихина К.М. Каких слов мы не боимся? Метакоммуникативные комментарии «не побоюсь этого слова» и «*dare I say it*» // К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 75-79.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

3. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: [https:// dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dare](https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dare).
4. Longman Dictionary of Contemporary English / Longman. – Edinburgh: Pearson Education, 2009. – 950 p.

MODAL POTENTIAL OF THE CATENATIVE VERB *DARE* IN THE ENGLISH LANGUAGE.

The article deals with the functional features of the modal semantics of the catenative verb *dare* in English. The nature of the modality – subject or subjective – depends on the type of the relationships between factors of the communicative act.

Key words: *catenative verb, full verb, semi-modal verb, subject modality, subjective modality.*

Об авторе:

БАКЛАГОВА Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета, *e-mail*: liliann@mail.ru.

УДК 81.111, 81'37

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБСТРАТА АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *THING*

В.А. Генералов

Челябинский государственный университет, Челябинск

В данной работе исследуются структурные особенности значений английской лексемы *thing*, обладающей широкой семантикой. Автором предпринимается попытка проведения семантического анализа посредством введения новых концептов – «СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ» и «ВЕКТОРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ». Данная работа является предварительной и не претендует на полноту и законченность обзора.

Ключевые слова: значение, контрарный, семантический субстрат, монистический, дуалистический, вектор значения.

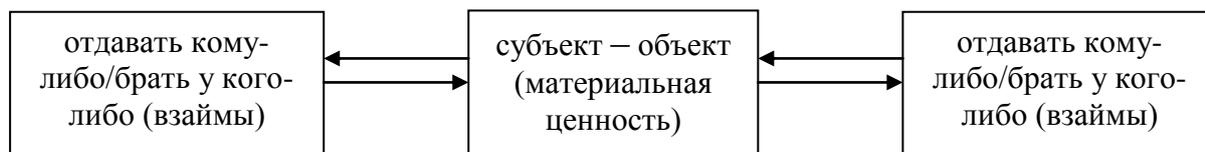
Введение

Анализ семантической структуры многозначных английских лексем вызывает некоторые вопросы относительно их иерархии. Приведем, к примеру, в сокращенном виде, словарную статью английской лексемы *barrel*, представленную в Большом англо-русском словаре в двух томах под редакцией профессора И. Р. Гальперина: **1.** 1) бочка; бочонок; 2) спиртное, хмельное; 3) разг. куча, уйма; **2.** баррель (мера жидких, сыпучих и некоторых твердых материалов...); **3.** воен. ствол; **4.** трубка (в авторучке); полость (в карандаше); **5.** техн. 1) цилиндр; барабан; 2) втулка; гильза; 3) бобина; катушка; 4) тубус (микроскопа); **6.** стр. свод туннеля; **7.** анат. барабанная полость уха; **8.** амер. "кубышка" (средства на ведение политической кампании) [Большой англо-русский словарь 1972]. При анализе значений данной лексемы обращают на себя внимание две особенности: 1) *разномасштабность* обозначаемых объектов: 1) **бочка; свод (туннеля); цилиндр; барабан; versus бочонок; ствол (ружья); бобина; катушка; втулка; гильза; трубка (в авторучке); полость (в карандаше); тубус (микроскопа);** 2) *разное геометрическое строение* обозначаемых объектов: закрытая цилиндрическая полость *versus* открытая цилиндрическая полость. В принципе такие значения должны либо выражаться разными словами (сф.: **бочка** и **бочонок** в русском языке), либо образовывать группу омонимов. Но, данная словарная дефиниция не демонстрирует ни того, ни другого. Иными словами, выдерживается тождество лексемы *barrel* как слова.

Понятие семантического субстрата и векторного значения

Согласно нашей гипотезе, в процессе эволюции семантики данной лексемы произошло расширение ее монистического (однопонятийного) семантического субстрата и превращение последнего в плюралистический (многопонятийный). Лексема *barrel* стала *многовекторной* и многозначной. В одних случаях мы объясняем это метафоризацией, а в других – метонимизацией. Почему мы предлагаем термин «вектор»? Дело в том, что в отдельных инстанциях одно из значений лексем с расширительной семантикой напоминает собой физический «вектор». Если взять к примеру русскую глагольную лексему *одалживать* (1. занимать *кому-либо* что-либо; 2) *простореч.* занимать *у кого-либо* что-либо, соответственно **to lend smth to smb** и **to borrow smth from smb**) в английском языке, то можно отметить, что ее обще-семантическое («субстратное») значение (ОСЗ) обозначает в первую очередь 'отчуждение материальной ценности в свою или чужую пользу', а во вторую – 'временную *передачу* материальной ценности *от лица к лицу*' (векторы действия *одалживать*). Векторные значения в семантической структуре лексемы *одалживать* являются противоположными (контрарными, или энантиосемическими). Ниже представлена примерная схема семантической структуры лексемы *одалживать*:

Схема 1. ОСЗ лексемы *одалживать* ('отчуждать материальную ценность')

Векторные значения 'одалживать у кого-либо' и 'одалживать кому-либо' выражаются двумя лексемами в современном английском языке - соответственно *to borrow* и *to lend*, которые в отличие от русской лексемы *одалживать* являются *одновекторными*. Совместно они образуют «*виртуальный*» векторный семантический субстрат, суть которого состоит в том, что отдельные векторные значения выражаются не одной, а несколькими лексемами.

Здесь мы считаем уместным привести некоторые выдержки из работы профессора Е. В. Шелестюк «Диахронический аспект энантиосемии», в которой она рассматривает, в частности, этимологию английской лексемы *dust*: «18. Dust - О.Е. dust, from P.Gmc. *dunstaz, from PIE *dheu- with a sense of 'smoke, vapor' (cf. Skt. dhu- 'shake,' L. fumus 'smoke'). The verb means both 'to sprinkle with dust' (1590s) and 'to rid of dust' (1560s). Данное слово изначально сочетало энантиосемичные значения: 'вытирать пыль' и 'пылить', то есть наблюдался синкретизм основы. Полисемия прототипического типа» [Шелестюк 2011: 119-130]. «<...> Если говорить об энантиосемии в диахроническом аспекте, то следует выделить лингвистические, психо-, социолингвистические, лингвокультурные и исторические

причины ее появления. Обобщенно, диахронически энантиосемия выражается: 1) в изначальном – реальном или потенциальном – сосуществовании двух противоположных значений в семантической структуре слова (лексемы), то есть в их синкретизме; 2) в изменении в ходе исторического развития значения лексемы до противоположного» [там же].

Опираясь на предлагаемый нами концепт «ВЕКТОРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ», мы приходим к собственному заключению о том, что изначально английская пралексема *to dust* могла быть и одновекторной, то есть монистической, в значении 'запылять', а затем, в процессе своего семантического развития в ходе изменения хозяйственной практики социума могло приобрести и другое, контрарное, значение 'удалять пыль' (несмотря на тот факт, что в вышеприведенном историческом экскурсе первым отмечено появление значения 'удалять пыль'). ОСЗ ее монистического семантического субстрата в этом случае расширился (→ 'перемещать пыль') и стал плюралистическим, двухвекторным: 'запылять объект' *versus* 'удалять пыль с объекта'. Также, оба значения могли возникнуть совместно на синкретической основе, как указывает Е. В. Шелестюк. Иными словами, для нас неясно, была ли лексема *to dust* одновекторной или нескольковекторной в своем первоначальном генезисе.

В продолжении данной темы рассмотрим субстратное значение английской лексемы *barrel* – 'объект цилиндрической формы'. Ее семантическая структура распадается на четыре вектора, или векторных значения (1. цилиндрический объект большого масштаба для хранения жидкостей и пр.; 2. цилиндрический объект небольшого масштаба для хранения жидкостей и пр.; 3. цилиндрический сквозной объект большого масштаба; 4. цилиндрический сквозной объект небольшого масштаба), а затем уже обозначает контекстно-эксплицируемые семантические значения в пределах векторных: *свод (туннеля); бочка; цилиндр; барабан; бочонок; ствол (ружья); тубус (микроскопа); трубка; полость; бобина; катушка; втулка; гильза* – ОСЗ 'цилиндрический объект'.

Аналогично, векторность значений также демонстрируют такие английские лексемы как *town* (сканд. *tǫn* – *изгородь, забор* → метонимия → → *ферма; хутор; группа домов; деревня* → [изменение функциональности и масштабности] *местечко; поселок; город и т. д.* – ОСЗ 'поселение'); *cup* (лат. *cup(p)a* – *лохань, корыто* → [изменение функциональности и масштабности] → *чашка, стопка, манжета; втулка; кубок; чаша; церк. потир; купол; ковш экскаватора и т. д.* – ОСЗ 'цилиндрическая емкость'); *lane* – *тропинка, дорожка между изгородями, проход, переулок, проулок, узкая аллея, узкая полоса течения, межа, дорожка (в бассейне), дорожка (транспортера), проход в минном поле (воен.), проход между рядами домов, полоса деревьев, дорожка магнитной записи* → [изменение масштабности и функциональности] → *улица, узкая дорога, проезд, проездной путь, проезд на заводе, майна/прогалина/разводье между льдинами, канал,*

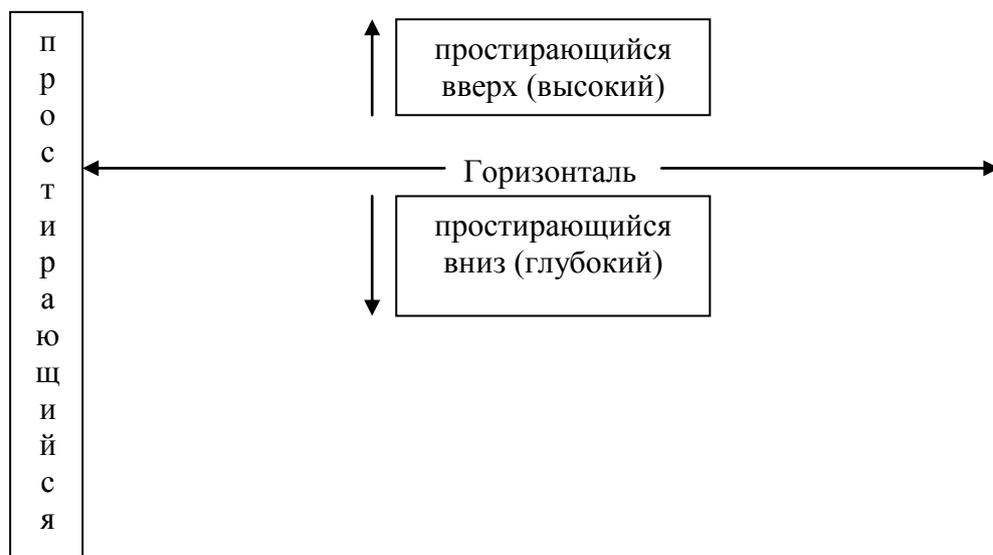
дорога с односторонним движением, полоса/ряд движения, морской путь, воздушная трасса, маршрут – ОСЗ ‘маршрут с латеральными (боковыми) ограничителями’.

Интересно отметить, что и в других индоевропейских языках в древности существовали так называемые синкретические лексемы (термин «синкретизм» происходит от *лат. syncretismus, греч. συνκρητισμός* (‘федерация критских городов’): нерасчленённость различных видов чего-либо, первоначальная слитность в каком-нибудь явлении, свойственная ранним стадиям развития [Википедия <http>], семантика которых не была дифференцирована и соотносилась одновременно с несколькими понятиями, в частности контрарными (энантисемическими), например, латинское прилагательное *altus* обозначает ‘высокий’ и ‘глубокий’. Лингвисты, исследовавшие подобные лексемы, объясняли это особенностями мышления, то есть ментальной перцепцией древних языковых субъектов. Однако, мы выдвигаем гипотезу о том, что данная лексема могла быть прототипически двухвекторной, но при этом ее семантический субстрат был *монистическим*. Считается, что она происходит от праиндоевропейского корня **al-* (расти, расстилать, простираться), поэтому, семантический субстрат пралексемы *altus* возник на основе метафоризации, вследствие которой произошло его расширение → ОСЗ ‘простирающийся’, и образовались два контрарных вектора: простирающийся *ввысь*, то есть высокий, и простирающийся *вглубь*, то есть глубокий. Однако также можно предположить, что в Древнем Риме строители пользовались для измерения высоты и глубины одним и тем же доступным инструментом – бечевкой с узлами или нанесенными на ней рисками, то есть такие понятия как «высота» и «глубина» могли быть в их ментальной перцепции единым монистическим целым. Такой способ измерения может косвенно указывать на синкретичность данной лексемы при одновременной векторности ее семантического субстрата.

Ниже представлена Схема 2, иллюстрирующая векторность семантического субстрата латинской лексемы *altus*.

Однако, семантический статус данной лексемы остается неясным: был ли ее семантический субстрат изначально монистическим (одновекторным) или плюралистическим (двухвекторным)? Также, можно допустить, что векторность семантического субстрата лексем и пралексем непосредственно не связана с иерархией и сеткой понятий, отражающейся в их семантике.

Поддерживая пропозиции таких выдающихся лингвистов как К. Абель, В. Шерцль, Э. Бенвенист и др., описавших древние синкретические пралексемы в индоевропейских языках, следует с осторожностью подходить к исследованию явлений семантического синкретизма, избегая и поверхностных подходов, и игнорирования факта влияния современных фоновых знаний (*background knowledge*) на исследовательские позиции в отношении иерархии и сетки понятий у древних языковых субъектов.

ОСЗ латинской синкретической лексемы *altus* ('простирающийся')

Семантические значения таких английских лексем как *barrel*, *town*, *cup*, *lane* и т. д. являются сложно-структурированными и представляют собой в первую очередь *референциальные векторы*, формирующиеся в результате расширения семантического субстрата данных лексем. Например, лексема *town* обозначает: 'поселение' как референциальный вектор и 'поселение небольшого или большого масштаба' как внутривекторные значения (деревня, ферма, поселок, город). Как мы считаем, она не обозначает понятия 'деревня' или 'город' непосредственно, а через свои векторные значения и в их рамках. Если выразиться предельно ясно и точно, то цель данной работы состоит в дифференциации общепринятого концепта «СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА» и введение новых концептов «СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ» и «ВЕКТОРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ». Таким образом, согласно предлагаемой нами концепции, семантические значения лексем сначала подразделяются на векторные значения, которые включают – в свою очередь – контекстные значения. Для экспликации векторных значений служат семантизаторы, а для экспликации внутривекторных значений – контекстные экспликатеры.

Расширение семантического субстрата может наблюдаться и у русских лексем, таких, например, как *стадо* и *табун*: стадо овец или коров → стадо гусей и уток; табун лошадей или оленей → табун гусей и уток [Русско-английский словарь 1965]. В этих примерах семантический субстрат русских лексем *табун* и *стадо* расширенный (группа домашних особей различной масштабности): лошади/олени *versus* гуси/утки и т. п. То есть наблюдается изменение семантического субстрата лексем *стадо* и *табун* [расширение семантического субстрата за счет изменения функциональности на основе метафоризации и появление векторности: ОСЗ 'группа домашних особей']. Этимологически лексема *стадо* восходит, как полагают,

к славянской лексеме *стойло*, содержащей праславянский корень **ста-* стоять, стать (cf.: лат. *stabulum* – конюшня, хлев), а лексема *табун* – к татарской лексеме *табун* в значении ‘стадо, толпа’.

Анализ семантической структуры лексемы thing

Потенциально векторным субстратом также обладают лексемы, возникшие в результате метонимии, например английская лексема *thing* ← праиндоевр. время (готск. *theihs* ‘время’) → прагерманск. **thengan* ‘назначенное время’ → сканд., др.-германск. время, отводимое для обсуждения → сканд. *ting*, исл., ст.-норвеж. *-ing* → тинг (законодательное собрание и суд).

Ниже приводится выдержка из английского этимологического онлайн-словаря [Online Etymology Dictionary]:

"Old English *-ing* "meeting, assembly, council, discussion", later "entity, being, matter" (subject of deliberation in an assembly), also "act, deed, event, material object, body, being, creature," from Proto-Germanic **thinga-* "assembly" (source of Old Frisian *thing* "assembly, council, suit, matter, thing", Middle Dutch *dinc* "court-day, suit, plea, concern, affair, thing", Dutch *ding* "thing", Old High German *ding* "public assembly for judgement and business, lawsuit", German *Ding* "affair, matter, thing", Old Norse *-ing* "public assembly". The Germanic word is perhaps literally "appointed time", from PIE **tenk-* (1), from root **ten-* "stretch", perhaps on notion of "stretch of time for a meeting or assembly" [Online Etymology Dictionary http].

Рис. 1. Изображение древнескандинавского тинга

Далее представлена лексикографическая статья лексемы *thing* из толкового словаря английского языка:

1 a material or non-material entity, idea, action, etc., that is or may be thought about or perceived. 2 an inanimate material object (take that thing away). 3 an unspecified object or item (have a few things to buy). 4 an act, idea, or utterance (a silly thing to do). 5 an event (an unfortunate thing to happen). 6 a quality (patience is a useful thing). 7 (with ref. to a person) expressing pity, contempt, or affection (poor thing!; a dear old thing). 8 a specimen or type of something (the latest thing in hats). 9 colloq. one's special interest or concern (not my thing at all). 10 colloq. something remarkable (now there's a thing!). 11 (prec. by the) colloq. a what is conventionally

proper or fashionable. b what is needed or required (your suggestion was just the thing). c what is to be considered (the thing is, shall we go or not?). d what is important (the thing about them is their reliability). 12 (in pl.) personal belongings or clothing (where have I left my things?). 13 (in pl.) equipment (painting things). 14 (in pl.) affairs in general (not in the nature of things). 15 (in pl.) circumstances or conditions (things look good). 16 (in pl. with a following adjective) all that is so describable (all things Greek). 17 (in pl.) Law property. Phrases and idioms do one's own thing colloq. pursue one's own interests or inclinations. do things to colloq. affect remarkably. have a thing about colloq. be obsessed or prejudiced about. make a thing of colloq. 1 regard as essential. 2 cause a fuss about. one (or just one) of those things colloq. something unavoidable or to be accepted. Etymology: OE f. Gmc [Толковый словарь английского языка Oxford English http].

Очевидно, что приведенные значения английской лексемы *thing* не укладываются в схему семантической структуры, характерной для лексемы, обозначающей одно понятие. Также, эти значения не образуют омонимов, иначе это нашло бы свое отражение в лексикографических источниках, например в толковых словарях английского языка. Кроме того, подобный разнобой значений «противоречит» понятию «тождество слова». Если же мы имеем дело с расширенной семантической структурой данной лексемы, то ее семантические значения не являются непосредственно-контекстными как таковые, поскольку они *не восходят* к контекстным значениям концептуально монистической лексемы, то есть лексемы, обозначающей одно отдельное понятие. Если же указанные семантические значения выражаются одной лексемой *thing*, то почему они обозначают совершенно разные понятия? Как объяснить происхождение и существование таких значений в рамках семантической структуры одной лексемы? Мы предлагаем методологическое решение данной проблемы в виде использования концептов «СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ» и «ВЕКТОРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ». Во избежание терминологического разнобоя, предпочтительнее называть векторные значения как векторные референции. Векторные референции эксплицируются в процессе семантизации, а семантические значения – при контекстуализации. Соответственно, лексемы, семантика которых основана на векторных референциях, мы называем векторными (их традиционное определение: слова с широкой семантикой).

По-видимому, в результате метонимического сдвига и расширения семантического субстрата прагерманская лексема **thengan* (назначенное время) стала обозначать 'тинг' (скандинавское законодательное собрание и суд), что привело к появлению новых значений у этой основы: → **thing** ('собрание старейшин, заседание тинга') → **судебное собрание старейшин** → **судебная тяжба** → **предмет судебной тяжбы**. В последствие монистический субстрат 'предмет судебной тяжбы' разделился на векторные значения → 1) **вопрос/аспект тяжбы** → *нечто обсуждаемое или оцениваемое, событие, факт, случай*; 2) **фабула тяжбы** → *высказывание, изложение, рассказ, история*; 3) **оспариваемые объекты тяжбы** → *вещи*,

предметы, имущество, скарб; 4) истец/ответчик по суду → создание, существо, тварь; 5) предмет тяжбы как объект оценки/вердикта → художественное, музыкальное или литературное произведение. Таким образом ОСЗ лексемы **thing** может обозначать ‘нечто причинное и вызывающее интерес или озабоченность’.

Коннотативность обще-семантического субстрата лексемы *thing*

При анализе вышеуказанных семантических блоков обращает на себя внимание присутствие нескольких коннотативных сем, которые имплицитно содержатся в их составе. В семантике лексемы **thing** можно выделить следующие коннотации: 1) коннотация неоднозначности и неопределенности; 2) коннотация иронии или снисходительности, симпатии или презрения; 3) коннотация интереса или оценки. Вероятней всего этот факт можно объяснить этимологией данной лексемы – ее современная семантическая структура возникла на основе тех обстоятельств, которые сопровождали процесс судебного разбирательства тяжб во время проведения скандинавского тинга в древнюю эпоху: 1) понятийная неопределенность предмета судебной тяжбы (→ нечто, некая субстанция, элемент. нечто существующее в воображении, отдельная сущность, предмет мышления, объект, вещь, материал, аспект или сторона, фактор, нечто самое важное, особенность, деталь, склонность, способность, хобби, предмет интереса, отличительная черта, нечто самое настоящее или подходящее, "пунктик" или фобия); 2) ироническое или снисходительное отношение власть предержащих к лицам-объектам судебной тяжбы (→ создание, существо, тварь, бедняжка;); 3) снисходительность старейшин по отношению к предмету судебной тяжбы (→ интрижка, любовная история, приключение и т. п.); 4) статусная неоднозначность и неопределенность действий истцов и ответчиков, их поступков или высказываний (→ обстоятельство, ситуация, дело, дела (*things*), высказывание, рассказ, нечто сказанное); 5) неопределенность судебного вердикта или оценки в отношении предмета судебной тяжбы (→ произведение искусства, музыки и литературы) – ОСЗ ‘нечто причинное’.

Безусловно, семантические процессы являются сложными и неоднозначными, поэтому некоторые значения лексемы **thing**, а также ее коннотации могли возникнуть и на основе семантического развертывания ее ОСЗ, а не в силу эволюции прототипического метонимического значения ‘судебная тяжба, обсуждаемая на заседании тинга’. Тем не менее, сама референция данной лексемы охватывает как раз ту группу объектов, которые понятийно относятся к предметному полю ‘судебная тяжба’.

Примерная семантическая структура значений лексемы *thing*

На основании анализа словарных дефиниций в ряде толковых и переводных словарей английского языка нами установлено, что лексема **thing** обнаруживает при семантическом анализе пять групп гетерогенных значений: 1) **thing**¹ – ‘нечто обобщенное, материальная сущность, явление, со-

бытие, факт, случай элемент, объект, предмет' и т. д.; 2) *thing*² (во мн. числе) 'утварь, обстановка, багаж, имущество'; 3) *thing*³ – 'создание, существо, тварь, бедняжка' и т. д.); 4) *thing*⁴ – 'некий сюжет, интрижка, приключение, обстоятельство/ситуация' (*things*), 'дело, дела' (*things*), 'высказывание, рассказ, нечто сказанное, произведение искусства' и т. д.; 5) *thing*⁵ – 'обобщающее, дейктическое или "местоименное" значение': *My partner is not reliable. This is the thing that upsets me most of all.*

Различные лексикографические источники в своих дефинициях приводят в подробности эти значения [см. пункты 4, 6-9 в списке литературы]. Ниже мы предлагаем собственную схему группирования (*grouping*) основных значений лексемы *thing* в авторской интерпретации, согласно отдельным смысловым блокам, или субстратным векторным и контекстным значениям: **I.** 'нечто, некая субстанция; элемент; сущность; объект; вещь; вещество; материал; аспект или сторона; фактор; нечто самое важное; нечто самое нужное; особенность; деталь; склонность; способность; хобби; предмет влечения, предпочтения или интереса; значение; изменение; отличительная черта; нечто самое настоящее; нечто самое подходящее; какой-либо «пунктик» или фобия у человека; некий ментальный конструкт/схема (← *объект рассмотрения в ходе тяжбы*)'; **II.** (во множественном числе) 'дорожные или переносимые вещи, утварь; предметы обихода; обстановка (расстановка предметов мебели); одежда; багаж (*things*); личные принадлежности (*things*), имущество' (*things*) (← *предметы собственности как объект тяжбы*); **III.** 'создание; существо, тварь (живое существо); бедняжка' (← *лицо, являющееся объектом тяжбы*); **IV.** 'явление; рассказ; анекдот; афоризм; дело, дела (*things*), факт, случай, обстоятельство; произведение искусства; высказывание, история; положение дел, ситуация (*things*); речь; интрижка; любовная история; приключение' (← *фабула/сюжет/вердикт тяжбы*); **V.** обобщающее, дейктическое (указывающее) или "местоименное" значение (← *то, что обсуждается в ходе тяжбы*): *A refrigerator, a washing-machine, a TV set, etc. are indispensable domestic appliances. These are things people cannot do without in their households.*

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. В семантической структуре английской лексемы *thing* можно выделить смысловые блоки, которые исторически развились в результате метонимии и которые образуют векторные значения, или референции;

2. В пределах векторных значений лексемы *thing* группируются ее многочисленные контекстно-эксплицируемые значения;

3. Некоторые значения лексемы *thing* характеризуются коннотациями, восходящими к ее прототипическому обще-семантическому субстрату 'судебная тяжба'.

4. Применение предлагаемого в данной работе «векторного» подхода может быть полезным в исследовании семантической структуры лексем с широкой семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синкретизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://wiki-org.ru/wiki/>
2. Шелестюк Е.В. Диахронический аспект энантиосемии / Е.В. Шелестюк // Слово в пространстве языка: материалы Международн. научно-практ. заочн. конф. – Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2011. – С. 119-130.
3. Thing // Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/thing>.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

4. Большой англо-русский словарь. В 2-х т. / Под общим рук. И. Р. Гальперина. – М.: «Советская энциклопедия», 1972. – 1685 стр.
5. Русско-английский словарь / Сост. А.М. Таубе, А.В. Литвинова, А.Д. Миллер, Р.К. Даглиш. Под редакцией Р. К. Даглиша. – М.: «Советская Энциклопедия» 1965. – 1052 стр.
6. Толковый словарь английского языка Oxford English [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-английского-языка/thing>.
7. Chambers English Dictionary. – Allied Publishers Limited, Reprint. – New Delhi, 1991. – 1792 pp.
8. Collins Cobuild English Language Dictionary. – Indian Reprint, Swapna Printing Works Pvt Ltd, Calcutta, 1991. – 1703 pp.
9. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/thing>.

**ANALYSIS OF THE SEMANTIC SUBSTRATE
OF THE ENGLISH LEXEME *THING***

V.A. Generalov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The present paper studies some structural features of meanings of the English lexeme *thing* which possesses broad semantics. The author makes an attempt to carry out a semantic analysis by introducing new concepts - 'semantic substrate' and 'vectorial meaning'. This work is tentative and does not qualify for a thorough and exhaustive review.

Key words: *meaning, contrary, semantic substrate, monistic, dualistic, vectorial meaning.*

Об авторе:

ГЕНЕРАЛОВ Владимир Александрович – внештатный переводчик научно-исследовательского сектора Челябинского государственного университета, соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, *e-mail*: gen-vladimir@list.ru.

**СПЕЦИФИКА ОНОМАСТИКОНА
В РОМАНЕ Ф.ГЭН «KIFFE KIFFE DEMAIN»**

(на примере женской номинации)

В.В. Горбунова

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург

Статья посвящена изучению специфики именованных персонажей в романе Ф. Гэн «Kiffe kiffe demain». Выявляется семантика онимов в тексте, устанавливается соответствие между означаемым (именем персонажа) и различными его означающими (семантическими элементами имени).

Ключевые слова: лингвистика текста, ономастика, понимание и интерпретация текста, номинация персонажей.

В современном языкознании особое внимание уделяется проблемам лингвистики текста, а так же знаменательности онимов для его понимания и интерпретации. Работы многих лингвистов посвящены исследованию литературной ономастики.

Н.В. Меркулова отмечает, что изучение ономастикона ориентирует на наиболее глубокое проникновение в идейно-художественный замысел писателя и способствует целостному пониманию произведения [Меркулова 2005: 7].

Статья посвящена анализу специфики именованных персонажей в романе молодого французского автора Ф.Гэн «Kiffe kiffe demain». Цель исследования – выявить семантику онимов в тексте, установить соответствие между означаемым (именем персонажа) и различными его означающими (семантическими элементами, заложенными в этом имени). Данный анализ позволит понять намерение автора, который дает то или иное имя персонажу, а также выделить различные значения этих имен.

По словам Р. Бартеса, номинация персонажей – это искусство предугадать по имени внутренние качества и сущность героя, заложенные и предполагаемые автором. Выбор имени – это осознанное действие писателя, соответствующее его художественным намерениям. Внимательный читатель должен изучать имена героев, перевоплощаясь в «детектива – ономаста» [Barthes 2002: 43].

В своем исследовании, посвященном рассмотрению имен собственных в произведениях М. Пруста, Р. Бартес отмечает, что имя собственное представляет собой некоторый знак, который следует изучить и расшифровать. Оно наполнено многозначным смыслом, и в каком бы контексте не использовалось, оно не потеряет своего значения, не станет более плоским, в отличие от имени нарицательного, которое в зависимости от контекста проявляет только одно из своих значений [Barthes 2002: 61].

Н. Бухадид подчеркивает, что вопрос номинации персонажей в романе «Kiffe kiffe demain» заслуживает детального изучения. Большинство имен собственных в произведении имеют коннотацию, обусловленную их арабскими корнями или тем фактом, что автор является иммигрантом [Bouhadid 2008: 41]. Таким образом, каждое имя собственное представляет собой источник нескольких значений.

Предметом данного исследования являются онимы романа «Kiffe kiffe demain», а также особенности их функционирования. Уточним, что анализу подверглись два женских имени Doria и Mme Burlaud, которые, на наш взгляд, являются наиболее значимыми и показательными.

Рассмотрим имя рассказчицы и главной героини романа Doria (Дория). Выбор имени обусловлен его коннотацией. «Doria» – слово арабского происхождения, имеющее несколько значений. Во-первых, douriya переводится как ‘потомство’. Выбор этого слова очень значим для понимания сути романа, так как именно желание иметь наследника, сына стало причиной того, что отец главной героини уехал, бросив дочь. Отсутствие отца накладывает печальный отпечаток на жизнь девушки на протяжении всего повествования, становится ее навязчивой идеей и одной из основных тем романа:

«Je crois que je suis comme ça depuis que mon père est parti. Papa, il voulait un fils. Pour sa fierté, son nom, l'honneur de la famille...» (Я думаю, что я стала такой именно после отъезда отца. Папа хотел сына. Хотел им гордиться, хотел, чтобы он продолжил его род.) (Guène 2004: 10).

И далее:

«J'y pense à la mort des fois. Ça m'arrive d'en rêver. Une nuit j'assistais à mon enterrement (...) mon père, il était pas là. Il devait s'occuper de sa paysanne enceinte de son futur Момо...») (Я часто думаю о смерти. Представляю ее себе. Однажды ночью я видела свои похороны, и моего отца там не было. Должно быть, он был занят своей крестьянкой, вынашивающей его сына Момо.) (Guène 2004: 23).

И еще:

«Mais si j'étais un garçon, ce serait peut-être différent... Ce serait même sûrement différent. Ouais tout se serait bien passé si j'étais un mec» (Но если бы я была мальчиком, все бы наверное было бы по-другому. Все точно было бы по-другому. Да, все бы было хорошо, если бы я была мальчиком.) (Guène 2004: 174).

Дория обижена на свою женскую судьбу и осознавая то, что отец бросил ее несправедливо, она становится все пессимистичнее и без конца оплакивает свою жизнь, но в юмористическом ключе с привкусом горечи:

«L'avenir ça nous inquiète mais ça devrait pas, parce que si ça se trouve, on en a même pas.» (Нас беспокоит наше будущее, но так быть не должно, иначе можно сказать, что будущего вообще нет.) (Guène 2004: 22).

Героиня страдает не только из-за предательства отца, но и от сложного материального положения семьи, которое вынуждает ее работать няней. Таким образом, тема отчаяния, вызванная социальными и психологиче-

скими причинами, является центральной в романе. Однако это чувство героиня переживает в довольно забавной манере, можно сказать с насмешкой. Автор так объясняет выбор позиции:

«Нельзя претворяться, отрицать реальность. Я хотела бы рассказывать о трудной жизни при этом, не впадая в унынье. В моей книге есть некий дуализм: тяжелые реалии жизни и поиск позитива» (Guène [http](http://)).

Благодаря здоровой доле юмора, роману присуща легкость без налета трагизма, что делает его приятным для чтения.

Во-вторых, «Dogia» – арабское название очень редкого дерева. В арабской культуре оно является символом сопротивления и упорства. Имя «Dogia» носила первая королева в истории ислама, которая запомнилась потомкам благодаря своей смелости и бесстрашию. Дория, как и легендарная арабская королева, проявляет стойкость в сложных жизненных испытаниях, особенно для подростка. Она нашла свой способ приспособиться к реальности – с юмором относиться ко всему, что происходит в ее жизни.

Можно заключить, что имя Dogia имеет несколько коннотаций. Оно отражает внутреннее психологическое состояние героини, которая бунтует против глупых причин отъезда отца (желание иметь наследника, которое является источником всех ее бед). Она проявляет себя очень смелой девочкой, которая преодолевает трудности и поддерживает мать. Дория понимает, что главное – сохранять надежду:

«C'est peut être ça la solution: garder toujours un petit espoir et ne plus avoir peur de perdre.» (А может быть это и есть решение: всегда сохранять надежду и больше не бояться ее потерять.) (Guène 2004: 132).

Кроме того, что Дория является центральным персонажем романа, она открывает читателю целый мир (персонажи и события), через призму субъективных ощущений и восприятий незаурядного подростка. Отношения Дории с другими действующими лицами представлены дистантно и аналитично. Одни описываются в уничижительной и крайне ироничной манере, другие так, чтобы вызвать симпатию читателя. Таким образом, персонажи романа открываются читателю через призму психики Дории. Ее жизнь далека от идеальной, но даже когда ей очень грустно, она смеется.

Рассмотрим и проанализируем еще одно значимое женское имя романа – Mme Burlau. Мадам Бюро является психологом главной героини. Это имя имеет уничижительную коннотацию, окрашенную значительной долей иронии. Слово «Burlaud» можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, это существительное – аллюзия на прилагательное burlesque ('бурлескный, шуточный'), которое обозначает характер чего-то сумасбродного, нелепого и абсурдного. Фактически, автор рисует уничижительный портрет персонажа:

«Mme Burlaud, elle est vieille, elle est moche et elle sent le Parapoux. Elle est inoffensive mais quelques fois, elle m'inquiète vraiment» (Мадам Бюро, она старая, уродливая и от нее пахнет средством против блох и вшей. Она безобидная, но иногда она меня и правда пугает.) (Guène 2004: 9).

Во-вторых, слово Burlaud можно интерпретировать следующим образом: Bur = bure : la laine rêche ('грубая шерсть'), Laud = l'eau ('вода'), Burlaud = la laine rêche + eau. Burlaud означает 'мокрая шерсть', что объяснило бы характеристику, данную автором. Мокрая шерсть всегда источает неприятный запах, и возможно именно эта ассоциация вдохновила Ф. Гэн на выбор данного имени, чтобы его определение «ragaroux» имело смысл. Сама героиня узнает имя «Burlaud» уже в конце произведения:

«Déjà son nom Burlaud, non mais sérieux, ça rime à rien comme nom, et puis ça sonne moche. Après y a son parfum qui pue le ragaroux » (Уже само ее имя, ну серьезно, ни с чем не рифмуется и даже звучит отвратительно. А еще ее духи, которые воняют средством против блох.) (Guène 2004: 175).

Выбор номинации основан на иронии, что отражают богатое воображение Ф. Гэн. Персонаж психолога имеет непосредственные отношения только с главной героиней, они встречаются каждый понедельник в клинике. Образ Мадам Бюрло сопровождает все повествование романа, так как это важная фигура в жизни Дории. Психолог также представлена в качестве «духовного наставника» героини, хотя чудаковатый характер пожилой дамы иногда обескураживает девушку:

«Elle vient d'un autre temps. Je le vois bien quand je lui parle, je suis obligée de faire attention à tout ce que je dis. Je peux pas placer un seul mot de verlan ou un truc un peu familier pour lui faire comprendre au mieux ce que je ressens. » (Она как будто из другого века. Когда я с ней разговариваю, мне приходится внимательно следить за тем, что я говорю и выбирать слова. Я не могу употреблять сленг и всякие молодежные словечки потому, что она просто меня не поймет.) (Guène 2004: 179)

Дория неоднократно на протяжении повествования представляет своего психолога не в лучшем свете, в уничижительной манере, и только в конце романа она понимает, что Мадам Бюрло очень ей помогла:

«Voilà, Mme Burlaud et moi, on était pas tout à fait sur la même longueur d'onde. Cela dit, je sais que c'est grâce à ça que j'ai réussi à aller mieux. Je nie pas qu'elle m 'a aidé énormément. Tiens, je lui ai même dit merci à Mme Burlaud. Un vrai merci.» (Мы с Мадам Бюрло не были на одной волне. И я точно знаю, что именно благодаря этому мне стало лучше. Могу признать, что она мне очень помогла. Я даже сказала ей спасибо. Большое спасибо.) (Guène 2004: 180).

Так как Дория единственная пациентка Мадам Бюрло, ее отношения с другими персонажами повествования ограничиваются, тем, что ей рассказывает героиня во время сеансов психоанализа:

«C'est ça ce que j'aime bien chez Mme Burlaud: elle juge jamais. Elle te prend toujours au sérieux...» (Вот что мне нравится у Мадам Бюрло, так это то что она никогда не осуждает. Всегда воспринимает тебя серьезно...) (Guène 2004: 49).

Отметим, что автор обращается к психологизму, который несвойственен современному роману. Именно через образ психолога, читатель познает внутренний мир главного персонажа, его проблемы, стремления, мыс-

ли, переживания.

Таким образом, можно заключить, что ономастический анализ способствует пониманию идеи выбора номинации для определения роли и социокультурного значения каждого персонажа в повествовании. Все имена собственные романа тщательно продуманы автором, представляют собой аллюзию на реальную жизнь и подчеркивают стремление к правдоподобности. Ф. Гэн удалось посредством выбора номинации героев исключить произвольность знака и глубже закрепить художественный вымысел в социокультурном контексте, обеспечивая когерентность текста и вызывая доверие читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулова Н.В. Французская эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.В. Меркулова; Воронежский гос. пед. ун-т. – Воронеж [б.и.], 2005. – 229 с. – На правах рукоп.
2. Barthes R. Plaisir du texte / R. Barthes. – Paris, Edition du Soleil, 2002. – 98 p.
3. Bouhadid N. L'aventure scripturale au coeur de l'autofiction dans Kiffe kiffe demain de Faiza Guène: magistère en science des textes littéraires / N. Bouhadid; Université Mentouri. – Constantine, 2008. – 172 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Guène F. Kiffe kiffe demain / F. Guène. – Paris, Hachette Littératures, 2004. – 200 p.
Guène F. Rencontre de Faiza avec des élèves [Электронный ресурс] / F. Guène. – Montreuil, 2015. – URL: http://www.mini-sites.hachette-livre.fr/hcom/faiza_guene/montreuil.html

SPECIFICITY OF PROPER NAMES IN THE NOVEL «KIFFE KIFFE DEMAIN» BY F. GEN *(on the example of female names)*

V.V. Gorbunova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg

The article is devoted to the analysis of the specificity of the proper names in the novel «Kiffe kiffe demain» by F.Gen. The semantics of the onyms in the text is revealed and the correspondence between the signified (character's name) and its various signifying (semantic elements of the name) is established.

Key words: *text linguistics, onomastics, understanding and interpretation of the text, the category characters.*

Об авторе:

ГОРБУНОВА Виктория Валерьевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка Оренбургского государственного педагогического университета, *e-mail:* gorbunova.viktory@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

(на материале оригинала и перевода)

А. А. Дзюба

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Ялта

Для современного литературного процесса характерна трансформация жанров, за счёт чего происходит модификация образов героев. В статье проанализирован роман «Джейн Эротика» К. Рос и с помощью метода интертекстуального анализа выявлено изменение образа: образ главной героини Джейн Эйр получился «сниженным».

Ключевые слова: *интертекстуальность, трансформации образа героя, современная литература, эротический роман.*

Современные изменения социума и культуры приводят к переосмыслению моральных и традиционных ценностных ориентиров со стороны исследователей. Происходит пересмотр исторического культурного наследия.

В конце 60-х выдающийся лингвист и филолог, теоретик постструктурализма Ю. Кристева ввела новый термин «интертекстуальность», который провозгласил новое видение взаимоотношений между текстами [Кристева 2000: 97]. Данное понятие, по мнению Е. Михайловой, относится к сфере постмодернистской текстологии, и, устанавливая связи между текстом и семиотической культурной средой, создаёт новое пространство повествования – интертекстуальный дискурс [Михайлова 1999: 22.]. Здесь следует сказать о том, что практически каждый текст является интертекстом, так как в той или иной степени состоит из «отрывков общепринятых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагментов социальных идиом» и других текстов (претекстов) [Ильин 1996: 208-209].

Принцип множественности интерпретаций в рамках интертекстуального подхода к рассмотрению текстов подразумевает свойственную литературе постмодернизма вариативность значений художественных произведений [Ивлева 2008: 44].

Опираясь на принцип множественности интерпретаций, в статье проанализирован роман «Джейн Эйр» Ш. Бронте (*Jane Eyre* Ch. Brontë) в трактовке К. Рос (*Jane Eyrotica* К. Rose) как роман, рассматривающий ещё одну – чувственную – сторону главной героини романа. Целью данной работы является рассмотрение романа «Джейн Эйротика» К. Рос с позиции трансформации викторианского романа в современный эротический роман на примере образа героини.

Современная американская писательница К. Рос в своём творчестве обратилась к известному роману XIX в. «Джейн Эйр», написанному англий-

ской писательницей Ш. Бронте практически два века назад. Автор привнесла нотки новизны в хорошо известное произведение. Способ, который избрала писательница, вполне соответствует современным веяниям: роман наполнен эротическими подробностями, раскрывающими для читателя совершенно другую Джейн, которая живёт «в мире страсти, желания и секса» (“in a world of passion, desire and sex”). Роман К. Рос «Джейн Эйротика» – это роман, создающий совершенно новый образ Джейн Эйр.

В настоящее время литературный процесс характеризуется общей тенденцией к динамичности жанров. Моделирование новых жанровых форм влияет на видоизменение образов героев классической европейской литературы, которые приобретают новые характеристики. Образ литературного героя является частью общей системы художественных образов в литературных произведениях. При помощи ряда художественных средств автор создаёт живое воплощение героя.

Исследователи выделяют разные составляющие художественного образа. Для анализа за основу была взята классификация ряда элементов, которые выделила исследователь А. Я. Эсалнек. Таким образом, характеристика персонажа Джейн Эйр осуществляется посредством следующих элементов:

- 1) Имени, фамилии, прозвища и т.п.;
- 2) Пейзажа – картины природы могут быть созвучны душевному состоянию героя или контрастировать с ним, чтобы оттенить глубину его внутренних переживаний;
- 3) Предмета как составной части образа персонажа;
- 4) Проявление характера посредством действий;
- 5) Речевой характеристики:
 - оценочного высказывания в адрес героя от лица других персонажей;
 - речи героя о самом себе [Эсалнек 2012: 52].

Рассмотрим элементы, создающие образ главной героини в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр»:

1) **Имя героини.** Если обратиться к фамилии главной героини, то “Еуге” переводится как «выездная сессия суда». Джейн Эйр действительно была придирчива к себе и справедлива к другим;

2) **Пейзаж.** Радостное состояние природы отражает будущее, которое ожидает главную героиню – она счастлива. Её *внутренняя гармония и светлые чувства* переданы в следующем отрывке:

“A splendid Midsummer shone over England: skies so pure, suns so radiant as were then seen in long succession, seldom favour even singly, our wave-girt land” (Brontë 1847: 292);

3) **Предмет как составная часть образа персонажа.** Чёрный мериноровый плащ и чёрная касторовая шляпка Джейн являются воплощением её педантичности, скромности:

“He stopped, ran his eye over my dress, which, as usual, was quite simple: a black merino cloak, a black beaver bonnet; neither of them half fine

enough for a lady's-maid. He seemed puzzled to decide what I was; I helped him" "I am the governess" (Brontë 1847: 173);

4) **Проявление характера посредством действий.** Джейн Эйр:

- *строга к себе*: она пишет автопортрет, не упуская ни единого изъяна – это способ самодисциплины, позволяющий увидеть, насколько прекрасна её соперница, и насколько ничтожно малы её собственные шансы:

"Listen, then, Jane Eyre, to your sentence: to-morrow, place the glass before you, and draw in chalk your own picture, faithfully, without softening one defect" (Brontë 1847: 186);

- *наблюдательна*: наблюдая за поведением леди Ингрэм, Джейн ошибочно характеризует её как глупую и заносчивую особу:

"She was very showy, but she was not genuine: she had a fine person, many brilliant attainments; but her mind was poor, her heart barren by nature. She was not good; she was not original: she used to repeat sounding phrases from books: she never offered, nor had, an opinion of her own" (Brontë 1847: 213);

б) **Речевая характеристика:**

оценочное высказывание в адрес героя от лица других персонажей

- Мистер Рочестер, говоря о Джейн Эйр, называет её переодетой богиней - "disguised deity" (Brontë 1847: 160), неземным существом - "you almost unearthly thing" (Brontë 1847: 392); нежной и воздушной красавицей:

"You are a beauty in my eyes, and a beauty just after the desire of my heart, - delicate and aerial" (Brontë 1847: 308);

речь героя о самом себе

- Джейн характеризует себя иначе: одинокая, неимущая дурнушка "disconnected, poor, and plain" (Brontë 1847: 244); скромная и ничтожная "puny and insignificant" (Brontë 1847: 399).

Итак, из вышеприведённых примеров видно, что:

- ✓ в первичном тексте много внимания уделено *становлению и развитию личности* главной героини, её трезвости мысли и рассудительности;

- ✓ в романе Ш. Бронте Джейн *скромна и целомудренна* (в викторианской Англии для девушек считалось недопустимым добраться интимные связи).

Теперь для сопоставления характеристик романов важно указать главную отличительную черту вторичного произведения «Джейн Эйротика» от первичного – «Джейн Эйр». Во вторичном романе главная героиня, не достигнув совершеннолетия

- *вступает в интимную связь с двоюродным братом Джоном*, которого в романе-оригинале она ненавидит и презирает:

"Wicked and cruel boy! You are like a murderer - you are like a slave-driver - you are like the Roman emperors!" (Brontë, Rose 2013: 8);

- во время эпидемии тифа Джейн *встретила «нового партнёра по играм»* ("altogether different playmate"):

"Jack was the stable lad who tended to the ponies at Lowood" (Brontë, Rose 2013: 67);

“He grunted and moved in and out of me exquisitely slowly, sending shoots of pleasure shivering up my body” (Brontë, Rose 2013: 70);

- по дороге в Хэй Джейн *отдалась незнакомцу*, который впоследствии оказался её хозяином мистером Рочестером (mister Rochester) и *очередным любовником*:

“...barely knowing who or what I was <...> He pulled out of me and grunted, coming. We were both for a moment as he lay over me” (Brontë, Rose 2013: 104);

“This was unlike anything I had ever done with John Reed or Jack (Brontë, Rose 2013: 130-131).

Теперь сопоставим данные характеристики «Джейн Эйр» Ш. Бронте со вторичным романом «Джейн Эйротика» К. Рос:

✓ В первичном и вторичном текстах в образе героини прослеживаются *общие черты* (доброта, рассудительность, твёрдость, дисциплинированность героини);

✓ В романе К. Рос *развитие и становление личности* Джейн показано в самых общих чертах, за счёт чего образ не получает глубины;

✓ В романе К. Рос описывается множество сексуальных контактов главной героини. Следовательно, основное отличие новой Джейн Эйр – её *сексуальная раскрепощённость*;

✓ Джейн выглядит *приземлённой и распущенной*, так как главный акцент делается на чувственной стороне повествования. Данная мера отклонения от оригинала способствовала трансформации образа Джейн Эйр и *формированию «сниженного» образа* главной героини.

Таким образом, в настоящее время отличительной особенностью в литературе является трансформация одних жанров в другие жанров. Жанровая парадигма претерпевает изменения: за счёт перехода жанровых форм происходит трансформация образов героев. Образы европейской классической литературы в контексте современного литературного пространства приобретают новые характеристики, проявление которых отражено в романе «Джейн Эйротика» К. Рос. Проанализировав сходные и различные черты главной героини в романе «Джейн Эйр» Ш. Бронте и «Джейн Эйротика» К. Рос, была выявлена жанровая трансформация образа Джейн Эйр: из скромной, проницательной, интересной Джейн она превратилась во вторичном романе в приземлённую и распущенную Джейн. Следовательно, образ главной героини стал «сниженным».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивлева А.Ю. Художник-текст-реципиент / А.Ю. Ивлева; Мордовск. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск [б.и.], 2008. – 106 с.
2. Ильин И.И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.И. Ильин; М.: Интрада, 1996. – 253 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.
4. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): На

- материале статей: автореф. дис. ... канд.а филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Михайлова; Волгоградск. гос. пед. ун-т. – Волгоград [б.и.], 1999. – 22 с. – На правах рукоп.
5. Сержант Н.Л. Принципы жанрового моделирования в современном постмодернистском романе [Электронный ресурс] / Л.Н. Сержант. – URL: [http://elib.bspu.by/bitstream/doc/1515/1/Сержант%20Принципы%20жанрового%20моделирования%20\(1\).pdf](http://elib.bspu.by/bitstream/doc/1515/1/Сержант%20Принципы%20жанрового%20моделирования%20(1).pdf)
 6. Шичкина М.Г. Интертекстуальность и прагматическая адаптация при переводе художественных англо- и немецкоязычных текстов [Электронный ресурс] / М.Г. Шичкина // Молодой ученый. – 2016. – № 10. – С. 1513-1516. – URL: <https://moluch.ru/archive/114/30061/>
 7. Эсалнек А.Я. Основы литературоведения: учебн. пос. / А.Я. Эсалнек. – М.: Флинта, 2012. – 220 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Бронте Ш. Джейн Эротика [Электронный ресурс] / Ш. Бронте, К. Рос. / пер. Ю.А. Милоградской. – М.: ЭКСМО, 2013. – URL: http://thelib.ru/books/brontesharlotta/dzheyn_erotika-read.html

Brontë C. Jane Eyre / Ch. Brontë. – L., 1847. – 545 p.

Brontë Ch. Jane Eyrotica / Ch. Brontë, K. Rose. – N.Y.: Skyhorse Publishing, 2013. – 384 p.

TRANSFORMATION OF THE HERO IN INTERTEXTUAL DISCOURSE

(on the material of the original text and its translation)

A.A. Dzyuba

Humanities and Education Science Academy (branch) of
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Modern literary process is characterized by the transformation of genres, due to which there is a modification of the characters' images. The article analyzes the novel *Jane Erotica* by K. Rose and using the method of intertextual analysis revealed a change in the image: the image of the main character Jane Eyre turned out to be «reduced».

Key words: *intertextuality, transformations of the heroine's image, modern literature, erotic novel.*

Об авторе:

ДЗЮБА Алина Анатольевна – ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, *e-mail: alina_anatolna@mail.ru*

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «RED – ANGER»
НА ВЕРБАЛЬНОМ И ИКОНИЧЕСКОМ УРОВНЕ
АМЕРИКАНСКОГО РОК-ДИСКУРСА**

А.В. Дымова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Данная статья предлагает когнитивно-дискурсивное исследование красного цвета, а именно метафорической модели *RED – ANGER*. Материалом для исследования послужил вербальный и иконический уровень американского рок-дискурса.

Ключевые слова: метафорическая модель, метафора, красный, рок-дискурс, обложка.

Данная статья посвящена когнитивно-дискурсивному анализу метафорической модели «RED – ANGER» на материале вербального и иконического уровня (обложка) американского рок-дискурса. Проводя цветоанализ, мы обращаемся к двум уровням, прежде всего потому, что, учитывая параграфическую природу цвета, нельзя ограничить исследование исключительно его вербальным выражением. С другой стороны, цвет «играет большую роль в актуализации какой-либо информации, задает интонацию прочтения сообщения в целом» [Ворошилова 2013: 43], а значит, характеризуется продуктивной метафоризацией не только на вербальном уровне. Более того, обращение к разным уровням использования красного цвета (на примере конкретной модели) позволяет более полно идентифицировать развертывание метафорической модели.

В рамках любого языка «существует ряд устойчивых ассоциативных моделей, которые проявляются...в наборе устойчивых метафорических переносов» [Шустрова 2014: 95]. Обращение к этим культурно-обусловленным метафорическим моделям позволяет не только лучше изучить лингвокультурную специфику, но и грамотно подобрать поведенческую стратегию во взаимодействии с этими культурами [Пригожина 2014].

На вербальном уровне американского рок-дискурса метафорическая модель «RED – ANGER» может быть, как правило, обнаружена в описании ситуаций, когда рок-герой испытывает злость. Причиной 'злости' могут быть разнообразные факторы, в том числе борьба с внешним миром, недовольство собственной жизнью и измена партнера, среди которых последний – самый актуальный.

Примечательно, что интенсивность злости нередко отражена при помощи приема повторения (см. контекст (1), (3) – (5)). Мы также отмечаем, что злость рок-героя, как правило, концентрируется в области глаз. Так, в примерах (1) – (4) красный цвет (злость) застилает глаза, а в примере (5) сами глаза наделяются этим цветом.

(1) *Then I saw red/ When I opened up the door/ I saw red/ My heart just spilled onto the floor/ And I didn't need to see his face/ I saw yours/ I saw red when I closed the door* ('I Saw Red' Warrant, 1990).

В контексте (1) рок-герой застаёт девушку во время измены, что и провоцирует его гнева. О накале эмоций свидетельствует тройное повторение «I saw red», а также описание неожиданности происходящего для героя и полученного шока (см. «My heart just spilled onto the floor»).

(2) *I'm seein' red/ Don't think you'll have to see my face again/ Don't have much time for sympathy/ 'cause it never happened to me* ('Seeing Red' Unwritten Law, 2001).

Расставание с партнером, возможная эмоциональная напряженность и ссоры предшествующие расставанию также являются проводником для метафорической модели. Так, в примере (2) солист группы рассказывает о разрыве со своей девушкой и об эмоциях, испытываемых им из-за этого – злость, а также отсутствие сочувствия (см. «Don't have much time for sympathy»).

(3) *Every day I love her a little bit more/ A little bit more, a little more/ Every day I love her just a little bit more/ And she loves me the same/ Baby if ya wanna get on, baby if ya wanna get off/ It makes no sense at all, I saw red, I saw red, I saw red/ One more secret lover that I shot dead* ('Saw Red' Sublime, 1994).

Подобно предыдущему примеру (2), данный пример (3) повествует о разладе в отношениях, как об источнике злости. Причина этого разлада совершенно неясна слушателю, о ней можно только догадываться. Более того, поначалу рок-герой даже признается в усиливающейся ежедневно любви к девушке (см. «Every day I love her a little bit more»). Однако далее он говорит о непонимании поведения возлюбленной, которая, вероятно, не может определиться продолжать ли эти отношения (см. «ya wanna get on...ya wanna get off»).

Измены и проблемы в личной жизни, как ранее упоминалось, являются главным, но не единственным источником злости для рок-героя американской рок-лирики.

(4) *They say freak,/ When you're singled out,/ The red,/ Well it filters through/.../ Seeing red again,/ Seeing red again* ('The Red' Chevelle, 2002).

Так, причиной злости для рок-героя (4) является неудовлетворенность жизнью, а именно непринятие рок-героя, внешнего вида или его стиля жизни обществом. Общество относится к нему, как к «фрику», уроду (см. «They say freak»), выделяет его из толпы (см. «you're singled out»). Все это приводит к тому, что снова и снова рок-герой видит красный цвет.

Еще один вид неприятия рок-героя миром и его последующей злости можно увидеть на следующем примере:

(5) *With red eyes/ What are you looking for?/ With red eyes/ Red eyes/ All of my days are spent/ Within this skin/ Within this cage that I'm in/ Nowhere feels safe to me/ Nowhere feels home/ Even in crowds I'm alone* ('Red Eyes', Switchfoot, 2009).

Очевидно, загнанность героя (5) от невозможности расслабиться, постоянного переживания за сохранность собственной жизни (см. «nowhere feels safe to me») ведет к агрессивности. Эта идея также подтверждается семантическим ядром отрывка, которое формируют лексемы *cage*, *alone*. Сам автор песни подтверждает, что история композиции заключается в том, что собственное бессилие в борьбе с жестокостью мира приводит его к отчаянию и злости.

В целом, метафорическая модель «RED – ANGER» является наиболее часто актуализируемой на вербальном уровне американского креолизованного рок-текста. Разнообразие причин злости для американского рок-героя (например, измены партнера, разрыв отношений, неустроенность жизни в социальном плане, наркотические средства и т.д.), а также ее частотность на вербальном уровне, позволяет судить об общей тесной связи внутреннего состояния американского рок-героя и этой эмоции.

На иконическом уровне американского рок-дискурса, в свою очередь, можно отдельно выделить использование цвета строго на параграфическом уровне (например, Рис. 1 – 2), а также в составе зооморфной метафоры (например, см. Рис. 3 – 4). Основное отличие репрезентации рассматриваемой модели в рамках двух уровней заключается в том, что на вербальном уровне основное место концентрации злости – это глаза (см. *to see red*), а на иконическом – в основном, фоновое сопровождение, и реже – глаза (например, Рис. 4).

Рисунок 1 интересен не только применением красного цвета в составе лексемы *hate*, означающей крайнюю степень злости [Collins Free Online Dictionary [http](http://)], неприятия, но и векторным изображением этой эмоции. Так, согласно композиции, злость – это эмоция, направленная вверх, что находит отражение на лексикографическом уровне в синонимичных выражениях, например, *to hit the roof*, которое также отображает схожую направленность эмоции. Именно эта векторная, иллюстративная составляющая лексемы и окрашена в красный цвет на обложке.

Лексема *rage*, представленная Рисунком 2, также характеризуется интенсивностью злости. Мы видим явную связь «ярости» и красного цвета.

Рис. 1. Hawthorne Heights *Hate*, EP, 2011

Рис. 2. Rage Against the Machine *Renegades*, Studio Album, 2000

Красный сопутствует изображению животных, выглядящих агрессивно, угрожающе. Например, метафорический перенос волка на человека, представленный Рисунком 3, сопровождается не только обилием красного и агрессивностью образа животного (см. открытая пасть, видны клыки), но и лексемой, номилирующей одну из интенсивных форм злости – *hate*.

Примечательно, что зооморфный метафорический перенос, предложенный Рисунком 4, также изображает волка, вернее его очеловеченную форму – оборотня. Злость, агрессивность закладываются его внешним обликом, оскалом, выступающими клыками, а также глазами, окрашенными в красный цвет (см. *to see red*).

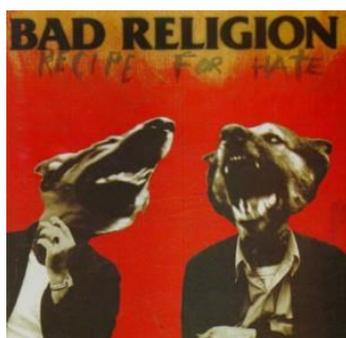

Рисунок 3. Bad Religion *Recipe for Hate*, Studio Album, 1993

Рисунок 4. Yeah Yeahs *Heads Will Roll*, Single, 2009

По результатам анализа применения метафорической модели «RED – ANGER» на вербальном и иконическом уровне американского рок-дискурса мы приходим к выводу о значимости этой модели в формировании мироощущения американского рок-героя. Так, эта модель среди прочих в отношении красного цвета является наиболее частотной на вербальном уровне американского рок-дискурса. Примечательно, что на вербальном уровне типичным является указание причины злости / гнева рок-героя (например, предательство, окружающий мир и т.д.) и степени злости (использование повторения), а на иконическом интенсивность злости выражена зооморфной метафорой.

Несмотря на общую направленность метафорической модели на 2 рассматриваемых уровнях, мы также отмечаем ряд частных различий. Например, это концентрация злости в районе глаз на вербальном уровне и выражение злости фоновыми и параграфическими средствами на иконическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М.Б. Ворошилова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – 194 с.
2. Пригожина К.Б. Межкультурные аспекты преподавания иностранного языка для специальных целей / К.Б. Пригожина // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 74-78.
3. Шустрова Е.В. Барак Обама и современная американская карикатура: монография / Е.В. Шустрова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2014. – 370 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

4. Collins Free Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com>

METAPHORICAL MODEL «RED – ANGER» AT THE VERBAL AND ICONIC LEVEL OF AMERICAN ROCK-DISCOURSE

A.V. Dymova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

The article in question provides a cognitive discourse analysis of the colour red, specifically metaphorical model RED – ANGER. The research is based on the material provided by the verbal and iconic levels of American rock-discourse.

Key words: metaphorical model, metaphor, red, rock-discourse, album cover.

Об авторе:

ДЫМОВА Алена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, *e-mail:* dym.alyona@yandex.ru.

УДК 811

ПОНЯТИЕ МОТИВАЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ФИТОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Е.М. Зиновьева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

В статье рассматривается понятие мотивационно оппозиции в трудах русских исследователи-лингвистов. Выделяются основные виды оппозиций и их классификация. Приводится анализ мотивационной оппозиции добро/зло применительно к народным названиям растений.

Ключевые слова: лексика, мотивация, мотивировочный признак, фитонимия, оппозиция.

Впервые понятие оппозиция в языкознании было введено одним из создателей Пражской лингвистической школы Н.С. Трубецким и использовалось применительно к фонологии. По его мнению, оппозиция – это «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения» [Трубецкой 1960: 41].

О.С. Ахманова считает, что оппозиция (противопоставление) – «англ. Opposition <...> – различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [Ахманова 2007: 369].

Э.В. Кузнецова, рассматривая оппозицию в лексикологическом аспекте,

понимает под этим термином пару слов, сходных друг с другом по тем или иным компонентам и в то же время различающихся чем-либо [Кузнецова 1989: 43]. Она выделяет следующие виды словесных противопоставлений:

– формальные – где оппозиты имеют семантически несходные общие морфемы (напр., *снимать - понимать* и др.);

– семантические – члены оппозиции не имеют одних морфем (за исключением грамматических), но являются семантически сходными, то есть имеющими общие семы (напр., *сын - дочь* и др.);

– формально-семантические – представлены парами слов, имеющими сходные как формальные, так и семантические компоненты (напр., *плюшевый - шелковый* и др.).

В настоящее время существует большое число работ, посвященных оппозиции в лексикологическом аспекте [Новиков 1973, Караулов 1976].

В современном языкознании существуют следующие разновидности семантических оппозиций:

– нулевая (слова в тождественном отношении, напр., *мешать* ('препятствовать') – *мешать* ('смешивать') и др.);

– привативная (слова в отношении включения одного понятия в другое, напр., *еда - каша* и др.);

– эквиполентная (слова в отношении частичного или полного пересечения, напр., *котлеты - каша* и др.);

– дизъюнктивная (слова в отношении полного несовпадения, не имеющие ничего общего, напр., *стол - солнце* и др.).

Э.В. Кузнецова выделяет такие виды оппозиций, как: тождества; привативные; эквиполентные оппозиции [Кузнецова 1989].

Заметим, что понятие оппозиции в русском языкознании не имеет четкой классификации и терминологической однозначности, видимо, в зависимости от целей исследования каждый ученый выделяет те или иные конкретные признаки, лежащие в основе распределения по определенным видам и типам.

С точки зрения теории мотивационных отношений слов оппозиция рассматривается как противопоставление двух слов или групп слов на основании мотивационного дифференциального признака. Применительно к системе фитонимических номинаций термин «оппозиция» определяется как противопоставление двух групп названий растений по определяющим, мотивационным признакам хороший, добрый, свой и плохой, злой, чужой и т.д.

В отличие от семантической оппозиции, где языковые единицы противопоставляются по признаку значения слов, мы предлагаем сопоставление не только по семантическому, но и по мотивировочному признаку, который и является дифференциальным.

По нашему предположению, противопоставление «добрый, благословенный/ злой, проклятый» является эквиполентной мотивационной оппо-

зицией, построенной на двух противоположных признаках, так как состоит из слов или групп слов, в которых, кроме противоположных, имеются общие специфические компоненты, на основе которых происходит сопоставление. Наименования, входящие в данные противоположные группы слов, частично, по ряду определенных признаков совпадают друг с другом и различаются по какому либо дифференциальному признаку.

Рассмотрим данный тезис на примере следующей схемы.

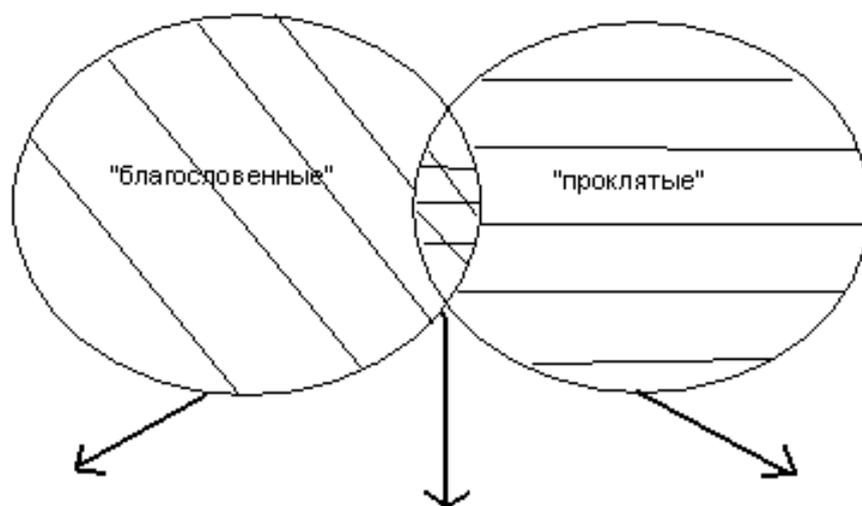

Рис. 2. Мотивационная оппозиция фитонимических номинаций.

- лекарственные особенности; | – названия растения; – ядовитость;
- в пищу людей; | – использование в быту; | – вред урожаю;
- в пищу животных; | – поверье, легенда; – вред здоровью.

Известный лексиколог Л.А. Новиков утверждает, что оппозиции с перекрещивающимися понятиями, содержания которых различны, но объемы частично совпадают, являются эквиолентными. К примеру, *белый* – [*серый*] – *черный*, по мнению ученого, оппозиция, которая выражает отношения сравнимых несовместимых противоположных понятий, между объемами которых возможно треть, среднее понятие [Новиков 2001: 512].

Исследователь Л.В. Лотня утверждает, что концепты добра и зла в русской языковой картине мира являются равнозначными членами оппозиции. Их содержания включают общие (совпадающие) и индивидуальные (дифференциальные) семантические компоненты» [Лотня 2005: 50].

Как считает В.Г. Руделев, нейтрализация – это «оппозиция в слабой позиции – смешение слов, форм и иного в одном слове, форме и ином. Нейтрализация на уровне частей речи приводит к возникновению мимикрических форм. Одним из следствий нейтрализации является омонимия» [Руделев 1995: 163].

Как известно, словесная корреляция – это совокупность пропорциональных оппозиций по определенному признаку. К примеру, в корреляцию по одному конкретному признаку могут входить все противопоставления, которые можно рассматривать в связи с наличием или отсутствием его в

5. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 289 с.
6. Руделев В.Г. В начале было слово / В.Г. Руделев, О.А. Руделева. – Тамбов, 1995. – 176 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Высшая школа, 1960. – 372 с.

OPPOSITION IN THE SYSTEM OF PHYTONYMIC NOMINATION

E.M. Zinovyeva

Tambov State University named after G.R. Derzhavina, Tambov

The article discusses the concept of motivational opposition in the works of Russian linguistic researchers. The main types of oppositions and their classification are highlighted. The analysis of the motivational opposition good / evil in relation to the popular names of plants is given.

Key words: vocabulary, motivation, motivation attribute, phytonymy, opposition.

Об авторе:

ЗИНОВЬЕВА Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, *e-mail:* Lena-Zin22@yandex.ru

УДК 81'1:008

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ЯЗЫКОВАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Н.Н. Клементьева

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Ижевск

В статье рассматриваются различные лингвистические подходы к понятию языковой личности, анализируются входящие в неё компоненты. Кроме того, акцентируется внимание на разграничение понятий языковой и дискурсивной личности, и доказывается, что у каждого есть свое содержание.

Ключевые слова: языковая личность, лингводидактика и лингвокультурология, дискурс, дискурсивная личность, дискурсивный подход.

Понятие личности является сложным и многогранным образованием. Её изучением занимаются с незапамятных времен, начиная с античных философов до современных ученых, рассматривающих личность с разных сторон и в разных научных парадигмах. Она является тем объектом исследования, где сталкиваются интересы лингвистов, психологов, культурологов, социологов, философов.

В современном языкознании на первый план выдвигается языковая личность. Под «языковой личностью» понимается любой носитель языка

или группа носителей, охарактеризованных с точки зрения использования средств языка для отражения действительности. Проблема языковой личности – это одна из актуальных и перспективных проблем лингвистики в настоящее время.

Термин «языковая личность» был введен в 1930-е годы известным русским лингвистом В. В. Виноградовым. Он изучал языковую личность путем исследования языка художественной литературы. В российской лингвистической науке проблемой языковой личности рассматривалась в трудах Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, В.И. Карасика и др.

В последние годы наряду с термином «языковая личность» все чаще встречается термин «дискурсивная личность». Зачастую исследователи не дают им четких определений и употребляют эти понятия как взаимозаменяемые. Попытаемся разобраться в этих двух терминах.

В описании языковой личности различают два основных подхода: лингводидактический и лингвокультурологический.

В лингвокультурологии, возникшей в качестве специальной области науки в 90-е годы XX в., выделяют несколько школ (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.П. Нерознак, В.И. Карасик). Для лингвокультурологии понятие языковой личности является одним из центральных понятий, так как этнокультурная, социокультурная, индивидуально-культурная составляющая языка, типы концептов, развивающие и поддерживающие этно и социокультуры, невозможны без языковой личности. При этом языковая личность для лингвокультурологии интересна именно представленностью в ее языковом сознании, в ее речевой деятельности культурного компонента, т.е. тем, как и в какой мере деятельность человека определяется принадлежностью к определенной национальной культуре [Карасик [http](#)].

Для лингвокультурологии предметом исследования становится «национально-культурный прототип носителя определенного языка» [Карасик [http](#)]. По мнению В.И. Карасика, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. В речевой организации языковой личности он выделяет пять аспектов:

- 1) языковая способность – возможность научиться вести речевое общение;
- 2) коммуникативная потребность – адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры;
- 3) коммуникативная компетенция – выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели; компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить;
- 4) языковое сознание – активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»;
- 5) речевое поведение – осознанная и неосознанная система поступков,

раскрывающих характер и образ жизни человека.

Таким образом, языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т. д. [Красных 1997: 37]

Лингводидактический подход к языковой личности в трудах современных исследователей восходит к взглядам Г.И. Богина. Он предложил модель языковой личности, согласно которой языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1986: 35] Данная модель акцентируется на речедетельностном аспекте языковой личности, то есть учитываются уровень языковой структуры, уровень владения языком и уровни видов речевой деятельности. По мнению Ю.Е. Прохорова, эта модель не рассматривает саму структуру общения, особенности ее организации и проявления в определенной культурноязыковой общности [Прохоров 2006:87].

В широкий научный обиход термин «языковая личность» ввел Ю.Н. Караулов: «Языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью...» [Караулов 1989: 3] Исходным параметром в описании языковой личности является порождаемый текст.

В данной модели Ю.Н. Караулов выделяет три структурных уровня:

1) вербально-семантический уровень – предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком,

2) когнитивный – единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную «картину мира»,

3) мотивационный (прагматический) – выявление мотивов и целей, движущих развитием языковой личности [Караулов 1989: 8].

Модель языковой личности, введенная Ю.Н. Карауловым, оказалась востребованной и лингводидактическим, и лингвокультурологическим подходами, так как представляет собой некий обобщенный тип личности.

Таким образом, в лингводидактике за термином языковая личность стоит субъект, обладающий комплексом способностей и свойств, позволяющих ему осуществлять сугубо человеческую деятельность – говорить, общаться, воспринимать речь, извлекать информацию из текстов, создавать устные и письменные речевые произведения. Языковая способность включает в себя не только знание какого-либо конкретного языка, но и сохраняющуюся у человека на протяжении всей жизни способность овладеть новыми языками.

Внимание к разным видам проявления личности в языке, увеличение

набора компетенций, позволяющих личности функционировать в сложном социально-культурном контексте, не могло не изменить представление о языковой личности [Синельникова [http](#)].

Новая когнитивно-дискурсивная парадигма выдвигает на передний план роль человеческого фактора в языке, провозглашает необходимость изучения не столько языка самого по себе, сколько человека, пользующегося языком. Дискурсология и связанный с ней дискурс-анализ расширили представление о языковой личности.

Дискурс дает возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. В дискурсе обнаруживаются психологические черты личности, философско-мировоззренческие установки, этно-национальные и историко-культурные особенности. Дискурсивная личность – носитель реального жизненного опыта. В дискурсе языковая личность проявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, половые признаки. Именно в дискурсе личность может обнаружить важное для организации общения эмоциональное состояние.

Язык в дискурсе действует как когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность. В основе понятия «дискурсивная личность» лежит ментальный фактор: мыслительная деятельность детерминирует выбор языковых структур и средств. Дискурсивные личности – участники коммуникативных событий, в условиях которых и происходит выбор соответствующих средств – лексических, грамматических, стилистических как тактических действий, соответствующих речевой стратегии. Для изучения дискурсивных личностей необходим большой корпус текстов – как письменных, так и устных, в том числе представленных в новых коммуникационных средах и жанрах.

Возможность несовпадения языковой и дискурсивной личности доказывается тем, что одна и та же дискурсивная личность может соотноситься с двумя и более языковыми личностями. Это происходит, к примеру, когда человек свободно порождает один и тот же дискурс (например, один и тот же научный доклад) как на родном, так и на иностранном языке [Плотникова [http](#)].

Таким образом, разграничение понятий языковая и дискурсивная личности обоснованно, так как в каждом из них можно обнаружить особое, присущее только ему содержание. Под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, способный производить и воспринимать речевые произведения (речевая личность), а также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения (коммуникативная личность). И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценност-

ных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре (личность словарная, этносемантическая).

Дискурсивный подход раскрывает новые возможности для конструктивного наполнения понятия языковой личности. Дискурсивная личность в определенной ситуации одновременно проявляет себя как личность речевая, коммуникативная, словарная, этносемантическая. Она представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 110.02.19/ Г.И. Богин; Калининск. гос. ун-т. – Л. [б.и.], 1984. – 86 с. – На правах рукоп.
2. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. Монография [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – URL: <https://studfiles.net/preview/1806336/>
3. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3-8.
4. Красных В. В. Коммуникативный акт и его структура / В. В. Красных // Функциональные исследования: сб. ст. по лингвистике. – Вып.4. – 1997. – С. 34-49.
5. Плотникова С.Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность [Электронный ресурс] / С.Н. Плотникова. – Нижневартовск, 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/govoryaschiy-pishuschiy-kak-yazykovaya-kommunikativnaya-i-diskursivnaya-lichnost>
6. Прохоров Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс / Е.Ю. Прохоров. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 224 с.
7. Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» [Электронный ресурс] / Л.Н. Синельникова // Уч. записки Таврического национальн. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – 2011 г. – №2. – Ч. 1. – С.454-463. – URL <http://pdf.knigi-x.ru/21filologiya/4656-1-uchenie-zapiski-tavrisheskogo-nacionalnogo-universiteta-vernadskogo-seriya-filologiya.php>

TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF THE CONCEPTS OF LANGUAGE AND DISCURSIVE PERSONALITY IN MODERN LINGUISTICS

N.N. Klementeva

Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk

This article deals with the various linguistic approaches to the concept of language personality, and analyzes its components. In addition, attention is focused on the distinction between the concepts of language and discursive personality, and proves that every concept has their own content.

Key words: *language personality, linguodidactics and cultural linguistics, discourse, discursive personality, discursive approach.*

Об авторе:

КЛЕМЕНТЬЕВА Надежда Николаевна – старший преподаватель ка-

федры иностранных языков Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, *e-mail*: klementeva.nadezhda@inbox.ru

УДК 81`38

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»

А.И. Малкова, Л.Н. Мирошниченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород

Данная статья посвящена проблеме стилистического использования языковых единиц в авторском дискурсе Рэя Брэдбери. Рассматриваются функциональные особенности применения стилистических приемов и выразительных средств в романе-антиутопии Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Отмечаются наиболее характерные способы их использования и воплощения в контексте художественных образов. Обосновывается сложность и неоднозначность их взаимодействия.

Ключевые слова: художественное средство, художественный образ, троп, сравнение, метафора, аллюзия, интертекст, антропоморфизм.

Жанр антиутопии реализуется в мировой литературе в противовес утопической традиции, изображающей идеальный мир, и его распространение приходится на XX – начало XXI вв. Характерными чертами антиутопии являются отрицание оптимистичного взгляда на будущее, отражение ужасов эпохи, постановка человека в условия нравственного выбора и т.д.

Примером классической антиутопии является знаменитый роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», изданный в 1953 году. Данное произведение содержит в себе множество средств художественной выразительности, которые помогают автору в создании литературных образов, а также в выражении идеи своего литературного творения.

Одним из основных художественных средств, используемых автором, является сравнение, которое используется для описания отношений между двумя героями – Клариссой и Монтэгом. Например, пытаясь понять, чем Кларисса отличается от окружающих его людей, Монтэг говорит: «Многих ли ты ещё знаешь, кто мог бы отражать твой внутренний свет? Люди больше похожи на... на факелы, которые полыхают во всю мочь, пока их не потушат. Но как редко на лице другого человека можно увидеть отражение твоего собственного лица, твоих сокровенных, трепетных мыслей!» [Брэдбери 2013: 28]. Для описания внутреннего мира героини автором используется глагол «отражать», который характеризует её исключительность, способность к состраданию, к видению красоты окружающего мира.

Кроме сравнения, которое представляет собой вид тропа, основанный на уподоблении соотносимых явлений [Николюкин 2011: 1022], автор прибегает к такому тропу, как метафора, употребление которого предусматривает использование языковых единиц в переносном значении на основе аналогии, сходства. В исследуемом произведении встречаются различные виды метафор, большую часть которых занимают метафоры внутреннего мира человека.

Общественное мнение считает людей, не склонных к длительному увеселительному времяпрепровождению, странными, необычными, что приводит Клариссу к необходимости посещения психиатра. О своем общении с ним она рассказывает Монтэгу следующим образом: «Не знаю, что он обо мне думает, но он говорит, что я настоящая луковица. Приходится облупливать слой за слоем» [Брэдбэри 2013: 40]. Сравнение с луковицей и метафорический образ «многослойности» представлены для выявления многообразных свойств личности, которые «скрываются» друг под другом и неожиданно проявляются в различных ситуациях [там же: 147].

Противоречивость состояния Монтэга, когда он готов прочесть запретные стихи жене и ее гостям, передана двумя антонимичными метафорами: «В комнате нечем было дышать. Монтэга бросало то в жар, то в холод» [там же: 162]. Говоря о перспективе своего общения с Фабером, себя, вспыльчивого и нетерпеливого, Монтэг уподобляет огню, а мудрого Фабера – воде: «Они будут вместе – Монтэг и Фабер, огонь и вода...» [там же: 132].

Часто метафора в романе используется для описания сознания. Например, сознание Монтэга уподобляется «камню», по которому «бьют молотами» и «вздымают пыль». Данный метафорический образ характеризует негативную эмоциональную реакцию Монтэга на разговор о литературе с брандмейстером Битти, речь которого изобилует цитатами, порой противоречащими друг другу.

Помимо этого, автор использует метафорическое сравнение сознания с природными катаклизмами, способными сотрясаться под воздействием внешних условий. Подобная негативная оценка выявляется в эпизоде, когда вынужден сжигать свой собственный дом вместе с обнаруженными там книгами.

Рэй Брэдбери в метафорах, как правило, делает акцент не на сознании как уровне, где синтезируются конкретные психические процессы, а на происходящих в нем процессах. Поэтому фокусами его метафор часто являются не существительные, а глаголы: *to wear (his happiness)*, *to whirl (man's mind) around*, *to shake and fall and shiver (inside him)*, *to well over* и др., использование которых составляют характерную черту авторского стиля.

Следует отметить, что одним значимым средством художественной выразительности в авторском дискурсе Рэя Брэдбери являются интертексты.

Интертекст представляет собой основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, заключающийся в формировании текста с помощью цитат и реминисценций к другим текстам [Интертекст <http>].

В исследуемом произведении содержится 114 интертекстуальных аспектов, которые относятся к совершенно разным произведениям и представлены аллюзиями, цитатами и даже реминисценциями.

Обращение к цитированию в романе автор применяет по отношению к нескольким героям: брендмейстера Битти, Монтэга, Фабера. Интертексты антагониста главного героя Монтэг использует для борьбы с врагом его же собственным оружием, цитируя известные литературные произведения и доказывая их вред и бесполезность, как, например, в следующем диалоге Битти и Монтэга:

- «О мудрость, скрытая в живых созвучьях», - как сказал сэр Филип Сидни. Но с другой стороны: «Слова листе подобны, и где она густа, там вряд ли плод таится под сению листа», - сказал Александр Поп. Что вы об этом думаете, Монтэг?

- Не знаю.

- Осторожно, - шептал Фабер из другого, далёкого мира.

- Или вот ещё: «Опасно мало знать; о том не забывая, кастильскую струей налей бокал до края. От одного глотка ты опьянеешь разом, но пей до дна и вновь обрящешь разум». Поп, те же «Опыты». Это, пожалуй, и к вам приложимо, Монтэг, а? Как вам кажется?» (Брэдбери 2013: 156).

В остальных случаях, в которых встречается цитирование, демонстрируется противоположное отношение к литературе. Обращение к цитатам встречается в речи главного героя Гая Монтэга и старика Фабера, бывшего университетского профессора, который собирался организовать тайное общество борцов за книги. Монтэг цитирует, например, произведение Мэтью Арнольда «Дуврский берег». Фабер, в свою очередь, будучи человеком более образованным и начитанным, чем главный герой, использует в своей речи цитаты из произведений других авторов.

В числе особенностей романа «451 градус по Фаренгейту» можно выделить частое обращение к аллюзиям, которые представлены уже в первой главе романа. Применяемые автором аллюзии непосредственно относятся к именам двух главных героев – Гаю Монтэгу (Guy Montag) и Клариссе Маклелан (Clarisse McLellan). Имя Гая Монтэга является отсылкой к участнику Порохового заговора против английского и шотландского короля Якова I в 1605 году Гаю Фоксу (Guy Fawkes). Ему было поручено зажечь фитиль, который освещал путь к палате лордов в Лондоне. Впоследствии он стал символом данного события. Монтэг работает пожарником, в романе Брэдбери он – человек, устраивающий пожары, а не тушащий их. Поэтому, этих двух личностей объединяет один мотив – поджог. Кроме того, фамилия «Монтэг» фонетически созвучно с немецким словом «Montag» (*понедельник*), что символизирует начало чего-то нового, например, начала

новой жизни, жизни с «чистого листа». Автор использует данную отсылку в качестве намёка на то, что у Монтэга впоследствии будет возможность начать свою жизнь заново. Следует так же обратить внимание на имя главной героини «Кларисса», которое имеет латинское происхождение (clarus) и означает «ясный, светлый» [Купреянова 1996: 22]. Использование данного имени собственного косвенно дает представление о характере героини.

Кроме этого к числу аллюзий, используемых автором, относится упоминание «Вавилонской башни» в одной из реплик брендмейстера Битти:

«Где ваш здравый смысл? В этих книгах всё противоречит одно другому. Настоящая Вавилонская башня! И вы сидели в ней взаперти целые годы. Бросьте всё это. Выходите на волю. Люди, о которых тут написано, никогда не существовали» (Брэдбэри 2013: 59).

Экспрессивная функция романа проявляется в ещё одной библейской аллюзии. В метро, на пути к своему другу, Фаберу, Монтэг начинает читать отрывок из Нового Завета, но реклама, которую показывают в вагоне, перебивает его:

- Зубная паста «Денгэм»!..

«Замолчи, - думал Монтэг. - Посмотрите на полевые лилии, как они растут...»

- Зубная паста «Денгэм»!

«Не трудятся...»

- Зубная паста...

«Посмотрите на лилии... Замолчи, да замолчи же!..»

- Зубная паста!.. (Брэдбэри 2013: 115-116)

Строки о лилиях перемежаются с рекламой зубной пасты «Денгэм», звучащей в вагоне. Данный момент символичен, так как автор, по всей видимости, проводит параллель между двумя сферами бытия – духовной и материальной.

Большой смысл несет в себе отсылка к легенде об Антее и Геракле из греческой мифологии, которую Фабер упоминает в разговоре с Монтэгом: «Известна ли вам легенда об Антее? Это был великан, обладавший непобедимой силой, пока он прочно стоял на земле. Но когда Геракл оторвал его от земли и поднял в воздух, Антей погиб. То же самое справедливо и для нас, живущих сейчас, вот в этом городе, – или я уж совсем сумасшедший» [там же: 123]. Согласно легенде, великан Антей был побеждён Гераклом, ранее это никому не удавалось сделать. Ссылаясь на легенду, Фабер хотел сказать, что люди невероятно сильно подвержены влиянию информации и это приводит к разрушению. А знания, которые необходимы людям, для того, чтобы стать сильнее, притупляются всевозможными способами.

Самая очевидная отсылка имеет место в главе «Сито и песок», где Монтэг читает подругам Милдред поэму «Dover Beach» Мэттью Арнольда. В поэме Арнольд говорит, о том, что мир благодаря доверию, был в безопасности, а сейчас все окутано ложью: «Доверья океан когда-то полон был и, берег земли обвив, как пояс радужный, в спокойствии лежал. Но

нынче слышу я лишь долгий грустный стон да ропщущий отлив...» [там же: 147]. Мир, описанный в стихотворении, имеет сходство с миром произведения Брэдбери.

Ещё одним средством художественной выразительности, встречающимся в романе, являются антропоморфные метафоры. По определению Т.Ф. Ефремовой, антропоморфизм – это перенесение присущих человеку свойств на неодушевлённые предметы [Антропоморфизм [http](http://www.efremova.info/)]. В рассматриваемом произведении используется антропоморфная метафора «механический пёс». Он представляет собой робота, оснащённого различными механизмами и программами, выполняющего две функции: поиск и нейтрализацию диссидентов. С помощью данного «неживого» персонажа автор метафорически описывает всех современных людей, которые превратились в своего рода машины. На сознание современного общества стало очень легко воздействовать. Люди превратились в бесчувственных и бессердечных существ, склонных лишь к потреблению.

Подводя итог, можно отметить, что выявленные нами художественные средства, наиболее часто встречающиеся в романе, выполняют определённую экспрессивную, эмоциональную функцию и помогают автору с помощью вербальных средств полноценно создать художественную картину произведения. Наиболее часто встречаются метафоры, которые передают внутреннее, психическое состояние героев. Большое разнообразие и многочисленность представляют интертекстуальные отсылки к роману и аллюзии. Помимо этого, периодически встречаются сравнения, антропоморфизмы, функциональные свойства которых заключаются в передаче описательной и экспрессивной информации для создания художественных образов и отражения авторского отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропоморфизм // Т.Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/>.
2. Интертекст // Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс]. – URL: http://de.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/844/ИНТЕРТЕКСТ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

3. Купреянова В. Умнова Н. Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений / В. Купреянова, Н. Умнова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 96 с.
4. Николукин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николукин. – М.: НПК «Интелвак», 2011. – 1596 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Брэдбэри Р. 451 градус по Фаренгейту / Р. Брэдбэри. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2013. – 240 с.

FUNCTIONAL FEATURES OF STYLISTIC DEVICES IN THE NOVEL *FAHRENHEIT 451* BY RAY BRADBURY

A.I. Malkova, L.N. Miroshnichenko

Belgorod State National Research University, Belgorod

The article focuses on the problem of the stylistic usage of linguistic units in Ray Bradbury's discourse. The functional features of the usage of stylistic techniques and expressive means in the Ray Bradbury dystopia novel *Fahrenheit 451* are considered. The most characteristic ways of their usage and implementation in the context of stylistic devices are noted. The complexity and ambiguity of their interaction are substantiated.

Key words: *artistic means, artistic image, trope, simile, metaphor, allusion, intertext, anthropomorphism.*

Об авторах:

МАЛКОВА Анастасия Ильинична – студентка Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, *e-mail:* 1123326@bsu.edu.ru

МИРОШНИЧЕНКО Лариса Николаевна – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета, *e-mail:* Miroshnichenko_1@bsu.edu.ru

УДК 81'42:32

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С.Е. Неустроева

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Ижевск

Рассмотрены разные подходы к определению понятия «политический дискурс». Даны основные его характеристики. Полифункциональность, как основной признак политического дискурса описана далее в статье.

Ключевые слова: *политический дискурс, полифункциональность, политическая коммуникация, политический язык, аргументация.*

Речь, как считает Э. Косериу, уже «политически нагружена», поскольку являет собой знак солидарности с другими членами общества, которые употребляют тот же язык [Наумов <http>].

По мнению Е.И. Шейгал, мы можем проследить связь между языком и политикой, т. К. «ни один политический режим не может существовать без коммуникации» [Шейгал 2000: 17]. Некоторые ученые придерживаются противоположного мнения. Так, например, П.Б. Паршин не считает возможным существование политического языка как феномена: «То, что в норме не выходит за рамки грамматических, да в общем то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д.». Поэтому он считает, что объектом исследования могут выступать «конкретные идиополитические

дискурсы – способы говорения, характерные для индивидуальных, коллективных и метафорических субъектов политического действия» [Паршин http].

Авторы последних работ, посвященных политическому дискурсу, вносят в это понятие различное содержание. Одни считают, что понятие «политический дискурс» имеет право на существование. Другие подвергают это сомнению. Третьи в своих работах используют такое понятие как «политический язык». Но все же в лингвистической литературе политический дискурс представляет собой «многослойное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое» [Синеокая http].

Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 6].

Существуют разные подходы к определению признаков политического дискурса. Одни отмечают некую театрализованность, политическую диглоссию, оценочность. По этим признакам политический дискурс акционален. Характеризуя политический дискурс как форму политического действия, процессуальность является основным его признаком. Можно выделить шесть форм политического дискурса по признаку сферы деятельности:

- законодательный процесс;
- внутрипартийные политические решения;
- формирование общественно-политического мнения;
- политическая пропаганда;
- политическое управление;
- политический контроль.

Так В.Г. Бортько выделяет регулятивность, которая сближает его с религиозным и рекламным дискурсом [Бортько 1998: 39].

Полифункциональность политического дискурса можно отнести к основным его признакам. Так некоторые ученые различают персуазивную, аргументативную, персуазивно-функциональную, объединяющую функции политического дискурса [Водак 1997: 23].

Также можно рассмотреть другие функции политического дискурса, которые выделяют другие лингвисты. Подчеркивая функциональную специфику и рассматривая семиотическую политическое дискурса Е.И. Шейгал выделяет следующие знаки:

1. Знаки ориентации. К ним можно отнести политические термины, имеющие соответствующие институты, органы власти, политиков и их роли; маркеры внутридискурсного дейксиса – характерные языковые фразы политиков; целевые показатели, позволяющие идентифицировать принципы и задачи политической борьбы;

2. Знаки интерпретации со смысловой доминантой «свой» из пары «свой-чужой», задающей фатическую атмосферу общения, ориентирован-

ную на закрепление социальных связей при несущественности семантического параметра;

3. Агональные знаки как инструментальные пейоративные символы дискредитации оппонента – знаки отчуждения, дистанцирования, недоверия, стигматирования, умаления значимости [Шейгал 2000: 44].

Параметр контролирования сознания в рамках инструментальной функции можно считать основным. Очень характерна для политического дискурса агональная функция, которая связана с эффективностью речевого воздействия и противодействия ему. Так В.З. Демьянков считает, что политический дискурс направлен на убеждение, внушения адресатам необходимости «политически правильных» действий [Демьянков 2002: 32]. Чудинов рассматривает функциональные особенности политического дискурса с двух сторон: с позиции системообразующей интенции и с позиции исполнения общеязыковых функций. Побудительная функция является самой актуальной общеязыковой функцией [Чудинов 2003: 33-34].

Все характеристики политического дискурса, которые были перечислены, не могут считаться исчерпывающими. Охват явления, которое было проанализировано, глубина его изучения зависят от целей рассмотрения этого явления. В случае политического дискурса необходимо было показать его особенности как онтологической коммуникативной сферы, внешних признаков его функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
2. Бортько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В.Г. Бортько; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар [б.и.], 1998. – 48 с. – На правах рукоп.
3. Водак Р. Язык. Политика. Дискурс / Р. Водак / Пер. с нем. и англ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
4. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет по политической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32-43.
5. Нарумов Б.П. «Архитектура языка» в концепции Э. Косериу [Электронный ресурс] / Б.П. Нарумов. – URL: <http://danefae.org/pprs/venedikt/narumov.htm>
6. Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике [Электронный ресурс] / П.Б. Паршин. . – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/>
7. Синеокая Н.А. Характеристика политического дискурса / Н.А. Синеокая // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=7695>
8. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 33-34.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград [б.и.], 2000. – 440 с. – На правах рукоп.

MULTIFUNCTIONAL FEATURES OF POLITICAL DISCOURSE

S.E. Neustroeva

Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk

Different approaches to determination of political discourse are regarded in the article. Main characteristics of it are given. Multifunctionality as general feature of political discourse is described.

Key words: *political discourse, multifunctionality, political communication, political language, argumentation, politician.*

Об авторе:

НЕУСТРОЕВА Светлана Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, *e-mail:* svetlanats@inbox.ru

УДК 811.512.214

УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.Н. Новгородов

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

Г.И. Варламова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск

Устойчивый словарный фонд восточного наречия эвенкийского языка восходит к тунгусо-маньчжурской лексике, в нем обнаруживаются значительные расхождения, с изучаемым фондом северного и южного эвенкийских идиомов. Однако анализ устойчивого словарного фонда в лексических источниках показал гомогенность южного, северного и восточного наречий.

Ключевые слова: *устойчивый словарный фонд, тунгусо-маньчжурский, эвенкийский, язык, восточный, наречие.*

Данная статья продолжает проект по изучению устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list) эвенкийского языка [Новгородов 2018а, 2018б)].

Перед презентацией фонда следует указать, что цифра 1 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; ‘ant’ – значением пункта на английском языке; ‘муравей’ – значением слова на русском языке; 3. 817 – идентификационным номером списка базы данных «World Loan Word», которая доступна по адресу [<http://wold.clld.org/meaning>]; *ӣриктэ* – формой слова.

В подготовке статьи участвовала носитель восточного наречия эвен-

кийского языка Галина Ивановна Варламова, родившаяся в Зейском районе Амурской области, местность реки Гиллюй (Россия).

В написании эвенкийских слов использован опыт составителей «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Ленинград, 1975, 1977) и «Эвенкийско-русского словаря» А.Н. Мыреевой (Новосибирск, 2004).

- 1 ant 'муравей' 3.817 *ӣриктэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 327];
- 2 arm/hand 'рука' 4.33 *ңалэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 656];
- 3 ash 'пепел' 1.84 *һулэптэ̄н* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 347];
- 4 back 'спина' 4.19 *согдонэ*, ср. *согж* 'спина (нижняя часть спины)' < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 103, 329];
- 5 big 'большой' 12.55 *һэгды* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 359];
- 6 bird 'птица' 3.581 *дэуи* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 228];
- 7 to bite 'кусать' 4.58 *кик-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 391];
- 8 bitter 'горький' 15.37 *идарипчу* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 297];
- 9 black 'черный' 15.65 *коңномэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 413];
- 10 blood 'кровь' 4.15 *сэксэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 138];
- 11 to blow 'дуть' (intransitive) 10.38 *эдин-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 438];
- 12 bone 'кость' 4.16 *гирамна* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 154];
- 13 breast 'грудь (женская)' 4.41 *укун* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 254];
- 14 to burn (intransitive) 'гореть' 1.852 *дегдэ-* < [ЭРС 2004 : 194];
- 15 to carry 'нести' 10.61 *һэнэв-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 669]; *һал-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 656];
- 16 child (kin term) 'ребенок' 2.43 *куңакан* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 433], *һутэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 357];
- 17 to come 'приходить' 10.48 *эмэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 452];
- 18 to crush/to grind 'давить; дробить/молоть' 5.56 *дуктэ-* 'толочь, долбить' < т.-ма. [ССТМЯ, 1975: 219]; *һуру-* 'крошить, дробить, толочь', 'молоть' < т.-ма. [ССТМЯ, 1977: 354];
- 19 to cry/to weep 'плакать' 16.37 *соңо-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 111];
- 20 to do/to make 'делать' 9.11 *о̄-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 3];
- 21 dog 'собака' 3.61 *һинакин, һина* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 661];
- 22 to drink 'пить' 5.13 *ум-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 266];
- 23 ear 'ухо' 4.22 *се̄н* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 70];
- 24 to eat 'есть, кушать' 5.11 *жэв-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 279];
- 25 egg 'яйцо' 5.97 *умукта* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 269];
- 26 eye 'глаз' 4.21 *е̄һа* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 291];
- 27 to fall 'падать' 10.23 *тик-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 177];
- 28 far 'далеко' 12.44 *гороло̄, горо* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 161];
- 29 fire 'огонь' 1.81 *того* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 190];
- 30 fish 'рыба' 3.65 *олло* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 14];
- 31 flesh/meat 'мясо' 4.13 *уллэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 262];
- 32 fly 'муха' 3.83 *дилкэ̄н* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 207], ср. эвенк. *н'уксэ* 'муха' [ССТМЯ 1975: 645];
- 33 to give 'давать' 11.21 *бӯ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 99];
- 34 to go 'идти' 10.47 *һэнэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 669];
- 35 good 'хороший' 16.71 *аја* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 18];
- 36 hair 'волос' 4.14 *н'ӯриктэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 648];

- 37 hard ‘твёрдый’ 15.74 *маңа* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 529];
38 he/she/it/him/her ‘он, она, оно’ 2.931 *нуңан* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 611];
39 to hear ‘слышать’ 15.41 *долди-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 214];
40 heavy ‘тяжелый’ 15.81 *ургэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 283];
41 to hide (transitive) ‘прятать’ 12.27 *жайа-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 243];
42 to hit/to beat ‘бить, ударять’ 9.21 *дуктэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 219];
43 horn ‘рог’ 4.17 *ижэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 298];
44 house ‘жилище, дом’ 7.12 *жй-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 266];
45 I/me ‘я’ 2.91 *би* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 79];
46 in в 12.012 аффикс дательного падежа *-ду-* < т.-ма. : *-дуа* [3 : 79, 83];
47 knee ‘колени’ 4.36 *хэнхэн* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 366];
48 to know ‘знать’ 17.17 *са-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 49];
49 to laugh ‘смеяться’ 16.25 *ин’э-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 319];
50 leaf ‘лист’ 8.56 *авданна* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 5];
51 leg/foot ‘нога’ 4.35 *халган* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 312];
52 liver ‘печень’ 4.45 *хакин* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 310];
53 long ‘длинный’ 12.57 *хоним* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 664];
54 louse ‘вошь’ 3.811 the head louse, 3.8112 the body louse *кумкэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 430];
55 mouth ‘рот’ 4.24 *амна* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 38];
56 name ‘имя’ 18.28 *гэрби-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 180];
57 navel ‘пупок’ 4.43 *чуңурэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 415];
58 neck ‘шея’ 4.28 *никимна* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 591];
59 new ‘новый’ adjective 14.13 *омакта* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 3];
60 night ‘ночь’ 14.42 *долбони-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 213];
61 nose ‘нос’ 4.23 *оңокто* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 22];
62 not ‘нет’ 24.06 *ачин* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 60];
63 old ‘старый’ 14.15 *сагди-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 52];
64 one ‘один’ 13.01 *умун* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 270];
65 rain ‘дождь’ 1.75 *тигдэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 175] < эвенк. *тик-* ‘падать’ < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 177];
66 red ‘красный’ 15.66 *хуларин* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 343];
67 root ‘корень’ 8.54 *ниңтэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 662]; *тэкэн* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977: 230], ср. эвенк. (северное наречие) *тэгэр* ‘корень’ < т.-ма. [ССТМЯ, 1977: 228];
68 rope ‘веревка’ 9.19 *уһи-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 290];
69 to run (intransitive) ‘бежать’ 10.46 *тукса-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 208];
70 salt ‘соль’ 5.81 *турукэ* [ССТМЯ 1977: 208];
71 sand ‘песок’ 1.215 *тукала* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 207];
72 to say ‘говорить’ 18.22 *гун-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 171];
73 to see ‘видеть’ 15.51 *ичэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 334];
74 shade/shadow ‘тень’ 1.63 *хан’ан* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 315];
75 skin/hide ‘кожа, шкура’ 4.12 *нанна* ‘кожа, шкура (животного)’ < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 583]; *иллэ* ‘кожа (человека)’ < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 310] < эвенк. *и-* ‘мять, разминать, обрабатывать (шкуру)’, ‘соскабливать мездру (со шкуры)’, ма. *илгин* ‘сыромять (кожа, с которой счищена шерсть)’ < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 294];
76 small ‘маленький’ 12.56 *уһа* [ЭРС 2004 : 702]; *н’укучуку* ‘маленький’ [ССТМЯ 1975: 645], ср. *н’укучукэн* ‘маленький’ [ССТМЯ 1975: 645];
77 smoke ‘дым’ 1.83 *сан’а* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 63];
78 soil ‘почва’ 1.212 *дуннэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 224; ЭРС 2004 : 175];

- 79 to stand 'стоять' 12.15 *илит-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 302];
80 star 'звезда' 1.54 *оһикта* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 27];
81 stone/rock 'камень' 1.44 *ӄоло* < тунг. [ССТМЯ 1975: 263];
82 to suck 'сосать' 5.16 *уку-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 254];
83 sweet 'сладкий' 15.35 *аланчу, ала* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 27]; *далди* < тунг. [ССТМЯ 1975: 195];
84 tail 'хвост' 4.18 *ирги* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 325];
85 to take 'брать, взять' 11.13 *га-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 133];
86 thick 'толстый' 12.63 *дирам* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 207];
87 thigh 'бедро' 4.351 *н'уңи* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 646];
88 this 'это' 24.07 *эр* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 460];
89 to tie 'завязывать' 9.16 *һэркэ-* 'связать, привязать, завязать' [ЭРС 2004 : 592] < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 369]; *уһи-* 'привязать' [ЭРС 2004 : 702] < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 290]; *уй-* 'завязывать' < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 250];
90 tongue 'язык' 4.26 *инни* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 316];
91 tooth 'зуб' 4.27 *иктэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 300];
92 water 'вода' 1.31 *му* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 548];
93 what? 'что?' 17.64 *еқун* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 286];
94 who? 'кто?' 17.68 *һи?* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 660];
95 wide 'широкий' 12.61 *албин* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 30];
96 wind 'ветер' 1.72 *эдин* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 438];
97 wing 'крыло' 4.392 *дэктилэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 231]; *ләпурэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 518];
98 wood 'древесина' 1.43 *мо* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 540];
99 yesterday 'вчера' 14.49 *тинивэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 183];
100 you (singular) 'ты' 2.92 *си* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 72].

Сравнение устойчивого фонда восточного и южного наречий (9 пунктов: 18, 27, 41, 65, 66, 75, 76, 81, 90), восточного и северного (12 пунктов: 14, 18, 27, 41, 58, 66, 71, 76, 78, 81, 84, 90) показывает значительное расхождение.

Однако анализ распространения лексики по говорам южного (S), северного (N) и восточного (E) наречий на основании источников [ССТМЯ 1975, 1977; ЭРС, 1958; ЭРС, 2004] показывает гомогенность всех трёх наречий в устойчивом словарном фонде.

14 to burn (intransitive) 'гореть' 1.852 S: П-Т, Н, N: И, Е: Нрч, Тк, Тмт *лурги-* [ССТМЯ 1975: 512];

18 to crush/to grind 'давить; дробить/молоть' 5.56 S: П-Т, N: И, Е: 3 *дуктэ-* 'толочь, долбить', S: П-Т *дуктэ-* 'растолочь' [ЭРС 2004: 171; ЭРС, 1958: 123];

27 to fall 'падать' 10.23 S: С-Б, В-Л, N: И, Е: А, Алд *тик-* 'падать' [ССТМЯ 1977: 177];

41 to hide (transitive) 'прятать' 12.27 *ӄаја-* [ССТМЯ 1975 : 243]; S: П-Т *ӄаја-* 'спрятать, скрыть', 'спрятаться' [ЭРС 1958: 123]; общеэвенкийское слово (о принципах подачи тунгусо-маньчжурской лексики см. ССТМЯ 1975 : XIII, пункт 22 а));

58 neck 'шея' 4.28 S: В-Л, Н, С-Б, Е: М, Сх, Урм, Члм, Чмк *никимна* 'шея' [ССТМЯ 1975: 591]; N: Е *никимна* 'шея', S: В-Л, П-Т, N: Е *никинма* 'шея' [ЭРС 1958: 291];

65 rain 'дождь' 1.75 S: П-Т, В-Л, С-Б, Н, N: И, Е, Е: Алд, 3, *тигдэ* 'дождь' [ССТМЯ 1977: 175];

66 red 'красный' 15.66 S: П-Т, В-Л, С-Б, Е: Сх, 3 *һуларин* 'красный' [ССТМЯ 1977:

343]; S: П-Т, N: И *холбарга*- ‘покраснеть’, см. *хуларга*- ‘краснеть, покраснеть’ [ЭРС 1958: 485, 493];

Слова *холбама* ‘красный’ и *хуларин* ‘красный’ образовались от одной и той же основы, ср. сол. *хула*, *ула* ‘красный’, ср. монг.: м.-п. *илауан* ‘красный’. В *холбама* ‘красный’ обнаруживаются аффиксы: *-ба* (образование глаголов от имён, ср. *суһа* ‘ошибка’, *суһабэ*- ‘ошибаться’ [ЭРС 1958: 745]) и *-ма* (образование прилагательных от глаголов, ср. *чула*- ‘зеленеть’, *чулама* ‘зеленый’ [ЭРС 1958: 769]); переход узкого гласного в широкий, ср. *хулама*, *холама* ‘красный’; компенсаторная долгота гласного, вследствие падения гласного второго слога, ср. сол. *хула*, *ула* ‘красный’; *холбама* и *хуларин* ‘красный’ синонимичны S: П-Т, С, У, N: И *хорин* ‘красный’ [ССТМЯ 1977 : 332];

71 sand ‘песок’ 1.215 S: В-Л, С-Б, N: И, Е: Олкм, 3 *тукала* [ССТМЯ 1977 : 207];

75 skin/hide ‘кожа, шкура’ 4.12 в эвенкийском языке различается кожа человека и животного; Е: Учр, 3, Тит. *иллэ* ‘кожа (человека)’ [ССТМЯ 1975 : 310], Е: Учр *илдэ* ‘кожа’ [ЭРС 2004 : 242; ЭРС, 1958 : 164]; S: П-Т, Н, С-Б (*нанда*), N: И (*нанда*), Е, Е: 3, Сх, Учм *нанна* ‘кожа, шкура (животного)’ [ССТМЯ 1975 : 583]; *иллэ* ‘кожа (человека)’ синонимично S: П-Т, Е: Алд, М, Урм *тикикта* ‘кожа (человека)’ [ССТМЯ 1977 : 178];

76 small ‘маленький’ 12.56 S: С, С-Б N: И, Е: Вл *хулукун* ‘маленький’, Е: Тк *хун’укун* ‘маленький’ [ССТМЯ 1977 : 338];

78 soil ‘почва’ 1.212 S: П-Т, Брг, В-Л, Н, N: И, Е: 3, Олкм, Сх *тукала* ‘почва’ [ССТМЯ 1977 : 207];

81 stone/rock ‘камень’ 1.44 *жоло* [ССТМЯ 1975 : 263]; общеэвенкийское слово;

84 tail ‘хвост’ 4.18 *ирги* ‘хвост’ [ССТМЯ 1975 : 325]; общеэвенкийское слово;

90 tongue ‘язык’ 4.26 S: П-Т, С, N: И, Д, Е, Е: Вл *чолли* ‘язык’ [ССТМЯ, 1977 : 405].

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородов И.Н. Устойчивый словарный фонд северного наречия эвенкийского языка / И.Н. Новгородов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2018. – № 40. – С. 253-256 (2018а).
2. Новгородов И.Н. Устойчивый словарный фонд южного наречия эвенкийского языка / И.Н. Новгородов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2018. – № 42. – С. 130-134 (2018б).
3. Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch reiner vergleichenden Grammatik / J. Benzing. – Wiesbaden, 1955. – 151 S.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

4. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. Ок. 25 000 слов / Г.М. Василевич. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 802 с. [ЭРС 1958]
5. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Ок. 30 000 слов / А.Н. Мыреева / Отв. редактор В.А. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2004. – 796 с. [ЭРС 2004].
6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. редактор В.И.Цинциус. – Л.: Наука, Т. I, 1975, Т. II, 1977 [ССТМЯ 1975, 1977].

Сокращения:

т.-ма. – тунгусо-маньчжурский.

монг. – монгольский

м.-п. – монгольский письменный.

**THE LEIPZIG-JAKARTA LIST OF THE EASTERN DIALECT
OF THE EVENKI LANGUAGE**

I.N. Novgorodov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

G.I. Varlamova

The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies

The Leipzig–Jakarta list is studied in the eastern dialect of the Evenki language. The Leipzig–Jakarta list of the Evenki eastern dialect and northern & southern idioms mismatch considerably. However, the analysis of the Leipzig–Jakarta list in lexical sources showed the homogeneity of the southern, northern and eastern dialects.

Key words: The Leipzig-Jakarta list, Evenki, language, eastern, idiom.

Об авторах:

НОВГОРОДОВ Иннокентий Николаевич – доктор филологических наук, профессор-исследователь кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, *e-mail:* i.n.novgorodov@mail.ru:

ВАРЛАМОВА Галина Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, *e-mail:* dmp76@bk.ru

УДК 811.512.214

**УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД
ЗАПАДНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА**

И.Н. Новгородов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск

В.С. Федоренкова

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Устойчивый словарный фонд западного наречия эвенского языка восходит к тунгусо-маньчжурской лексике; в нем обнаруживаются слова, представленные только в тунгусской группе, в её северной подгруппе, в эвенском языке, а также в его говоре.

Ключевые слова: устойчивый словарный фонд, тунгусо-маньчжурский, тунгусский, эвенский, язык, наречие, говор.

Эвенский (устаревшее название ламутский) является языком эвенов. Распространён на побережье Охотского моря, в Чукотском автономном округе, Камчатской области (Корякский округ), Охотском районе Хабаровского края, а также в прилегающих районах Магаданской области и Республики Саха (Якутия). Общее число эвенов – 22383 чел.; на эвенском языке говорит около 5,7 тыс. человек (перепись РФ 2010 г.).

В традиционной хозяйственной деятельности эвенов сочетается кочевое оленеводство, охота на мясного и пушного зверя, рыболовство. Религиозные верования эвенов представляют сложную синкретичную систему, включающую в себя древние до шаманские верования, шаманизм и христианство в форме православия.

Эвенский язык относится к северной подгруппе тунгусской группы (эвенкийский, негидальский, солонский, эвенский) тунгусо-маньчжурских языков, внутри которой особенно близок к эвенкийскому и солонскому языкам. Выделяют 3 наречия: восточное – ольский, быстринский, охотский, камчатский, колымско-омолонский говоры (Магаданская область и Камчатка), среднее – момский, томпонский, аллайховский говоры (бассейн реки Индигирка) и западное – ламунхинский, тюгесирский, юкагирский говоры (бассейн рек Лена и Яна).

Классификация говоров основывается главным образом на фонетическом критерии: на соответствии согласных *c – h* в середине и конце слова и гласных *ы – о*; ср. восточное *аси* ‘женщина’, *амын* ‘отец’ – западное *аһи*, *амон* – среднее *аһи*, *амын*. Вымерший арманский говор характеризовался рядом не прослеживающихся в современном эвенском языке архаичных черт, сближающих его с эвенкийским языком.

Известно, что эвенский язык недостаточно описан. Современной науке отвечает описание синтаксиса (А.Л. Мальчуков). Научное описание морфологии представлено в грамматике В.И. Цинциус, изданной в 1947 г. по материалам 1930-х-1940-х годов. Фонологическое исследование отставало от изменения эвенской графики и орфографии. Экспериментальное изучение звукового строя языка и диалектов не имеется. Диалекты и говоры недостаточно описаны. Необходимо составление словарей, которые бы наиболее полно охватывали бы лексический материал, соответствующей современной графике, отражающей фонетическую специфику идиомы.

Ученые наблюдают, что меньше остается владеющих эвенским языком, эвены Якутии переходят на якутский язык, причем некоторые эвены посёлков Березовка и Тополиное из этой республики и других областей России переходят на русский.

В данной статье представлен устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) по материалам ламунхинского говора западного наречия эвенского языка. Данный говор используется в поселке Себян-Кюель, Кобяйского улуса, Республики Саха (Якутия). В написании статьи участвовала

носитель ламунхинского говора Валерия Степановна Федоренкова.

В статье использовался опыт составителей «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Ленинград, 1975, 1977). Знак [w] передаёт губно-губной звонкий, щелевой согласный, знак [ɣ] – заднеязычный, звонкий, щелевой согласный.

Цифра 1 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; ‘ant’ – значением пункта на английском языке; ‘муравей’ – значением слова на русском языке; 3. 817 – идентификационным номером списка базы данных «World loan word», которая доступна по адресу [http://wold.clld.org/meaning]; *чи́рит* – формой слова.

1 ant ‘муравей’ 3.817 *чи́рит* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 327]; ср. эвен. *хи́рит* ‘муравей’, орок. *сируктэ* ‘муравей’, нан. *силуктэ* ‘муравей’ < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 327]; эвен. *чириңэ* ‘гусеница’ [ССТМЯ 1977: 400], ср. эвенк. *сириктэ*, *сирэвун*, *шириктэ* ‘глист’, нег. *силиктэ* ‘глист’, ороц., уд. *силиктэ* ‘червь’ < тунг. [ССТМЯ 1975: 95]; в словах *чи́рит* ‘муравей’, *чириңэ* ‘гусеница’ на почве эвенского языка произошел переход начального щелевого глухого согласного *с-* в аффрикату *ч-*;

- 2 arm/hand ‘рука’ 4.33 *һал* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 656];
3 ash ‘пепел’ 1.84 *һултэһ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 347];
4 back ‘спина’ 4.19 *һ’ири* ‘спина’ < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 329];
5 big ‘большой’ 12.55 *эҗэһ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 359];
6 bird ‘птица’ 3.581 *чу́кичан* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 398]; *дэуи* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 229];
7 to bite ‘кусать’ 4.58 *кик-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 391];
8 bitter ‘горький’ 15.37 *идара, идаһри* < *идарһи* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 297];
9 black ‘черный’ 15.65 *иа́лданя* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 290]; *һакарин* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 56];
10 blood ‘кровь’ 4.15 *һуңэ́л* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 351];
11 to blow ‘дуть’ (intransitive) 10.38 *эдэн-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 438];
12 bone ‘кость’ 4.16 *икири* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 302];
13 breast ‘грудь (женская)’ 4.41 *эммэ́*;
14 to burn (intransitive) ‘гореть’ 1.852 *дур-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 224];
15 to carry ‘нести’ 10.61 *һөрү-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 130], *һэну-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 670];
16 child (kin term) ‘ребенок’ 2.43 *ку́һа* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 433], *һут* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 357];
17 to come ‘приходить’ 10.48 *эм-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 452];
18 to crush/to grind ‘давить; дробить/молоть’ 5.56 *чилка-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977: 393];
19 to cry/to weep ‘плакать’ 16.37 *һоң-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 111];
20 to do/to make ‘делать’ 9.11 *о́-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 3];
21 dog ‘собака’ 3.61 *һин* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 661];
22 to drink ‘пить’ 5.13 *ко́л-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 406];
23 ear ‘ухо’ 4.22 *корот* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 416];
24 to eat ‘есть, кушать’ 5.11 *җэб-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 279];
25 egg ‘яйцо’ 5.97 *умто* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 269];
26 eye ‘глаз’ 4.21 *иаһал* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 292];
27 to fall ‘падать’ 10.23 *тик-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 177];
28 far ‘далеко’ 12.44 *гор, горра, горла* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 161];

- 29 fire ‘огонь’ 1.81 *тоу, tow* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 190];
30 fish ‘рыба’ 3.65 *олдо* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 14];
31 flesh/meat ‘мясо’ 4.13 *улдэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 262];
32 fly ‘муха’ 3.83 *диликэн* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 207];
33 to give ‘давать’ 11.21 *бө-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 99];
34 to go ‘идти’ 10.47 *һөр-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 130]; *һэн-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 669];
35 good ‘хороший’ 16.71 *ибго* [ССТМЯ 1975: 294]; *aj* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 18];
36 hair ‘волос’ 4.14 *н’урут* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 648];
37 hard ‘твёрдый’ 15.74 *маһ, маһи* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 529];
38 he/she/it/him/her ‘он, она, оно’ 2.931 *ноңон* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 611];
39 to hear ‘слышать’ 15.41 *долдо-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 214];
40 heavy ‘тяжелый’ 15.81 *ургө* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 283];
41 to hide (transitive) ‘прятать’ 12.27 *жай-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 243];
42 to hit/to beat ‘бить, ударять’ 9.21 *ет-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 287];
43 horn ‘рог’ 4.17 *иј* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 298];
44 house ‘жилище, дом’ 7.12 *жy-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 266];
45 I/me ‘я’ 2.91 *би-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 79];
46 in в 12.012 аффикс дательного падежа -ду < т.-ма. : -*дуа* [1 : 79, 83];
47 knee ‘колени’ 4.36 *һәңһән* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 366];
48 to know ‘знать’ 17.17 *һа-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 49];
49 to laugh ‘смеяться’ 16.25 *ин’ән-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 319];
50 leaf ‘лист’ 8.56 *эбдэндэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 5];
51 leg/foot ‘нога’ 4.35 *бөдэл* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 118];
52 liver ‘печень’ 4.45 *һақан* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 310];
53 long ‘длинный’ 12.57 *һоном* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 664];
54 louse ‘вошь’ 3.811 the head louse, 3.8112 the body louse *кумкэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 430];
55 mouth ‘рот’ 4.24 *амһо* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 38];
56 name ‘имя’ 18.28 *гөрбө* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 180];
57 navel ‘пупок’ 4.43 *инһэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 280];
58 neck ‘шея’ 4.28 *һикан* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 591];
59 new ‘новый’ adjective 14.13 *аңнамта* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 44];
60 night ‘ночь’ 14.42 *долбони* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 213];
61 nose ‘нос’ 4.23 *оһот* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 22];
62 not ‘нет’ 24.06 *ачча* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 60];
63 old ‘старый’ 14.15 *һаўди* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 53];
64 one ‘один’ 13.01 *өмөн* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 270];
65 rain ‘дождь’ 1.75 *удон* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 248];
66 red ‘красный’ 15.66 *һулан’а* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 343];
67 root ‘корень’ 8.54 *һиңтэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 662];
68 rope ‘веревка’ 9.19 *уһи* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 290];
69 to run (intransitive) ‘бежать’ 10.46 *тут-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 223];
70 salt ‘соль’ 5.81 *так* [ССТМЯ 1977: 153];
71 sand ‘песок’ 1.215 *он’оң* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 20];
72 to say ‘говорить, 18.22 *төрэ-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 222]; *гөн-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 171];
73 to see ‘видеть’ 15.51 *ит-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 334];
74 shade/shadow ‘тень’ 1.63 *һин’аң* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 315];

- 75 skin/hide 'кожа, шкура' 4.12 *нандо* 'кожа, шкура (животного)' < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 583]; *өртө* 'кожа (человека)' < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 467];
76 small 'маленький' 12.56 *көтлэн, көчүкэн* [ССТМЯ 1975: 421];
77 smoke 'дым' 1.83 *һаһин* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 63];
78 soil 'почва' 1.212 *он'оң* 'почва', 'глина', 'грязь', 'песок', 'пыль' < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 20]; *төр* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 217];
79 to stand 'стоять' 12.15 *илат-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 302];
80 star 'звезда' 1.54 *оһикат* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 27];
81 stone/rock 'камень' 1.44 *иһа* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 320]; *жол* < тунг. [ССТМЯ 1975: 263];
82 to suck 'сосать' 5.16 *өк-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 255];
83 sweet 'сладкий' 15.35 *далда, даһли* < тунг. [ССТМЯ 1975: 195];
84 tail 'хвост' 4.18 *һоу жи* 'хвост' < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 329];
85 to take 'брать, взять' 11.13 *га-* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 133];
86 thick 'толстый' 12.63 *дирам* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 207];
87 thigh 'бедро' 4.351 *гаһји* 'бедро'; *һаң* 'бедро' [ССТМЯ 1977: 315];
88 this 'это' 24.07 *эр* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 460];
89 to tie 'завязывать' 9.16 *уй-* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 250];
90 tongue 'язык' 4.26 *еһңэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 316];
91 tooth 'зуб' 4.27 *ит* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 300];
92 water 'вода' 1.31 *мө* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 548];
93 what? 'что?' 17.64 *иак* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 286];
94 who? 'кто?' 17.68 *һи?* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 660];
95 wide 'широкий' 12.61 *калбин* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 365]; *дэмңэ* [ССТМЯ 1975: 234]; *эмңэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 450];
96 wind 'ветер' 1.72 *эдэн, өдөн* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 438];
97 wing 'крыло' 4.392 *дэтлэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 231];
98 wood 'древесина' 1.43 *гол* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 159]; *мо* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 540];
99 yesterday 'вчера' 14.49 *тиһив* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 184];
100 you (singular) 'ты' 2.92 *һи* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 72].

Устойчивый словарный фонд эвенского языка представлен в основном словами тунгусо-маньчжурского происхождения, например:

2 arm/hand 'рука' 4.33 *һал* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 656]; эвенк. *һалэ*, нег. *һала*, сол. *на́ла*, ороч. *һала*, уд. *һала*, ульч. *һала*, орок. *һала*, нан. *һала*, ма. *һала* и т.д.

В изучаемом фонде обнаруживаются параллели, выявленные только в тунгусской группе тунгусо-маньчжурских языков, примеры:

81 stone/rock 'камень' 1.44 *жол* < тунг. [ССТМЯ 1975 : 263]; эвенк. *жоло*, нег. *жоло*, сол. *жоло*, ороч. *жоло*, уд. *жоло*, ульч. *жоло*, орок. *жоло*, нан. *жоло*;

83 sweet 'сладкий' 15.35 *далда, даһли* < тунг. [ССТМЯ 1975: 195]; эвенк. *дали*, нег. *далигди*.

В анализируемой группе слов прослеживаются слова, встречающиеся только в эвенском языке, примеры:

35 good 'хороший' 16.71 *ибго* [ССТМЯ 1975: 294];

76 small 'маленький' 12.56 *көтлэн, көчүкэн* [ССТМЯ 1975: 421]; авторы ССТМЯ 1975 считают слова *көтлэн, көчүкэн* 'маленький' однокоренными;

87 thigh 'бедро' 4.351 *һаң* 'бедро' [ССТМЯ 1977: 315];

95 wide 'широкий' 12.61 *дэмңэ* [ССТМЯ 1975: 234].

Из них в пунктах 35 и 95 представлены синонимы, выявляющиеся в других тунгусо-маньчжурских языках:

35 good ‘хороший’ 16.71 *ибго* [ССТМЯ 1975: 294]; *aj* < т.-ма. [ССТМЯ 1975: 18]

95 wide ‘широкий’ 12.61 *дэмңэ* [ССТМЯ 1975: 234]; *калбин* < т.-ма. [ССТМЯ 1975 : 365]; *эмңэ* < т.-ма. [ССТМЯ 1977: 450].

Эвенское 87 thigh ‘бедро’ 4.351 *һаң* ‘бедро’ [ССТМЯ 1977: 315] имеет синоним 87 thigh ‘бедро’ 4.351 *гаһји* ‘бедро’.

Спецификой устойчивого словарного фонда ламунхинского говора эвенского языка является наличие изолированных слов, примеры:

13 breast ‘грудь (женская)’ 4.41 *эммэ̄*;

87 thigh ‘бедро’ 4.351 *гаһји* ‘бедро’.

Если *эммэ̄* ‘грудь (женская)’ обнаруживает явление тунгусо-маньчжурского синонимизма, ср. эвен. *өкьн* ‘грудь (женская)’ < т.-ма. [ССТМЯ, 1977: 254], то *гаһји* ‘бедро’ имеет изолированный эвенский синоним *һаң* ‘бедро’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch reiner vergleichenden Grammatik / J. Benzing. – Wiesbaden, 1955. – 151 S.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

2. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. редактор В.И.Цинциус. – Л.: Наука, Т. I, 1975, Т. II, 1977 [ССТМЯ 1975, 1977].

Сокращения:

т.-ма. – тунгусо-маньчжурский

тунг. – тунгусский

эвенк. – эвенкийский язык

нег. – негидальский язык

сол. – солонский язык

ороч. – ороцкий язык

уд. – удэгейский язык

ульч. – ульчский язык

орок. – орокский язык

нан. – нанайский язык.

LEIPZIG-JAKARTA LIST OF THE WESTERN DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

I.N. Novgorodov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

V.S. Fedorenkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

The Leipzig–Jakarta list is studied in the western dialect of the Even language. The Leipzig–Jakarta list of the western dialect of the Even language dates back to the Manchu-Tungus vocabulary, it reveals the words presented only in the Tungus group & its northern subgroup, in the Even language, as well as in its local idiom.

Key words: *Leipzig-Jakarta list, Manchu-Tungus, Tungus, the Even language, dialect.*

Об авторах:

НОВГОРОДОВ Иннокентий Николаевич – доктор филологических наук, профессор-исследователь кафедры восточных языков и страноведения

Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, *e-mail:*
i.n.novgorodov@mail.ru

ФЕДОРЕНКОВА Валерия Степановна – ассистент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, *e-mail:*
valeria.141169@mail.ru

УДК 821.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. БРАУНА

А.В. Ткаля

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
Костанай, Казахстан

В статье рассматривается специфика функционирования прецедентных феноменов в дискурсе произведений Д. Брауна. Особенность функционирования заключается в применении коммуникативных рекламных стратегий, что является характеристикой идиостиля Д. Брауна.

Ключевые слова: прецедентные феномены, идиостиль, рекламный дискурс, коммуникативные рекламные стратегии, стратегия убеждения.

Использование прецедентных феноменов в литературном произведении следует рассматривать как персонифицированный процесс, поскольку в создании прецедентности принимают участие как автор, так и читатель. Кульминационный момент прецедентности поддерживается персонажами. Так, можно говорить о равном трехнаправленном воздействии прецедентности:

1) авторское воздействие – создание основного смысла произведения, выбор лингвистической наполненности текста;

2) воздействие персонажа – реализация заложенной автором семантики текста, отражение через речь персонажа мировоззрения автора или определенной эпохи, культуры, нации, социума и соответствующего пространства;

3) воздействие читателя – узнавание текстовых элементов и соотнесение их со знакомыми явлениями и понятиями, постоянная ретрансляция и воспроизведение, деформация и дополнение [Морозова [http](http://)].

Наиболее значительным для исследования является авторское воздействие, в чем проявляется не только создание основного смысла произведения, но и использование прецедентных феноменов в прагматических целях. Функцию воздействия на адресата можно отнести к одной из фунда-

ментальных составляющих прецедентности.

Особенность детективных романов Д. Брауна заключается в пересечении прагматической и аттрактивной функций. При этом данная характеристика заключается в реализации основных *рекламных коммуникативных стратегий*, применяемых в рекламном тексте, с которым часто сравнивают произведения автора. Рекламными коммуникативными стратегиями являются стратегии, связанные с непосредственным воздействием на мнения и установки адресата с целью убедить приобрести товар либо воспользоваться определёнными услугами, а также те, которые связаны с созданием определённого образа предмета.

В качестве основных коммуникативных стратегий авторы *англоязычного* рекламного дискурса используют стратегию создания определённого образа рекламируемого предмета и *стратегию убеждения*. Зачастую в рекламном дискурсе выдвигается некоторое положение, в истинности которого автор стремится убедить аудиторию. Стратегия убеждения реализуется посредством двух тактик: тактики внушения и тактики аргументации.

Суть тактики внушения состоит в том, что, стремясь внушить определённую мысль, субъект речевого воздействия апеллирует прежде всего к эмоциям, чувствам объекта речевого воздействия, стремясь привести его в определённое психологическое состояние. Внушение подготавливает почву для убеждающего воздействия. Суть тактики аргументации заключается в том, что в рекламной заметке выдвигается тезис, который доказывается автором в аргументирующей части с помощью ряда аргументов: фактических аргументов (фактическая информация о продукте или услуге); аргументов, содержащих ссылки на суждение авторитета. Важной характеристикой убеждения в рекламе является использование манипулятивных технологий как своеобразного способа социального воздействия на людей [Майстренко <http>]. Одним из средств манипулирования является введение адресатов в заблуждение, либо, как в нашем случае, сопровождение новыми сведениями универсально-прецедентных феноменов. С одной стороны, использование прецедентного феномена в данном контексте привлечет читателя, с другой – окажет прагматическое воздействие, и, помимо эмоциональной реакции (удивления), заставит читателя проверить предоставленную информацию:

*«**Amon**, Mal'akh corrected. Egypt is the cradle of your religion. The god Amon was the prototype for Zeus ... for Jupiter ...and for every modern face of God. To this day, every religion on earth shouted out a variation of his name. **Amen!** Amin! Aum!»* (Brown 2009: 229).

Заимствованный из Ветхого Завета, прецедентный текст Amen является самым распространенным религиозным термином, в равной мере близким иудаизму, христианству и исламу. Но не каждому читателю известно, что библейская цитация происходит от прецедентного имени «Amon» – древнеегипетского бога Солнца.

«Okay, but you can't be serious about the last thing.» Katherine glanced

*over, her pretty eyes flashing skepticism. «A statue of **Darth Vader**?» Langdon chuckled. «**Luke Skywalker's dark father? Absolutely. Vader is one of the National Cathedral's most popular grotesques.**» He pointed high into the west towers. «**Tough to see him at night, but he's there.**» «**What in the world is Darth Vader doing on Washington National Cathedral?**» «A contest for kids to carve a gargoyle that depicted the face of evil. **Darth won**» (Brown 2013: 367).*

В приведённом отрывке прецедентные имена персонажей знаменитой киноэпопеи «Звездные войны» и упоминание Вашингтонского кафедрального собора, выполняют несколько функций: привлекают читателя, поскольку создаётся комический эффект (скульптурное изображение Дарта Вейдера на главном соборе Епископальной церкви США выглядит комично), а также прагматическую – заставляют читателя проверить достоверность изложенного. Также очевидно применение стратегии убеждения. Героине была предоставлена информация, в правдивости которой она сомневалась (*skepticism*), но, поскольку использовались фактические аргументы (*A contest for kids to carve a gargoyle that depicted the face of evil. Darth won*) данная стратегия сработала:

*«To this day, children still shout 'abracadabra' in hopes of creating something out of nothing. Of course, we've all forgotten that this word is not a toy; it has roots in ancient Aramaic mysticism—**Avrah KaDabra** – meaning 'I create as I speak.'*» (Brown 2013: 208).

Avrah KaDabra действительно переводится как «создавать/творить словом». Однако у читателя возникает ассоциация с другим прецедентным текстом – заклинанию смерти из серии романов о Гарри Поттере «Авада Кедавра». Таким образом, автор привлекает внимание ссылкой на другое популярное произведение, и, так как «Авада Кедавра» переводится как «Я убиваю словом» (*Авада* на арамейском означает «Я убиваю», *Кедавра* – «как я сказал», хотя возможны и другие интерпретации фразы *Авада Кедавра*), у читателей также возникнет необходимость удостовериться в сказанном, несмотря на то, что писателем использована тактика аргументирования.

Следующий пример также иллюстрирует специфичность функционирования прецедентных феноменов – пересечение аттрактивной и прагматической функций:

«Do you see Moses?» Langdon gazed at the library's celebrated statue of Moses. «He has horns.» «I'm aware of that.» «But do you know why he has horns?» The Moses above them had horns for the same reason thousands of Christian images of Moses had horns – a mistranslation of the book of Exodus. The original Hebrew text described Moses as having «karan 'ohr panav» – «facial skin that glowed with rays of light» – but when the Roman Catholic Church created the official Latin translation of the Bible, the translator bungled Moses's description, rendering it as «cornuta esset facies sua,» meaning “his face was horned.” From that moment on, artists and sculptors, fearing reprisals if they were not true to the Gospels, began depicting Moses with horns. «It was a simple mistake,» Langdon

replied. «A mistranslation by Saint Jerome around four hundred A.D.» Belamy looked impressed. «Exactly. A mistranslation. And the result is ... poor Moses is now misshapen for all history.» «Misshapen» was a nice way to put it. Langdon, as a child, had been terrified when he saw Michelangelo's diabolical "horned Moses" – the centerpiece of Rome's Basilica of St. Peter in Chains» (Brown 2013: 453).

Читателя заинтересует сообщение о том, что статуя библейского пророка Моисея имеет рога, однако, чтобы убедить читателя, автором даются пояснения.

В таких случаях также следует говорить о вмонтированных в структуру текста принципах интернетного инфорсерфинга (терм. И.Л. Савкиной), создающих у читателя – пользователя современных технологий чувство узнавания и понимания [Савкина [http](#)]. Читатель узнает интертекстуальный элемент, он становится прецедентным, но сопутствующая информация вызывает сомнения, вследствие чего автор либо даёт отсылку к экспертному тексту, который утверждает свою компетентность с помощью ссылок на многочисленные документы или псевдодокументы (при этом истинное качество «экспертности» так же мало поддаётся проверке как и в Интернет-ссылках) либо позволяет читателю самостоятельно воспользоваться другими источниками информации (что также чаще всего оказывается Интернетом). Таким образом, читатель получает множество попутных полезных и удовлетворяющих прагматическое любопытство сведений.

К примеру, в следующем отрывке мы наблюдаем, как автором, при упоминании имени ветхозаветного патриарха, добавляется комментарий (через речь персонажа), что Ной был альбиносом:

«Were you not aware that Noah himself was an albino?» «Noah of the Ark?» Silas had never heard this. «Indeed, Noah of the Ark. An albino. Like you, he had skin white like an angel» (Brown 2009: 317).

Произведения Д. Брауна часто критикуются за использование недостоверной информации относительно широко известных феноменов, то есть прецедентов. Однако автор не преследует своей целью создать документальное произведение, напротив, его работы – художественный вымысел. Более того, Д. Браун намеренно соединяет факты и вымысел в очень современной и эффективной манере, чтобы рассказать историю [Brown [http](#)]. Приведём наиболее яркие примеры использования прецедентных феноменов, информация о которых является более чем недостоверной, однако преподносится автором таким образом, что создаётся эффект реальности, эффект сенсационности и скандальности фактов:

«Langdon quickly told her about works by Da Vinci, Botticelli, Poussin, Bernini, Mozart, and Victor Hugo that all whispered of the quest to restore the banished sacred feminine. Enduring legends like Sir Gawain and the Green Knight, King Arthur, and Sleeping Beauty were Grail allegories. Victor Hugo's Hunchback of Notre Dame and Mozart's Magic Flute were filled with Masonic symbolism and Grail secrets. «Once you open your eyes to the Holy Grail,» Langdon said, «you see her everywhere. Paintings. Mu-

*sic. Books. Even in cartoons, theme parks, and popular movies.» Langdon held up his **Mickey Mouse** watch and told her that **Walt Disney** had made it his quiet life's work to pass on the Grail story to future generations. Throughout his entire life, Disney had been hailed as "**the Modern-Day Leonardo da Vinci**." Both men were generations ahead of their times, uniquely gifted artists, members of secret societies, and, most notably, avid pranksters. Like Leonardo, Walt Disney loved infusing hidden messages and symbolism in his art. For the trained symbolologist, watching an early Disney movie was like being barraged by an avalanche of allusion and metaphor. Most of Disney's hidden messages dealt with religion, pagan myth, and stories of the subjugated goddess. It was no mistake that Disney retold tales like Cinderella, Sleeping Beauty, and Snow White – all of which dealt with the incarceration of the sacred feminine. Nor did one need a background in symbolism to understand that **Snow White** – a princess who fell from grace after partaking of a poisoned apple – was a clear allusion to the downfall of Eve in the Garden of Eden. Or that **Sleeping Beauty's Princess Aurora** – code-named "Rose" and hidden deep in the forest to protect her from the clutches of the evil witch – was the Grail story for children. When Langdon had first seen **The Little Mermaid**, he had actually gasped aloud when he noticed that the painting in Ariel's underwater home was none other than seventeenth-century artist Georges de la Tour's *The Penitent Magdalene* – a famous homage to the banished **Mary Magdalene** – fitting decor considering the movie turned out to be a ninety-minute collage of blatant symbolic references to the lost sanctity of Isis, Eve, Pisces the fish goddess, and, repeatedly, **Mary Magdalene**. The Little Mermaid's name, Ariel, possessed powerful ties to the sacred feminine and, in the Book of Isaiah, was synonymous with "the Holy City besieged. «Of course, the Little Mermaid's flowing red hair was certainly no coincidence either» (Brown 2009: 387).*

Данный отрывок изобилует прецедентным текстом в форме упоминаний имен деятелей искусства, названий их произведений, сказочных персонажей, упоминаний библейского и мифологического характера. Прецедентные феномены создаёт иллюзию истины и важности изображаемых событий, автор привлекает внимание необычностью использования знакомого читателю имени (названия).

В следующем примере использована библейская аллюзия на строки из Откровения об особом числе, часто используемым как элемент сатанинской атрибутики, и добавочные сведения о пирамиде Лувра:

*«He wondered if Fache had any idea that **this pyramid**, at President Mitterrand's explicit demand, had been constructed of exactly **666** panes of glass – a bizarre request that had always been a hot topic among conspiracy buffs who claimed **666 was the number of Satan**» (Brown 2009: 15).*

Данные сведения являются неверными, поскольку пирамида Лувра насчитывает 673 стеклянных сегмента, однако многие читатели, находясь под впечатлением от романа Д. Брауна «Код да Винчи» поверили в мистический смысл пирамиды. Возможно, одной из причин явилась тактика аргументирования с использованием прецедентного имени президента Франсуа Миттерана (ссылка на авторитет): *at President Mitterrand's explicit demand.*

Как мы видим из приведенных выше примеров, использование прецедентных феноменов в произведениях Д. Брауна характеризуется специфичностью – применением рекламных стратегий. Многим может показаться, что Д. Брауном была развернута огромная рекламная кампания – известные читателям сведения, преподнесенные в новом свете, привлекли внимание и возымели прагматический эффект. Эффект исторической достоверности и «реальности» достигается с помощью прецедентных феноменов. Автор заявляет, что «в книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов», при этом данные автором комментарии относятся к широко узнаваемым феноменам культуры. Как утверждает Л. Хатчен, подобные «комментарии» постмодернистский текст, заимствует у историографического письма с целью выйти за пределы фикционального в реальный мир, стимулировать читательское внимание, вовлекать его в динамику «рассказа»: «исторические документы, привнесенные в вымысел, обладают потенциальным эффектом разрушения любой иллюзии, делая читателя бдительным соучастником, а не пассивным потребителем» [Hutcheon 1989: 87]. Однако анализ произведений Д. Брауна показывает, чем больше массовая словесность утверждает «реальность» повествуемого, тем больше она стремится к крайностям формульной литературы, к фикциональному как к фальсификации [Кавелти 1996:33]. Формульная литература должна соответствовать читательским ожиданиям, её основная цель – удовлетворение потребности в эскапизме. Оригинальность приветствуется, если она усиливает ожидаемые переживания, существенно не изменяя их. Формула создаёт свой собственный мир, который становится близок, вследствие многократного повторения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Е.Л. Явление прецедентности в романах Д. Брауна: функциональный и культурологический аспекты [Электронный ресурс] / Е.Л. Морозова – Ставрополь, 2010. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004868759.pdf
2. Майстренко Г.А. Основные коммуникативные стратегии авторов англоязычного рекламного дискурса. [Электронный ресурс] / Г.А. Майстренко, Л.С. Банникова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-kommunikativnyie-strategii-avtorov-angloyazychnogo-reklamnogo-diskursa>
3. Савкина И.Л. Книги, всем понятные, или почему читают и исследуют массовую литературу? [Электронный ресурс] / И.Л. Савкина, 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/knigi-vsem-ponyatnye-ili-pochemu-chitayut-i-issleduyut-massovuyu-literaturu>
4. Brown D. Dan Brown on dealing with criticism [Электронный ресурс]. / D. Brown. – URL: <https://www.today.com/>
5. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism / L. Hutcheon. – L., N.Y.: Routledge, 1989. – P. 87-88.
6. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Дж. Г. Кавелти // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33-63.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Brown D. The Da Vinci Code [Text]/Brown D. - London: CORGI BOOK, ISBN 978-0-55215971-5, 2009. – 590 p.

Brown, D. The Lost Symbol [Text]/Brown, D. - London: Random house, ISBN 9780593054277, 2013. – 510 p.

USE OF THE PERSUASIVE STRATEGY IN THE DISCOURSE OF THE NOVELS BY D. BROWN

A.V. Tkalya

A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan
The article deals with the specific nature of the functioning of precedent phenomena in the discourse of the novels by D. Brown. The peculiarity of the functioning lies in the application of communicative advertising strategies – a characteristic of D. Brown's idiosyncrasy.

Key words: precedent phenomena, idiosyncrasy, discourse of advertising, communicative advertising strategies, persuasive strategy.

Об авторе:

ТКАЛЯ Алёна Викторовна – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, *e-mail*: alyona.tkalya.93@mail.ru

УДК 811.161.1'38

РОЛЬ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА В ПЕРЕГОВОРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Е.В. Яценко

Российский государственный социальный университет, Москва

В статье дается определение переговорного процесса. Рассматриваются особенности проведения переговоров. Дается определение понятию деловой текст. Определяется роль последнего в переговорном процессе.

Ключевые слова: текст, деловой текст, переговоры, переговорный процесс.

Речевая деятельность человека выражается в практических потребностях реальной жизни. Навыки коммуникации являются обязательной составляющей для социализации человека. Существуют различные типы коммуникаций: внутриличностная (личностная), межличностная, внутригрупповая, межгрупповая и массовая. В рамках данной статьи мы хотим подробнее рассмотреть деловую коммуникацию, которая является одним из видов межличностной коммуникации. [Иссерс 2009: 33]

Деловая коммуникация лежит в сфере официальных отношений и направлена на решение конкретной проблемы или достижение необходимого результата, исходя из общих интересов и целей оппонентов. Выдающиеся ораторские способности: наличие представлений о правилах, фор-

мах и методах ведения коммуникации, определенный набор знаний в области деятельности, грамотное составление деловых бумаг, знания и навыки, необходимые для успешного проведения переговоров – одни из характеристик, которые работодатели надеются встретить среди будущих сотрудников бизнес-структур. Процесс глобализации и развитие IT-технологий влияют на расширение требований определенных характеристик у работника компании.

В своей работе С.В. Данилова приводит следующее определение важному, в рамках данного исследования, понятию деловое общение: «Деловое общение – это процесс взаимосвязи и взаимодействия, в котором происходит обмен деятельностью, информацией и опытом, предполагающим достижение определенного результата, решение конкретной проблемы или реализацию определенной цели» [Данилова 2016: 112-113].

Определяемое официально-деловым стилем речи, деловое межличностное общение требует постановки конкретной цели и решения конкретных задач. Прекращение взаимодействия с партнером не предоставляется возможным в данном виде общения. По крайней мере, без потерь для обеих сторон. Одним из видов делового общения можно считать переговоры или переговорный процесс.

Переговоры или переговорный процесс – это вид коммуникации, который происходит между несколькими сторонами. Цель проведения переговоров определяет существование множества его видов. Так выделяют такие виды, как: соглашение о сотрудничестве, заключение договора, координации деятельности и т. д. [Данилова 2016: 112-113].

Каждая из сторон, которая участвует в переговорном процессе, действует в интересах достижения определенных целей. Данные цели могут не быть идентичными, так как у этих людей, скорее всего, отличное друг от друга образование, опыт в сфере деятельности и т.д. При этом во время проведения переговоров каждая из сторон имеет равные возможности в контроле ситуации и принятии решения. Цель переговоров состоит в нахождении взаимоприемлемого решения задачи, т.е. взаимная договоренность по какому-то определенному вопросу [Бутакова 2014: 169-170].

Как же происходит переговорный процесс?

Данный процесс включает в себя несколько стадий: организация переговоров, подготовка к переговорам, ведение переговоров, завершение переговоров, анализ итогов переговоров.

Организация переговоров – это один из важнейших этапов их проведения. Обычно он включает в себя выяснение предпочтительного места проведения и даты; договоренность о предмете переговоров и отдельных пунктах обсуждения, установление и утверждение регламента переговоров [Сейранов 2015: 250].

Переговоры – это коммуникативный процесс, проводимый с определенной целью. Требуется не только знать и понимать цель, но и правильно

уметь ее формулировать. Грамотная постановка цели и задач занимает определенное время. Как правило, тщательной работы требует и создание хорошей деловой речи. Импровизация допустима только в том случае, если речь строится на основе хорошо известного материала, достаточного багажа знаний и большого опыта публичных выступлений.

Разработка речи начинается с определения ее темы, направленности и оценки состава слушателей и обстановки. На этом этапе необходимо выбрать: стратегию, тактику, определить и сформулировать свое видение проблемы, предложения по ее решению.

Прежде всего целесообразно составить предварительный план речи, т.е. рабочий план, который необходим в процессе сбора информации. Нахождение точки пересечения интересов, от которой нужно исходить для решения дальнейших вопросов, – это один из самых важных пунктов для успешного проведения переговорного коммуникативного процесса. Для этого нужно узнать, что другая сторона ожидает от переговоров, какова степень их заинтересованности, зависимы ли от других участников переговоров. Умело подобранные факты и цифры обогащают речь, делают ее конкретной и убедительной.

Впоследствии рабочий план может так и остаться планом (кратким или развернутым) или стать тезисами, конспектом или даже полным текстом выступления [Кохтев 1994: 87-93].

Вести переговоры намного труднее, чем представляется во время подготовки к ним. Ведение переговоров включает в себя оценку ситуации, подачу позиции, защиту позиций (аргументацию). Обычно поведение участников соответствует одному из нескольких подходов: противостояние (отстаивание своих позиций, «выигрыш» на одних переговорах может повлечь за собой стремление партнера «взять реванш»), дружеский (более слабая сторона ведет себя заискивающе и ожидает от партнера по переговорам «дружеского» к себе отношения), партнерский (поиск взаимоприемлемого решения).

Реальная практика требует готовности к различного рода «грязным» уловкам, поэтому, прежде всего, не стоит забывать о контроле эмоций, который позволяет сосредоточеннее слушать. Негативные чувства не позволяют сосредоточиться на собеседнике, на его речи, мешают осмыслить сказанное и отвлекают от сути. Также требуется наличие терпения и самодисциплины, навыков невербального общения. Обладая этими качествами и применяя их на практике, вы вербальными и невербальными методами показываете собеседнику, что заинтересованы в его словах.

Последний этап проведения переговоров обычно включает в себя следующие составляющие: подведение итогов; резюмирование предложений; договоренность о следующей встрече, составление отчета. Последний пункт включает в себя анализ ошибок, анализ хода переговорного процесса, анализ достижений.

Для оратора же после произнесения речи необходимо провести ее анализ. Прежде всего, это нужно для того, чтобы выделить и учесть ее недостатки. Речевое самосовершенствование – задача говорящего. Он должен думать, как в следующий раз добиться лучшего контакта со слушателями и большего эффекта. [Сейранов 2015: 252]

На всех этапах ведения переговоров происходит деловая коммуникация (устная и письменная) между сторонами. В основу делового общения ложится деловой текст. Но, прежде чем дать ему определение, следует разобраться с тем, что такое текст.

Существует множество определений понятию текст, мы же воспользуемся приведенным в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: «Текст – внутренне организованная последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению» [Ожегов [http](http://)].

Традиционно принято делить текст по следующим функциональным стилям: научный стиль, разговорный стиль, художественный стиль, публицистический стиль, официально-деловой стиль. Нас же интересует последний из перечисленных стилей.

Конечно, стоит отметить, что официально-деловой стиль или же просто деловой стиль используется в основном в письменной речи для оформления документов: приказов, постановлений, протоколов и т.д. Многие из данных видов документов имеют общепринятые формы изложения и расположения материала, т.е. используются клише. Основой данного стиля является деловой текст, который также является и средством речевого общения в сфере официальных отношений. В устной речи также используются клише, которые упрощают и ускоряют деловую коммуникацию.

Также следует отметить, что, хотя ораторская речь и готовится по книжным источникам, произносится она вслух. Отсюда неизбежно использование в публичных выступлениях элементов разговорного стиля, который теснейшим образом связан с устной формой речи. Это выражается в привлечении разговорных слов и фразеологизмов, в использовании вопросительных, восклицательных, простых по конструкции предложений. Как правило, говорящий стремится избегать причастных и деепричастных оборотов и чрезмерно длинных предложений [Гаджиева 2016: 60-61].

На основе всего вышеуказанного, мы вполне обоснованно можем говорить, что деловой текст играет некую роль в переговорном процессе. Но теперь нам стоит разобраться, какая именно это роль. Для этого стоит обратиться к примерам из учебника В.В. Сдобникова и Е.В. Калинина.

Проведя анализ примеров протоколов бизнес переговоров из 1, 2, 22, 23, 24, 29, 30 уроков учебника можно сразу же отметить наличие определенной структуры, а также синонимичные клишированные фразы.

Примерная структура переговорного процесса:

1. Стандартные фразы приветствия, знакомства, начала беседы.

«Здравствуйте, господин Смит! Я к вам по делу.»

«Господин Никитин, как ваши дела? Присаживайтесь.»

«Надеюсь на взаимовыгодное сотрудничество.»

2. Запрос информации, выяснение интересов.

«А какие типы двигателей вы поставляете вместе с компрессором?»

«Вы гарантируете качество материала и нормальную работу компрессора?»

«Поставка на условиях «фоб» будет осуществлена в течение семи дней.»

«Согласно среднесрочной стратегии развития банка, за 2010-2011 гг. планируется увеличить оборотный капитал на 22%.»

«В уставе компании имеется ссылка на положение статьи 117 закона «О компаниях» в редакции от 20 января 1997 года.»

«28-ого числа прошлого месяца на счет номер 1038562658717 поступило 92 356 рублей.»

«Источник в правительстве РФ сообщает о том, что строительство объектов к саммиту АТЭС во Владивостоке идет согласно графику.»

«Сообщаем вам об уменьшении процентной ставки по автокредитам в нашем банке до 18 процентов годовых.»

«Предприятие вышло на первое место в стране по выпуску изделий из пластмассы.»

«Реализация программы позволила создать в сельской местности 117 тысяч новых рабочих мест.»

«В мае 2007 года акционерами ВТБ стали более 120 граждан, которые приобрели акции ВТБ стоимостью 13,6 копейки за штуку на общую сумму 1,6 миллиарда долларов.»

«По итогам 1 квартала 2009 года в России около 96,4 миллиона пользователей сотовой связи, которые имеют более 190 миллионов SIM-карт.»

«В 2008 г. «Газпром» добыл 549,7 млрд. куб. м газа. Последний прогноз на этот год (самая пессимистичная оценка) – минус 10,5% до 492 млрд. куб. м.»

3. Выдвижение предложений, аргументация.

«Я удивлен, что незначительное повышение стоимости материалов мешает вам предоставить нам скидку, учитывая размер нашего заказа.»

«Не могли бы вы ускорить поставку?»

«Эксплуатация новых мощностей позволит окупить затраты на них за 18 месяцев.»

«Новое совместное предприятие получит контроль над 57% рынка автокомпонентов.»

«Если товар будет доставлен в отличном состоянии, Вы можете рассчитывать на дальнейшие наши заказы.»

4. Подведение итогов.

«Ну что ж, это нас устраивает. До свидания, господин Смит.»

«Хорошо. У меня есть еще ряд вопросов относительно условий платежа, но давайте обсудим их завтра.»

«Подписание нового соглашения намечено на 13.30 вторника 9 июня.»

«Поскольку нас не устраивают Ваши условия, мы вынуждены отказаться от дальнейших переговоров.»

[Сдобников 2010: 12-13, 20-21, 227-228, 242, 256-257, 330, 344-345]

Как видно из примеров в 1 пункте, в основном присутствуют стандартные фразы начала любой официальной беседы: «Здравствуйте», «Добро пожаловать», «Мы рады приветствовать», «Перейдем сразу к насущным вопросам» и т.д.

Во 2 и 3 пункте сложнее найти определенные клише, но они также присутствуют. Например: «Нам следует уточнить детали», «Какие товары вы продаете?», «Под какие проценты Вы выдаете кредит?», «Поставка наших товаров осуществляется...», «Готовы ли Вы нам предоставить скидку?» и т.д. То есть в основном фразы, направленные на уточнение того или иного вопроса, в рамках цели проведения переговоров.

В 4 пункте – стандартные фразы окончания официальной беседы, а также подведения результатов переговоров: «До свидания», «Следующая наша встреча пройдет...», «С Вами приятно было иметь дело».

Все эти фразы есть не что иное, как клише, которое используется в основном только в деловом общении. А как мы уже ранее отмечали: переговорный процесс – это один из видов деловой коммуникации. Без всех этих фраз, которые являются частью делового текста, не может существовать делового общения. Следовательно, без делового текста не может быть и переговорного процесса.

Однако при этом нельзя отрицать, что главным в беседе являются субъекты, а не их беседа (текст). В переговорном коммуникативном процессе представлены и субъекты, но в тексте сопрягаются их деятельность, их взгляды, их позиции, столкновения позиций. Через текст говорящий перестраивает деятельность адресата, воздействует на него, манипулирует им.

Отсюда мы можем сделать вывод, что деловой текст как разновидность деловой коммуникации, играет одну из главных ролей в переговорном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутакова Л.О. Психолингвистическое моделирование процессов восприятия и понимания официально-деловых текстов профессионалами / Л.О. Бутакова // Вестник Омского университета. – 2014. – №4 (74). – С.169-174.
2. Гаджиева Л.А. К вопросу о категории автора в деловом тексте / Л.А. Гаджиева // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. трудов Международн. научно-практ. конф. – Тверь, 2016. – С.57-60.
3. Данилова С.В. Деловые переговоры как основная форма деловой коммуникации / С.В. Данилова // Филология и лингвистика в современном обществе: мат-лы IV Межд. научн. конф. (Москва, июнь 2016 г.). – М., 2016. –С.112-114.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие. Учебное пособие / О.С. Иссерс. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 224 с.
5. Кохтев Н.Н. Риторика / Н.Н. Кохтев. – М.: Просвещение, 1994. – 207 с.
6. Сейранов С.Г. Переговорный процесс как инструмент установления деловых связей / С.Г. Сейранов, М.Н. Богомолова // Уч. записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – СПб., 2015. – №5(123). – С.248-254.
7. Сдобников В.В. 30 уроков устного перевода. Английский язык: Учебник / В.В.

Сдобников, К.Е. Калинин. – М.: Восточная книга, 2010. – 384 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – URL: [http:// http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31523](http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31523)

**ROLE OF BUSINESS TEXT
IN A NEGOTIATION COMMUNICATIVE PROCESS**

E.V. Iatsenko

Russian State Social University, Moscow

The definition of negotiating process is given in this article. Specifics of negotiations conduct are studied. The definition of the business text is given. The role of the latter in the negotiation process is determined.

Key words: text, business text, negotiations, negotiation process.

Об авторе:

ЯЦЕНКО Елена Владимировна – студентка магистратуры кафедры лингвистики и перевода Российского государственного социального университета; *e-mail:* nysikys@mail.ru

Переводоведение

З.Т. Алыспаева

А.Н. Злобин

Т.В. Злобина

Е.С. Кривда

П.А. Серебряков

В.Д. Таюрский

УДК 811

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

З.Т. Алпыспаева

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
Костанай, Казахстан.

В статье рассматриваются проблемы передачи безэквивалентной лексики при переводе художественного текста, выявляются основные причины и трудности, обуславливающие лексическую безэквивалентность, приводятся примеры.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, калькирование, элиминация, транслитерация, окказиальные соответствия.

Язык – передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им (как родным, так и иностранным), то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия. В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям. Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [Тер-Минасова 2000: 7].

В последнее время большое количество работ, так или иначе затрагивающих проблему «язык и культура», свидетельствует об актуальности изучения явлений языка в их соотносительности с его кумулятивной, культурноносной функцией в переводческом аспекте. Это предполагает выявление национально-культурной специфики языковых единиц и, прежде всего, слова как комплексной единицы языка и культуры и определение способов достижения их эквивалентности. Среди национально окрашенных пластов лексики особое место занимает безэквивалентная лексика (далее БЭЛ). Под безэквивалентной лексикой Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры, но и отсутствующим в культуре, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин 1980].

Л.К. Латышева определяет БЭЛ как слова и устойчивые словосочетания ИЯ, не имеющие в системе ПЯ соответствий в виде лексических единиц (одного из вышеописанных типов). Отсутствие в ПЯ лексического эквива-

лента для лексической единицы ИЯ не означает, однако, что ее значение вообще не поддается воспроизведению при переводе. Лексическая безэквивалентность в переводе в основном имеет не абсолютный, а относительный характер, и о ней вообще можно было бы не говорить, если бы она не была связана с определенными и достаточно специфическими переводческими трудностями, о которых нужно знать и которые необходимо уметь преодолевать. Причиной безэквивалентности слов-реалии является отсутствие в практическом опыте носителей языка перевода предметов или явлений, а стало быть, и понятий, обозначенных этими словами. По своей природе временно-безэквивалентные термины близки к словам-реалиям. Их безэквивалентность обусловлена неравномерным распределением достижений в области науки и в социальной сфере, в результате чего новшество, присутствующее в практическом опыте носителей исходного языка, может быть практически неизвестно носителям переводящего языка. Случайные безэквиваленты обозначают предметы и явления, которые присутствуют в практическом опыте как носителей иностранного языка, так и носителей переводного языка, но в последнем по каким-то (не всегда объяснимым причинам) не получили своего наименования. В лингвистической литературе случайные безэквиваленты чаще всего именуется «случайными лакунами». Однако, по мнению Л.К. Латышева, этот термин неудачен, ибо он представляет собой семантический нонсенс. Когда говорят о безэквивалентной лексике, имеют в виду лексику исходного языка, в то время как лакуны (пустоты) как таковые имеют место не в исходном, а в переводящем языке [Латышев2005: 166-173].

Традиционно в переводоведении выделяют следующие способы передачи безэквивалентной лексики при переводе:

1. Транслитерация – в качестве переводческого эквивалента безэквивалентной единицы ИЯ используется ее графическо-фонетическое обозначающее, воспроизводимое в письменном переводе буквами ПЯ.

2. Калькирование – составные части безэквивалентной лексической единицы (морфемы безэквивалентного слова или лексемы безэквивалентного устойчивого словосочетания) заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода.

3. Приближенный перевод – вместо иностранной реалии переводчик использует реалию ПЯ, которая обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с реалией ИЯ.

4. Элиминация национально-культурной специфики – при переводе реалии ее национально-культурная специфика опускается.

5. Описательный перевод-передача значения БЭД с помощью развернутого описания. Данный способ наиболее полно раскрывает суть явления, обозначенного безэквивалентной лексической единицей.

Рассмотрим некоторые примеры передачи БЭЛ при переводе художественного текста. При переводческом анализе мы будем опираться на

классификацию приемов перевода (типов окказиональных соответствий), предложенную В.К. Комиссаровым и особый класс приемов, предложенный Л.К. Латышевым.

Материалом для нашего исследования послужил роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» и его англоязычный перевод, выполненный Луизой и Эйлмером Мод (Louise and Aylmer Maude) и являющийся на сегодняшний день официальным. По мнению литературных критиков, эту интерпретацию романа, опубликованную в 1923 году, можно назвать полным вариантом произведения, который верно и точно отражает действительность того времени. Во многом это стало возможным благодаря тому, что авторы перевода были современниками Л.Н. Толстого, и, более того, живя долгое время в России, они были знакомы с ним лично.

Проанализируем следующий пример БЭЛ, относящийся к реалиям русской культуры:

«А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показатьсятам,» сказал князь. «Дочь заедет за мной и повезет меня.»

«And the fete at the English ambassador's? Today is Wednesday. I must put in an appearance there,» said the prince. «My daughter is coming for me to take me there».

Толковый словарь Ожегова дает следующие определения общественно-политической реалий *князь*:

«Князь, -я, мн. ч. -зья, -зей.

1. В феодальной Руси: предводитель войска и правитель области. Киевские князья. Удельный князь

2. Наследственный титул потомков таких лиц или лиц, получавших его при царизме в награду, а также лицо, имеющее этот титул» [Ожегов 1996].

При переводе данного слова был использован функциональный аналог «*prince*», что не совсем точно передает семантику и культурную коннотацию переводимого слова, так как согласно словарю [Cambridge English Dictionary <http>] слово *prince* имеет следующие значения:

1. An important male member of a royal family, especially a son or grandson of the king or queen;

2. A male ruler of a country, usually a small country.

«Приехала и известная, как *la femme la plus séduisante de Pétersbourg*, молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в большой свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера».

«She had been married during the previous winter, and being pregnant did not go to any large gatherings, but only to small receptions».

В данном примере отсутствует эквивалент русского фразеологизма «выйти в свет» ('предстать перед людьми, появляться в обществе; обнаруживаться'). В переводе использовали описательный перевод, который позволяет раскрыть смысл фразеологизма.

«Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла стол с рабочей сумочкою на руке и, весело опираясь пла-

тье, села на диван, около серебряного самовара, как будто всё, что она ни делала, было *part de plaisir* для нее и для всех ее окружавших».

«The little princess went round the table with quick, short, swaying steps, her workbag on her arm, and gaily spreading out her dress sat down on a sofa near the silver samovar, as if all she was doing was a pleasure to herself and to all around her».

По определению словаря Ожегова: *самовар, муж.* 1. Металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями.

В данном примере, используя транслитерацию, переводчик избегает толкования нового понятия и связанного с этим риска неверной его интерпретации, так как в английском языке отсутствует аналог слова «самовар».

«Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели».

«Anna Pavlovna's reception was in full swing. The spindles hummed steadily and ceaselessly on all sides».

В этом отрывке романа слово «веретено» является безэквивалентным словом. Веретено – это общеславянское слово, называющее древнее приспособление для прядения. В переводе на английский язык использовано слово «spindle», что является приближенным переводом, так как согласно [Cambridge English Dictionary] оно означает ‘a part of a machine around which something turns, or a rod onto which thread is twisted when it is spun (= made by twisting)’.

«Он мне сам говорил, что все московские барыни сговорились отдать ему всех своих детей в адъютанты»

«He told me himself that all the Moscow ladies have conspired to give him all their sons as adjutants».

В данном контексте безэквивалентная единица «барыни» переведена словом с более широким значением «ladies»:

Барыня *жен.* боярин, господин – человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит, в противоп. слуге, служителю [Ожегов 1996]. Переводчик использовал приближенный перевод, используя соответствие-аналог, созданное путем подыскания ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ.

«Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и улыбаясь разошлись – немец в коровник, а Ростов в избу, которую занимал с Денисовым».

«Though neither the German cleaning his cowshed nor Rostov back with his platoon from foraging for hay had any reason for rejoicing, they looked at each other with joyful delight and brotherly love, wagged their heads in token of their mutual affection, and parted smiling, the German returning to his cowshed and Rostov going to the cottage he occupied with Denisov».

В данном случае реалией является слово изба (этнографическая реалья подкласса «быт») – деревянный крестьянский дом. При переводе был подобран функциональный аналог *cottage* – «a small house, typically one in the

country. Эквивалент «cottage» имеет более широкое значение, так как, во-первых, изба строится в основном из древесных материалов, а во-вторых, в ней живут преимущественно крестьяне. В английском варианте романа несколько утерян исторический и национальный колорит, который несла в себе данная лексическая единица. В данном случае более уместно было бы использование функционального аналога log cabin – «a small simple house made of logs in the countryside or in the mountains». Данное строение имеет много схожих черт с русской избой: оно строилось из бревен, располагалось обычно в сельской местности, а также в нем проживали бедные слои общества, Log cabins были особенно распространены в Европе и Америке в начале XVI века. При помощи параллельных корпусов английского и русского языков было установлено, что в русских литературных произведениях конца XVIII-нач. XIX вв. реалия «изба» зачастую переводилась посредством функционального аналога log cabin.

Таким образом, безэквивалентная лексика – это лексические единицы, обозначающие аутентичные явления определенной лингвокультуры, которые не находят адекватных эквивалентов на аналогичном уровне плана выражения в других языках. В результате сопоставительного анализа БЭЛ на материале текстов оригинала и перевода на английский язык романа Л. Толстого «Война и мир» было выявлено, что в большинстве случаев эквивалентность русских и английских лексических единиц была достигнута с помощью таких приемов как калькирование, транслитерация, приближенный перевод, элиминация национально-культурной специфики, описательный перевод. Однако некоторые английские эквиваленты лексических единиц языка-перевода неточно передают их подлинные значения и требуют для представителей иной лингвокультуры дополнительного объяснения или подбора другого, более адекватного варианта.

Проведенное исследование показало, что особенности языковой картины мира определяются отражением в содержании языковых единиц специфических элементов культуры данного языкового коллектива. Но различные языковые картины мира не создают непреодолимых препятствий для общения и взаимопонимания между людьми, говорящими на разных языках. Несовпадающие способы представления информации при описании аналогичных явлений успешно приравниваются, заменяются или интерпретируются в процессе перевода, обеспечивая возможность межъязыковой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода: (лингвистические аспекты) Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Латышев Л.К. Технология перевода: монография / Л.К. Латышев. – М.: Академия, 2005. – С.166-173.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для сту-

дентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультур. Коммуникация» / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 261 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Аз, 1996. – 900 с.
6. Cambridge English Dictionary: Meanings & Definitions [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Толстой Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой. – М.: Terra, 1996. – 308 с.

Tolstoy L.N. War and Peace [Электронный ресурс] / Translation by Louise and Aylmer Maude. – URL: http://masterrussian.com/war_and_peace.shtml

**PECULIARITIES OF RENDERING NONEQUIVALENT
VOCABULARY IN THE TRANSLATION OF THE NOVEL
«WAR AND PEACE» BY LEO TOLSTOY**

Z.T. Alpyspaeva

A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay

The article deals with the problems of transferring the words with no direct equivalents in the translation of a literary text, the main causes and difficulties, determining the lack of equivalence on the lexical level are considered and the examples are given.

Key words: nonequivalent lexicon (words with no equivalents), calculating, elimination, transliteration, occasional conformance

Об авторе:

АЛПЫСПАЕВА Зауре Темиргалиевна – старший преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, e-mail: alpyspaeva.zaure@mail.ru

УДК 81'25:37

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА
СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ**

А. Н. Злобин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

Т.В. Злобина

МОУ «Гимназия № 12», Саранск

Статья посвящена дальнейшей разработке транслатологии отдельных типов текста, теоретических основ и методологии описания отношений эквивалентности, связанных с текстовой реализацией языковых единиц и с типом текста, а именно с документами об образовании. Для выявления релевантной для переводчиков специфики перевода содержательной части документов об образовании используется комплексная методика, сочетающая методы сопоставительного, транслатологического и контент-анализа. Установление способов

перевода наименований школьных и вузовских дисциплин из содержательной части документов об образовании РФ и ФРГ позволит переводчикам решать проблемы, возникающие при их переводе.

Ключевые слова: транслатология текста, документы физических лиц об образовании, транслатологическая характеристика, способы перевода наименований школьных и вузовских дисциплин из содержательной части документов об образовании РФ и ФРГ.

Современное переводоведение изучает процесс и результат перевода с различных точек зрения. В зависимости от изучаемой проблемы на первый план выступают различные аспекты переводоведения, в нашем случае транслатология текста или теория перевода, ориентированная на текст [Алексеева 2004: 49]. Настоящая статья посвящена разработке транслатологии отдельных типов текста, а именно документов физических лиц об образовании.

Актуальность рассмотрения данной темы – несомненна, потому что в эпоху глобализации системы образования переводчики сталкиваются с необходимостью перевода документов об образовании. Для обучения за границей, для повышения квалификации в рамках зарубежной стажировки требуется профессиональный перевод документов об образовании с нотариальным заверением. Анализ контента переводческих форумов показал, что при этом переводчики документов часто сталкиваются с трудностями перевода, главным образом, содержательной части документов об образовании, а именно перечня дисциплин из приложений документов об образовании. О возникающих при этом проблемах свидетельствуют вопросы по их переводу на переводческих форумах. Например:

???Как будет на немецком урок ОБЖ (Основы Безопасности Жизнедеятельности)??? Просветленный (47590) такого предмета в школьной немецкой программе нет или просто перевести? - Sicherheitsgrundlagen Lebensweise [Ответы http].

Объектом нашего исследования являются документы об образовании РФ и ФРГ. Предмет исследования – транслатологическая специфика их содержательной части. Среди работ по схожей тематике следует выделить учебное пособие по переводу Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышиной и В.А. Кошкарлова. Особый интерес в нем для нас представляет приложение № 3 «Informationen im akademischen Bereich», где даны образцы перевода названий учебных дисциплин. Правда основное внимание уделяется лишь переводу содержательной части документов о высшем лингвистическом образовании [Дзенс 2007: 522]. В транслатологической классификации типов текста И.С. Алексеевой документы физических и юридических лиц представлены как один тип, что, по мнению автора, обосновано практически одинаковым подходом при их переводе [Алексеева 2008: 92]. В результате специфика перевода рассматриваемых нами документов об образовании остается без внимания.

В своем учебном пособии «Перевод документов физических лиц», разработанном в соответствии с требованиями компетентностного подхода ФГОС 3-го поколения и предназначенном для обучения основам письменного перевода в рамках образовательной программы направления подготовки «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»), мы ориентируем на формирование концептуальной, технологической и специальной составляющих переводческой компетенции письменного переводчика документов физических лиц с немецкого языка на русский и с русского на немецкий язык. При этом подчеркивается, что главной частью переводимого документа физического лица, в нашем случае документа об образовании, безусловно, является содержательная. Она индивидуальна для каждого документа и содержит переменные реквизиты. Содержательная часть документа, т.е. текст (или таблица, анкета), раскрывает его суть и назначение [Злобин 2017: 109].

Материалом исследования послужила выборка из перечня документов об образовании [Документы <http>]. Его целью является дальнейшая разработка транслатологии отдельных типов текста, теоретических основ и методологии описания отношений эквивалентности, связанных с текстовой реализацией языковых единиц и с типом текста, а именно с документами об образовании. Для реализации поставленной цели используется комплексная методика, сочетающая методы сопоставительного, транслатологического и контент-анализа.

Как уже отмечалось выше, документы об образовании не выделены как отдельный транслатологический тип текста в транслатологической классификации типов текста, ориентированной на перевод, предложенной И. С. Алексеевой. Она включает их в документы физических лиц и дает им лишь общую транслатологическую характеристику. Общим для документов об образовании является то, что они также как и документы физических лиц содержат когнитивную информацию, которая должна быть оформлена в соответствии со строгими конвенциями. Их коммуникативное задание – сообщение реципиенту когнитивной информации. Языковые средства документов об образовании также принадлежат к канцелярскому стилю и изобилуют большим количеством канцелярских клише, сложным синтаксисом и глагольными формами настоящего времени [Алексеева 2001: 192].

Нетрудно убедиться в том, что общая транслатологическая характеристика документов об образовании в никакой мере не раскрывает специфику их перевода. Она может быть выявлена лишь с помощью транслатологического анализа, начальным этапом которого является предпереводческий анализ (*Vorübersetzungsanalyse*) практического материала – выборки документов об образовании, являющийся важным этапом процесса перевода, имеющим большое значение для достижения адекватности и эквивалентности ПТ.

Транслатологический анализ документов об образовании проводился на

материале содержательной части основных школьных и вузовских документов об образовании РФ и ФРГ: аттестата о среднем (полном) общем образовании / *Zeugnis der Allgemeinen Hochschulreife*, диплома вуза и приложения к диплому / *Zeugnis über die Diplomprüfung*.

В ходе транслатологического анализа аттестатов и дипломов РФ и ФРГ в них были выделены наименования учебных предметов или академических дисциплин, как отрасль знаний, которая преподается в средних и высших учебных заведениях. Эти дисциплины определяются школами, кафедрами или факультетами, к которым принадлежат специалисты в этой области. Они выступают в качестве основного компонента содержательной части документов об образовании, и именно их транслатологическая специфика отражена в содержательной части, включающей в себя такие переменные реквизиты как: текст, таблицы, графы, строки, заголовки таблиц, граф, строк, отметка о наличии приложения.

Транслатологический анализ наименований школьных и вузовских дисциплин из содержательной части документов об образовании РФ и ФРГ показал, что специфика их перевода обусловлена следующими факторами. Среди них:

- схожие названия учебных предметов (интернационализмы), например: «Bildende Kunst» / «Kunsterziehung» – «Изобразительное искусство» / ИЗО;
- несхожие названия учебных предметов, например: «Sport» – «Физическая культура»;
- сокращенные названия учебных предметов, например: МХК (мировая художественная культура), ОИВТ (основы информатики и вычислительной техники), «Информатика и ИКТ» (информационно-коммуникационные технологии), «Allgemeine BWL» («Allgemeine Betriebswirtschaftslehre» – «Общая экономика и организация производства»), «Darst. Geometrie» («Darstellende Geometrie») – «Начертательная геометрия»;
- лакуны в названиях учебных предметов, например: ОБЖ («Основы безопасности жизнедеятельности»), «Москвоведение»;
- ложные друзья переводчика в названиях учебных предметов: например: «Kath. Religion» # «Основы религиозных культур и светской этики»;
- составные существительные в названиях учебных предметов, например: «Материаловедение» («Rohstoffkunde»), «Betriebslehre» («Экономика и организация производства»), «Datenverarbeitung» («Обработка данных»);
- словосочетания в названиях учебных предметов, например: «Вычислительная математика» – «Rechenmathematik», «Rechnungswesen», «Всеобщая история» – «Universalgeschichte», «Weltgeschichte»;
- усеченные словосочетания в названиях учебных предметов, например: «Fertigungs- und Organisationstechnik», «Computergrafik und – animation», «Wirtschafts- und Sozialkunde» / в российских документах об образовании в названиях учебных предметов подобная структура не встре-

чается;

- англоамериканизмы в названиях учебных предметов, например: «Организация производства и менеджмент», «Бизнес-планирование в IT-системах» (IT – англ. informational technology – информационные технологии), «HR-системы организационного управления предприятием» (HR – англ. human resources – кадровые, людские ресурсы), Web-Business in der Praxis (англ. Web-Business – интернет-торговля);

- слова – гибриды в названиях учебных предметов, например: «Softwaretechnik» («Технология программирования»).

Способы перевода наименований школьных и вузовских дисциплин из содержательной части документов об образовании РФ и ФРГ представлены:

- **простой подстановкой:** «Алгебра» – «Algebra», «Антропология» – «Anthropologie», «Геодезия» – «Geodäsie», «Геометрия» – «Geometrie»;

- **узальной подстановкой:** «Москвоведение» – «Moskaukunde»;

- **простой альтернативной подстановкой:** «История России» – «Geschichte Russlands», «Heimatgeschichte», «Всеобщая история» – «Universalgeschichte», «Weltgeschichte», «Вычислительная математика» – «Rechenmathematik», «Rechnungswesen»;

- **сложной альтернативной подстановкой или дифференциацией значения:** «Sport» – «Физическая культура».

В заключение отметим, что учет выявленной выше специфики перевода содержательной части документов об образовании позволит переводчикам решать проблемы, возникающие при их переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика / И.С. Алексеева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 288 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
3. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории / И.С. Алексеева. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
4. Дзенс Н.И. Теория и практика перевода / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарлов. – СПб.: Антология, 2007. – 560 с.
5. Документы об образовании и (или) о квалификации. Документы об обучении: [федер. закон РФ от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2017)]. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/f7169c27cf027b5789a861029f7ad1c4f2ac78e4/
6. Злобин А.Н. Перевод документов физических лиц / А.Н. Злобин. – Саранск : Издатель Афанасьев В.С., 2017. – 232 с.
7. Ответы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/175805121>

SPECIFICITY OF TRANSLATING THE CONTENT PART OF EDUCATION CERTIFICATES

A.N. Zlobin

N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

T.V. Zlobina

Municipal Educational Institution «Gymnasium No. 12», Saransk

The article deals with developing translatology of a certain type of text, theoretical foundations and methodology for describing equivalence relations associated with the textual implementation of language units and with the text type namely with education certificates. To choose appropriate specificity for translating the content of education certificates, a complex methodology combining methods of the comparative, translatological, and content analyses is used. The identification of the methods to translate the names of school and university disciplines specified in education certificates of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany will allow translators to solve language problems arising when translating education certificates.

Key words: *text translatology, education certificates of individuals, translational characteristic, specificity of translation, methods of translating school and university disciplines specified in the content part of educational certificates of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany.*

Об авторах:

ЗЛОБИН Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, руководитель Мордовского регионального отделения СПР; *e-mail:* alexandr_z@list.ru

ЗЛОБИНА Татьяна Всеволодовна – зам. директора по учебно-воспитательной работе МОУ «Гимназия № 12» г. Саранск

УДК 81-25

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТОВ БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СФЕРЫ РФ И ФРГ

Е.С.Кривда

Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, Саранск

Статья посвящена изучению проблемы перевода документов физических лиц, относящихся к брачно-семейной сфере, на немецкий и русский язык и обоснованию необходимости дальнейшей разработки транслатологии документов ЗАГС, связанной с растущим спросом на их перевод.

Ключевые слова: *специальная теория перевода, транслатология текста, брачно-семейная сфера, межэтнический брак, документы физических лиц, документы ЗАГС.*

Проблема перевода в брачно-семейной сфере находится в русле исследований специальной теории перевода, занимающейся описанием на материале двух языков отдельных трудностей перевода, связанных с проблемными языковыми явлениями, имеющими различия в принципах оформления в разных языках, а также транслатологии текста, основной задачей ко-

торой является разработка транслатологии отдельных типов текста [Алексеева 2004], в нашем случае перевода документов, выданных органами записи актов гражданского состояния (ЗАГС). В рамках нашей статьи работы мы ограничимся лишь рассмотрением документооборота в брачно-семейной сфере РФ и ФРГ. Ее актуальность обусловлена необходимостью дальнейшей разработки транслатологии документов ЗАГС, связанной с растущим спросом на перевод в брачно-семейной сфере.

Как известно, брачно-семейная сфера (Ehe- und Familiensphäre) является одной из основных сфер жизнедеятельности, которая представляет собой комплексные отношения личного неимущественного и имущественного характера и регулируемая нормами гражданского права [Забелова 2010]. Ср.: «Ehe- und Familiensphäre bezeichnen persönliche, emotionale Beziehungen, gekennzeichnet durch aufeinander bezogenes Verhalten» [Widmer [http](#)]. Добавим, что «брак (греч. γάμος – брак; производное от глагола *брать*), или бра́чный союз, супру́жество – регулируемый обществом и, в большинстве государств, регистрируемый в соответствующих государственных органах семейной связи союз между людьми, достигшими брачного возраста, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу, а также, при наличии у пары детей, – и к детям. Традиционно брак заключается между одним мужчиной и одной женщиной» [Wikipedia [http](#)]. В настоящее время из-за глобализации современного мира в брачно-семейной сфере происходит существенные трансформации, одним из механизмов которой является межэтнический брак или «семейные отношения с участием «инострannого элемента» [Прокофьева [http](#)].

Межэтнический брак – это еще и брачный союз, заключенный между людьми, относящимся к разным расам или этническим группам [Wikipedia [http](#)]. Следует отметить, что особую роль в заключении подобных браков в РФ и ФРГ сыграл демографический дисбаланс. Если сравнивать в процентном соотношении численность мужчин и женщин в РФ и ФРГ, то на территории РФ установлено следующее распределение численности населения России по полу на 1 января 2017 года (тыс. человек):

	Муж. и женщ.	Мужчины	Женщины
Население, в т.ч. в возрасте:	146 804	68 044	78 760

На территории ФРГ численность мужчин и женщин примерно одинакова. Численность по половой принадлежности на 2017-2018 годы:

Пол	Численность, млн человек	Отношение к общей численности в %
мужчины	40,9	49,4%
женщины	41,9	50,6 %

На этом основании можно утверждать, что из-за дефицита российских

мужчин, женщины охотно выходят замуж как за иностранцев вообще, так и немцев в частности. К тому же, межэтнический брак (в особенности с гражданами Евросоюза и ФРГ в том числе) обладает рядом положительных аспектов. Среди них переезд в другую страну, получение иностранного гражданства, познание другой культуры, разрушение расовых и этнических стереотипов, возможность выбрать партнера, обладающего желательными материальными характеристиками и подходящего по своему статусу и т.д. Этими экстралингвистическими факторами обусловлен социальный заказ на перевод документов в брачно-семейной сфере.

По данным Федерального статистического ведомства, количество межэтнических браков в РФ – 7.4, то есть только каждая 14-я семья интернациональна; в ФРГ показатель составляет – 8.5, то есть каждая 18 семья межэтническая. Не стоит забывать о правовых аспектах заключения брака. Брак может быть заключен только при наличии условий, предусмотренных законом, а именно оформления официального документа (свидетельства о заключении брака / *Eheurkunde*), подтверждающего, что два человека состоят в браке. Как правило, свидетельство о заключении брака выдается государственным служащим только после регистрации записи акта гражданского состояния. До заключения брака и после заключения между гражданами РФ и ФРГ необходимо перевести с немецкого языка на русский или с немецкого языка на русский документы, перечень которых выдается органами ЗАГС.

Понятие «документ» многозначно и зависит от того, в какой отрасли и для каких целей он используется. На международном уровне наиболее общим признано определение документа как записанной информации, которая может быть использована как единица в документационном процессе. В документоведении применяется следующее определение документа: «Документ – это материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [Академик <http>]. Представляется целесообразным отметить, что поскольку Гражданский кодекс РФ признает субъектом гражданских прав и обязанностей физические и юридические лица, то документы делятся на две основные группы: документы физических лиц и документы юридических лиц. Документы ЗАГС являются документами физических лиц (Ср.: Die **Eheurkunde** ist in Deutschland der Beweis für die Eheschließung (§ 54 Abs. 2, § 55 Abs. 1 Nr. 2 PStG). Sie **gehört** wie die Lebenspartnerschaftsurkunde **zu den Personenstandsurkunden**) [Wikipedia <http>]. В области семейного права материально-правовые нормы государств разнообразны, поэтому их унификация чрезвычайно затруднена.

Документ физического лица можно определить, как материальный носитель, оформленный и составленный в соответствии с требованием действующего законодательства, создающий у физических лиц права и обязанности [Wikipedia <http>]. Одной из особенностей перевода документов

физических лиц является необходимость их легализации, придания им юридической силы для предъявления за пределами страны [Умерова 2011]. Именно поэтому к переводу документов предъявляются особо строгие требования. Особенность состоит в тщательной проверке каждой цифры и буквы. Наиболее важен перевод документов физических лиц, ведь от него может зависеть судьба человека. Точный перевод документов физических лиц (перевод паспорта свидетельств о рождении, браке и т.д.) открывает возможности посетить иностранное государство, устроиться на работу, пройти обучение или создать семью за границей.

В общей транслатологической характеристике документов физических лиц, составленной И.С. Алексеевой, отмечается, что они обладают высокой степенью переводимости, имеют клишированную форму, и информация, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям [Алексеева 2004: 282]. Автор считает, что единственным подспорьем для переводчика документов является аналоговый текст, образец или подобие на языке перевода и указывает на необходимость его использования при переводе документов физических лиц. Текст документа переводится по аналоговому тексту документа, существующего в языке перевода. При отсутствии такового доминантами перевода являются языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка, а именно аналоговые языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка [там же: 192]. Существенным пробелом в рассмотренной выше транслатологической характеристике документов физических лиц является отсутствие определения степени сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ [Злобин [http](#)].

В учебном пособии по переводу документов физических лиц А.Н. Злобина впервые была дана их когнитивная транслатологическая характеристика и рассмотрены практические аспекты их перевода. Вместе с тем специфика перевода рассматриваемых нами документов ЗАГС в нем не затрагивалась [Злобин 2017], что побуждает к продолжению исследования непосредственно в данной сфере.

Документы ЗАГС – это документы личного характера, выданные государственными органами власти, содержащие биографическую информацию для идентификации владельца [Личные документы [http](#)]. В связи с тем, что переводимый документ ЗАГС предназначен для использования в другой стране (например, РФ или ФРГ) с характерными именно для нее юридическими формулировками, их перевод должен быть выполнен максимально точно. Для переводчика это может стать сложной задачей, так как полностью соответствующие оригиналу лексические эквиваленты иногда просто отсутствуют. При переводе документов нужно учитывать, что текстовые конвенции в языке оригинала часто зависят от культурных и ментальных особенностей и иногда, при буквальном переводе, полностью

теряют вложенный в них смысл. Поэтому переводчик должен одинаково хорошо разбираться в брачно-семейной сфере страны ИЯ и страны ПЯ. Как перевод документов физических лиц, так и перевод документов ЗАГС являются одним из наиболее востребованных видов перевода на данный момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: уч. пос. для студ. филол. и лингв. ф-т. высш. уч. зав. / И.С. Алексеева. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. Центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Забелова Л.Б. Международное частное право: курс лекций / Л.Б. Забелова. – М.: Эксмо, 2010. – 237 с
3. Злобин А.Н. Перевод документов физических лиц / Urkundenübersetzung. Немецкий язык (+ CD-приложение): учеб. пособ. / А.Н. Злобин. – Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2017. – 232 с.
4. Злобин А.Н. Когнитивное формирование аналоговых документов физических лиц в языке перевода [Электронный ресурс] / / А.Н. Злобин. – URL: <http://spr.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/09/statya-stavropol-ok.pdf>
5. Личные документы. Классификация и виды [Электронный ресурс] – URL: <https://businessman.ru/lichnyie-dokumentyi-klassifikatsiya-i-vidyi.html>
6. Прокофьева О.Г. Перевод в сфере семейного права [Электронный ресурс] / О.Г. Прокофьева. – URL: <https://www.msal.ru/common/upload/Перевод%20в%20сфере%20семейного%20права.pdf>
7. Умерова М.В. Особенности перевода документов и текстов официального характера / М.В. Умерова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2011. – №12. – С. 132-137.
8. Widmer M., Bodenmann G. Beziehungen in der Familie. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/50916000_Beziehungen_in_der_Familie

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9. Академик. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2000-2016. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/100836>
10. Wikipedia. Eheurkunde [Электронный ресурс]. – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Eheurkunde>

ON THE PROBLEM OF TRANSLATING DOCUMENTS OF THE MARITAL AND FAMILY SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

E.S.Krivda

Evsevjev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk

This article deals with a problem of specificity of translation of individual documents related to the marital and family sphere in German and Russian, and also demonstrates feasibility of further the development of the translatology for the civil registry office documents related to the growing demand for their translation.

Key words: *special theory of translation, translatology, marital and family sphere, inter-ethnic marriage, individual documents, civil registry office documents*

Об авторе:

КРИВДА Екатерина Сергеевна – студентка Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, *email:* leonina.societas4@gmail.com

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОПИСАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ
КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

М.О. Молодкин

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, Тула

Статья посвящена проблеме перевода описаний в английском научно-фантастическом романе на русский язык. Цель данной статьи заключается в попытке выявить проблемы, с которыми можно столкнуться при переводе лингвостилистических средств в описании, и найти способ их преодоления.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, тропы, научная фантастика, лингвостилистика, лингвопрагматика, метафора, эпитет, сравнение, антитеза.

Сегодня лингвостилистические особенности разножанровых художественных текстов всё чаще становятся предметом исследования как в области переводоведения, так и функциональной лингвистики, прагматики и теории межкультурной коммуникации. Главная задача перевода – сохранение семантического, стилистического и эстетического своеобразия оригинального текста при передаче средствами другого языка – требует не только адекватного, правильного выбора специалистом той или иной лексико-грамматической трансформации, но и поиска путей актуализации лингвокультурных и лингвопрагматических компонентов смыслового пространства с учетом разницы вертикальных контекстов двух категорий потенциальных реципиентов – носителей английского и русского языков [Храмченко 2014, 2016]. Жанровая специфика переводимого произведения также накладывает дополнительные особенности на процесс перекодирования семиотических систем.

Научная фантастика – это жанр художественной прозы, обладающий особыми характерными чертами. Пожалуй, самой главной из них является способность научной фантастики – и в особенности её поджанра, космической оперы – благодаря своему многообразию и многослойности сочетать в себе большое количество тем, которые в совокупности можно обобщить в качестве основных видов конфликта в литературе. Конфликт – это базис художественной формы произведения. Конфликт – это направление, по которому идёт развитие сюжета.

Советский литературовед Л. Тимофеев описывал конфликт так: «В широком смысле конфликтом следует называть ту систему противоречий, которая организует художественное произведение в определенное единство, ту борьбу образов, социальных характеров, идей, которая разворачивается в каждом произведении – в эпических и драматических широко и полно, в лирических – в первичных формах» (Цит. по: [Асмус 1931: 457]).

Благодаря отличительным чертам всего жанра фантастические произведения по типу «Дюны» Фрэнка Герберта или «Гипериона» Дэна Симмонса смогли вобрать в себя столь огромное разнообразие тем и идей, что они в прямом смысле слова стали произведениями универсальными. Авторы данных книг смогли охватить все девять видов (или большую их часть) литературного конфликта.

1. «Классические конфликты: человек против природы, человек против человека, человек против бога (судьбы).

2. Конфликты модернизма: человек против общества, человек против самого себя, человек против отсутствия бога.

3. Конфликты постмодернизма: человек против технологии, человек против реальности, человек против автора» [Николь <http>].

В настоящей работе под лингвистическими особенностями мы понимаем лингвистические приёмы и выразительные средства в языке, которые позволяют стилистически (а также эмоционально и логически) усилить письменную речь автора в пространстве художественного текста [Храмченко 2010].

Под описаниями в данной статье мы понимаем не только художественное изображение персонажей, событий и явлений, но и описание лирических мыслей, восприятия персонажей окружающего мира в тексте фантастического произведения.

Перевод лингвостилистических средств (или тропов), используемых в описаниях, в научной фантастике (в том числе англоязычной) представляет собой отдельную важную проблему. Цель настоящей статьи заключается в попытке проанализировать последовательность действий переводчика, столкнувшегося с необходимостью поиска в русском языке адекватного соответствия английским лингвостилистическим средствам, которые несут важную смысловую нагрузку в функционально-прагматическом пространстве фантастического художественного произведения, и определить наиболее удачные приемы перевода. Правильно подобранные или придуманные автором средства, способствуют созданию «атмосферы» художественного произведения и в некоторой степени помогают связать текст (т.е. актуализируют категории внешней и внутренней связности: когезию и когерентность).

В качестве материала исследования мы выбрали произведение, которое в отличие от «Дюны» или «Гипериона», осталось незамеченным среди значительной части читателей фантастики – «Хтон» Энтони Пирса.

Первый пример мы встречаем в начале романа, где герой попадает на планету-тюрьму Хтон:

“The prison was deep, natural cavity far beneath the surface of a secret planet and hidden forever from the stars. No cells were there, no guards; only the living refuse of man’s empire, dying in unthought wealth” (Piers 1967).

Выражение “living refuse” представляет собой эмоционально окрашен-

ную метафору, смешанную с оксюмороном, которая сравнивает преступников (напр., нейтральное слово low-life) с отбросами. Второе лингвистическое средство в данном предложении – это идиома “unthought wealth”.

В данном случае для перевода проблему представляют не столько сами тропы, сколько особенности русского языка. Имея в предложении выражение “living refuse”, переводчику пришлось искать более подходящий перевод глагола “dying”, нежели чем просто «умирали». Конечный вариант выглядит следующим образом:

«Тюрьма являла собой обширную естественную полость глубоко под поверхностью засекреченной планеты, навеки скрытую от звезд. Там не было ни камер, ни охраны: живые отбросы человеческой империи гнили среди невысказанного богатства» (Пирс 2001).

В качестве следующего примера мы выбрали сцену, в которой автор пишет о детстве главного героя на аграрной планете Хвея:

“The melody began again, thrillingly, and he clutched the giant book to his chest and trailed his curiosity into the forest. The fascination grew, taking firmer hold on his mind; this was the loveliest thing he had ever heard. The great trees themselves seemed responsive to it, standing silently and letting it drift among them. Aton touched the bark of their trunks as he passed, drawing courage as he skirted the bottomless forest well (afraid of its black depth) and went on” (Piers 1967).

В данном абзаце автор использует олицетворение, сравнивая чувства героя (fascination и curiosity) и окружающие в лесу деревья с одушевленными существами. Также в конце употребляется гипербола “bottomless well” для придания лесу некоей мистичности.

Перевод данного абзаца выглядит так:

«Волнующая мелодия послышалась опять, и он, прижав к груди огромную книгу, пошел вслед за своим любопытством в лес. Очарование росло, все крепче цепляясь за его разум; прекраснее этой вещи он еще не слышал... Громадные деревья сами, казалось, реагировали на песню, замирая и позволяя ей плыть меж ними. Атон дотрагивался до стволов, храбрился, когда проходил мимо бездонного лесного колодца (он боялся его черной глубины), и шел дальше» (Пирс 2001).

Следует отметить, что в переводе мы видим, как в предложении появился новый эпитет – «волнующая мелодия». В оригинале слово “thrillingly” больше относится к манере исполнения, чем к самой мелодии. В остальном же мы видим, что проблема перевода олицетворения – это поиск адекватного эмоционально-смыслового эквивалента. Например, фразы «The fascination grew, taking firmer hold on his mind» и «Очарование росло, все крепче цепляясь за его разум» различаются в том плане, что глаголы «taking firmer hold» и «все крепче цепляясь» имеют в некоторой степени разные эмоциональные коннотации. «Цепляясь» кажется более эмоционально окрашенным глаголом, нежели «taking hold», хотя сами по себе они не столь различны по смыслу.

Третий пример – отрывок ближе к концу романа, когда главный герой

выходит на поверхность планеты Хтон:

“This featureless tableau was as barren as the landscape of his life. The bright stars were all about, this night side, promising excitement and adventure and comfort in their great numbers, if only it were possible to step to their population. Yet he had been in those far systems already, and had suffered through their evanescent promise and found his heart alone” (Piers 1967).

С самого начала автор использует антитезу «featureless tableau». «Tableau» подразумевает некую живописность того, что должен был видеть персонаж, однако «featurless» нивелирует эту особенность. Затем писатель сравнивает этот ночной, бесцветный, однообразный пейзаж, представший перед главным героем, с жизнью самого персонажа: «as barren as the landscape of his life». Плюс, выражение «landscape of his life» само по себе является метафорой. Следующее предложение включает в себя смесь обратной градации (в смысле эмоциональной окрашенности) и многосоюзья, которые углубляют эмоциональную палитру предложения: «promising excitement and adventure and comfort». В следующем предложении мы видим эпитет «evanescent promise» и метафору «found his heart alone».

Перевод данного абзаца выглядит следующим образом:

«Безвидная плита была пустынна, как и пейзаж его жизни. Вокруг ночной ее стороны сверкали звезды, обещая волнение, приключения и уют в окружении их великого множества, если только возникала возможность подступить к их населению. Однако он уже бывал в дальних системах, страдал от их эфемерных обещаний и обнаруживал, что сердце его по-прежнему одиноко» (Пирс 2001).

Мы видим, что антитеза в переводе превратилась в эпитет «безвидная плита», метафора и сравнение («как и пейзаж его жизни») – остались нетронутыми и перешли в перевод. Градация также осталась, но было принято решение отказаться от многосоюзья («обещая волнение, приключения и уют»). Эпитет («эфемерные обещания») и метафора «сердце его по-прежнему одиноко») были также переданы на русский язык с учётом его структуры и особенностей.

Мы считаем, что в научной фантастике при передаче в описаниях лингвостилистических средств с английского на русский язык от переводчика требуется – при отсутствии прямого или адекватного эквивалента выражению, использованному в оригинальном тексте – сообразно структуре и особенностям русского языка дать наиболее адекватный – по мнению переводчика – вариант перевода. Для того чтобы достичь этой адекватности, переводчик должен обладать обширными фоновыми знаниями и нетривиальным мышлением в плане понимания образов и смыслов, стоящих за теми или иными фигурами речи, лексическими средствами и другими лингвостилистическими особенностями текста произведения в жанре научная фантастика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. / В.Ф. Асмус, Д.Д. Благой [и др.] // Литературная энциклопедия: в 11 т.

- Т.5. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931.
2. Храменко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Д.С. Храменко; Моск. гос. ун-т межд. отношений. – Тула [б.и.], 2010. – 25 с. – На правах рукоп.
 3. Храменко Д.С. Конвенциональность и дерегламентация современного английского делового дискурса / Д.С. Храменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 194-197.
 4. Храменко Д.С. Эволюционные процессы английского делового дискурса / Д.С. Храменко // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Тринадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей: в 2 ч. – Ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 75-85.
 5. Nichol M. 7 Types of Narrative Conflict [Электронный ресурс] / M. Nichol. – URL: <https://www.dailywritingtips.com/7-types-of-narrative-conflict>
- ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА
- Пирс Э. Хтон [Электронный ресурс] – URL: <http://www.lib.ru/PIRS/chtnon.txt>
- Piers A. Chthon [Электронный ресурс] – URL: https://royallib.com/read/Anthony_Piers/Chthon.html#

STYLISTIC DEVICES IN DESCRIPTIONS IN AN ENGLISH SCIENCE-FICTION NOVEL AS A TRANSLATION PROBLEM

M.O. Molodkin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

The article deals with the problem of description translation in the English science fiction novel from English into Russian. The purpose of this article is to identify the problems that can be encountered when translating the stylistic devices in descriptions, and find a way to deal with them.

Key words: *stylistic devices, science fiction, stylistics, linguopragmatics, metaphor, epithet, comparison, antithesis.*

Об авторе:

МОЛОДКИН Максим Олегович – магистр направления обучения «Лингвистика» Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; *e-mail:* molodkin95@yandex.ru

УДК 81-19

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

П.А. Серебряков

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, Тула

В статье рассматриваются некоторые проблемы сравнительно молодого направления переводческой деятельности – перевода в сфере видеоигр.

Ключевые слова: *перевод, локализация, компьютерные игры.*

В настоящее время информационные технологии являются неотъемлемой частью практически всех отраслей жизни человека. С каждым днем все большее количество людей привлекает программное обеспечение и одним из самых популярных его видов стала видеоигра. По мнению Й. Хейзинги, «всякая игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие» [Хейзинга 2011]. Игра как неотъемлемый компонент культуры с новой силой заявила о себе в XXI веке по мере развития информационных технологий, предполагающих существование разнообразных игровых платформ – персональных компьютеров, консолей, планшетов и смартфонов.

Этот факт говорит о том, что видеоигры становятся все более и более распространенным и востребованным продуктом сферы информационных технологий как в области развлечений, так и в образовательном контексте. Таким образом, перед исследователями, специализирующимися в речевых жанрах – относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типах высказываний или текстов [Бахтин 2000], встает задача определения видеоигры как жанра, описания ее жанровых особенностей.

Говоря о видеоигре, как о жанре компьютерного дискурса, необходимо помнить о ее новизне и специфичности, присущей как компьютерному дискурсу в целом, так и видеоигре в частности. Перефразировав определения дискурса, можно определить функционально-смысловое дискурсивное пространство компьютерной видеоигры как содержащийся в ней текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими факторами, сопутствующими его порождению и восприятию [Храмченко 2014а, 2014б, 2015]. Можно выделить следующие признаки видеоигры:

1. Коммуникативная цель: в зависимости от вида игры ее коммуникативная цель может варьироваться и быть обучающей, развлекательной и др.

2. Образ автора: в любой видеоигре автор предстает создателем, регулятором или гидом по виртуальному пространству игры, иногда непосредственно как автор, а иногда под видом одного из персонажей игры.

3. Образа адресата: пользователь в любой видеоигре есть участник процесса прохождения игры, который имеет свои цели и задачи, разнящиеся от одного вида игр к другому.

4. Диктум: событийная основа коммуникации автора и адресата, как правило, заключается в желании пользователя вступить в игровой процесс и достигнуть поставленных целей средствами, которые будут ему предоставлены автором в виртуальной реальности.

5. Формальная организация: собственно, языковые особенности текстов видеоигр варьируются в зависимости от их сюжета и вида; общим является наличие стилистического единства текстов видеоигры. Подобный прием позволяет добиться создания определенной атмосферы той или иной реальности или эпохи [Храмченко 2012]

Наличие всех вышеперечисленных признаков видеоигры позволяет сделать вывод о том, что видеоигры действительно являются полноценным речевым жанром компьютерного дискурса.

Необходимо подчеркнуть, что компьютерные игры как продукт информационных технологий, с развитием игровой индустрии стали разнообразнее и сложнее. Подобно другим видам искусства, видеоигры подразделяются на виды, которые отличаются друг от друга целями. Итак, видеоигры представлены следующими разновидностями:

- action или «экшен»;
- симуляторы, менеджеры;
- стратегические видеоигры;
- приключения;
- музыкальные видеоигры;
- ролевые видеоигры;
- логические видеоигры, головоломки;
- традиционные и настольные видеоигры;
- текстовые видеоигры.

Локализация игры – это акт подготовки игр к релизам в разных странах мира. Различные страны говорят на разных языках, имеют разные культуры и разные законы о содержании и цензуре. Термин «локализация» очень широк и подразумевает под собой гораздо больше, чем просто перевод игр на разные языки.

Локализация компьютерных игр в большинстве случаев более сложна, чем локализация другого программного обеспечения или товаров. Это связано с тем, что в играх есть не только текст, но и анимация, голос за кадром, звуки, графика и т.д., которые также необходимо локализовать.

Локализация игры часто выполняется для нескольких разных платформ и технологий одновременно.

Локализация игр позволяет разработчикам адаптировать игру, чтобы соответствовать аудитории, для которой она предназначена. Что это значит? Основная причина локализации видеоигр заключается в том, чтобы иметь возможность продавать их на территориях, где в противном случае это было бы не столь выгодно. Даже если люди в разных частях света понимают английский язык, они все равно предпочитают играть в игры на своем родном языке.

Локализация игр включает в себя все – от перевода игр на новые языки, до удаления тех элементов игры, которые могут не восприниматься или цензурироваться в других культурах.

Вся индустрия видеоигр на сегодняшний день стоит около 75 миллиардов долларов и к концу десятилетия возрастет до 90 миллиардов долларов. Растущее количество смартфонов с поддержкой игр и переход от физических носителей к платформам онлайн-распространения привели к снижению затрат и сделали игры более доступными, чем когда-либо прежде.

Появление новых платформ означает, что игры можно продавать практически в любой стране. Но все игроки могут только покупать игры, которые им ближе. Они знают, что игры, захватывающие, приятные и понятные, будут продаваться, поэтому нужно уделять внимание не только переводу экранного текста. Игровые сообщества во всем мире имеют разные сленги и жаргоны, чтобы сослаться на те или иные объекты и концепции в играх.

Инструкции, которые понятны на одних языках, могут быть менее понятными на других, и иногда бывает так, что может потребоваться изменить обложку, диалог или даже игровые активы, чтобы адаптировать их к разным культурам. Это происходит в конце процесса разработки, когда разработчики собираются выводить свою игру на мировой рынок.

Культурный шок и цензура

Начнем с показа крови и жестокости в играх. В играх, предназначенных для продажи в Соединенных Штатах нередко есть возможность уменьшить количество крови, показанной в игре. Также есть возможность превратить кровь в зеленый цвет или просто удалить ее полностью, поскольку в Соединенных Штатах игра допускается к распространению, только если она получила соответствующий рейтинг ESRB.

Тем не менее, в США незаконно продавать рейтинговую игру М («для взрослых») тем, кому не исполнилось 17 (а в некоторых случаях и 18) лет. В других частях мира рейтинг «М» может быть неприемлем вообще. Например, Австралия, Новая Зеландия и Южная Корея внимательно следят за этим элементом игрового контента.

Поскольку экстремальное насилие может потенциально препятствовать изданию игр, разработчики должны знать, какой контент является приемлемым для каких стран. Поэтому вместо того, чтобы предоставлять варианты для снижения уровня крови, они могут полностью заблокировать его для австралийских и новозеландских версий игры.

Почему это важно?

Чтобы выйти на международный рынок, разработчики должны адаптировать свои игры так, чтобы они соответствовали потребностям геймеров разных стран.

Во многих случаях студии будут нанимать менеджеров проектов локализации. Задача локализаторов заключается в обеспечении бесперебойной работы всех аспектов локализации.

Примеры локализации видеоигр на примере игры The Witcher 3

Оригинальный текст:

Evil is evil. Lesser, greater, middling, makes no difference. The degree is arbitrary, the definition's blurred. If I'm to choose between one evil and another, I'd rather not choose at all.

Российский перевод:

Зло есть зло. Большое, маленькое, среднее – какая разница? Зло трудно измерить, его границы размыты. Если надо будет выбирать

между одним злом и другим, я не буду выбирать вовсе.

Оригинальный текст:

Hounds of the Wild Hunt

Российский перевод:

Гончая Дикой Охоты

Как уже было сказано выше, локализация – это не только перевод, но и полная адаптация всех компонентов игры под язык перевода. В своей работе локализаторы в первую очередь стараются найти эквиваленты в другом языке, а если таковых нет, то им приходится переводить иначе, сохраняя при этом смысл оригинала.

Сложности локализации видеоигр заключаются в следующем:

1. Разница в менталитете и мировоззрении народов
2. Степень цензуры и возрастной рейтинг в разных странах
3. Непереводаемость некоторых терминов и элементов фольклора

Таким образом, чтобы получить качественный продукт в процессе локализации компьютерных видеоигр необходимо всегда учитывать особенности психологии, компьютерной грамотности, общего образовательного уровня, языкового багажа и, что немаловажно, культурных традиций потребителя. От качества локализации во многом зависит успешность продвижения продукта на международном рынке.

Локализация компьютерных игр все еще представляет из себя не до конца изученный процесс, который требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-299.
2. Хейзинга Й. Человек играющий / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
3. Храменко Д.С. К вопросу о формировании арсенала лексических средств в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход) / Д.С. Храменко // Вопросы прикладной лингвистики. – Вып. 6. – М.: РУДН, 2012. – С. 72-75.
4. Храменко Д.С. Конвенциональность и дерегламентация современного английского делового дискурса / Д.С. Храменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 194-197 (2014а).
5. Храменко Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04/ Д.С. Храменко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М. [б.и.], 2014. – 55 с. – На правах рукоп. (2014б)
6. Храменко Д.С. Planning The Functional Field of Business English Discourse: Linguosynergetic Approach / Д.С. Храменко // Вопросы прикладной лингвистики.– 2015. – № 18. – С. 151-163.

MAIN PROBLEMS OF VIDEO GAME LOCALIZATION

P.A. Serebryakov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

This article discusses some problems of a relatively young direction of translation - translation of video games.

Key words: translation, localization, computer games.

Об авторе:

СЕРЕБРЯКОВ Петр Александрович – магистрант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, *e-mail*: petrerebryakov96@mail.ru

УДК 81'27

РИТОРИКА УБЕЖДЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В.Д. Таюрский

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, Тула

Статья посвящена проблеме перевода действующего президента США, Дональда Трампа, а также возможностям адекватной интерпретации на русский язык тех приёмов, которые он использует. Были приведены примеры взятые из различных выступлений президента Америки, а также варианта их перевода.

Ключевые слова: перевод, персуазивность, политический дискурс.

Политическая деятельность всегда имела особое значение в жизни общества. От конкретной политической позиции или ситуации зависит положение страны на международной арене, а также взаимоотношения с другими государствами. Способ презентации политическими лидерами своего государства играет важную роль. В большинстве случаев в процессе выступления политики не только информируют аудиторию о каком-либо аспекте жизни общества, но и добиваются расположения аудитории, убедив их принять ту или иную сторону, т.е. стремятся заполучить поддержку граждан.

Изучение функционально-лингвистических, лингвостилистических и риторических особенностей современного политического дискурса помогает будущим специалистам в области межкультурной коммуникации разобраться в быстро появляющемся потоке новостей и выступлений политических деятелей, которые всеми силами пытаются воздействовать на слушателя. Политический дискурс представляет несомненный интерес для языковедческого исследования ввиду заметных трансформационных прагма-смыслового пространства, обусловленного соответствующими переменами в жизни общества, сменой политических лидеров, партий и т.п., на которые он моментально реагирует [Храмченко 2010, 2014, 2015, 2016]. Перевод персуазивных языковых средств политических лидеров, значимых на мировой арене стран, например США, остается актуальным, поскольку она оказывала и продолжает оказывать все большее влияние на

население не только своей страны, но и на жителей других государств.

Целью данной статьи является анализ персуазивных языковых средств в современном политическом дискурсе США и способы их перевода. В качестве источника эмпирического материала были выбраны устные и письменные высказывания действующего президента США Дональда Трампа. Причиной этому послужило растущее влияние Америки по всему миру.

Во время предвыборных гонок многие политики стремятся сделать свою речь как можно более красноречивой при помощи самых разных лингвостилистических приёмов, однако не всегда используют их корректно или же пытаются таким образом уязвить своих оппонентов. Весь арсенал лингвостилистических средств подчинен главной задаче – оказать эффективное воздействие на граждан и завоевать их симпатию любым путем, в то время как понятие морали на политической арене является настолько же абстрактным, как и понятие чести. Что касается политического дискурса США, то при помощи разнообразных стилистических приемов Дональд Трамп ярко и эмоционально описывает последствия недостаточного внимания к внутренним проблемам страны, вызывая у слушателей негативные чувства к прежнему политическому курсу. Для его выступлений характерны метафоры – как общеязыковые, так и речевые, которые в большинстве случаев президент США употребляет для критики предыдущей власти и укрепления себя на президентском месте путем завоевания симпатии народа.

По мнению Т. Ван Дейка, положительная и негативная репрезентации оппонентов реализуются в процессе ангажирования факторов и перемещения вины на оппонента или других лиц. Такая стратегия может быть применена на разных уровнях дискурса с помощью риторических средств: эвфемизмов и гипербол в целях передачи отрицательных или положительных значений, метонимий и метафор для обозначения положительных или негативных действий оппонентов и т.д. Кроме того, исследователь считает, что особенности синтаксиса также являются средствами речевого воздействия, например, параллельные конструкции, инверсии и т.д. Под персуазивностью в данной статье подразумевается воздействие оратора на реципиента, убеждая или же побуждение к совершению каких-либо действий [Чернявская 2006: 25, Храмченко 2010]. Персуазивность «обозначает воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чём-то, призыва к совершению или не совершению им определённых действий» [Чернявская 2006: 25].

Перевод политического дискурса обладает рядом особенностей, зависящих от самого политического дискурса, например, в большинстве случаев наиболее актуальной для него функцией будет вляться воздействие на адресата. В настоящее время теория перевода обращает внимание на связь социолингвистических факторов и перевода. Тем самым изучается восприятие реципиентом высказывания через призму его собственной культуры.

Перейдём непосредственно к трудностям, которые могут встретиться у переводчика, который работает с речами Дональда Трампа. Как правило, возникает вопрос о том, стоит ли переводить дословно всё, что говорит президент или же следует попытаться понять ход его мыслей и, уловив смысл фразы, передать слушателям уже обработанную информацию. С одной стороны, задача переводчика заключается в адаптации текста для слушателя, с другой стороны люди могут посчитать, что Трамп говорит очень грамотно и без излишеств, что, само собой, не является таковым. Как и было сказано выше, Трамп часто использует различные стилистические приёмы для предания персуазивности своей речи. Разберём отрывок из речи Дональда Трампа в штате Южная Каролина:

Look, having nuclear — my uncle was a great professor and scientist and engineer, dr. John Trump at MIT; good genes, very good genes, OK, very smart, the Wharton School of Finance, very good, very smart — you know, if you're a conservative Republican, if I were a liberal, if, like, OK, if I ran as a liberal Democrat, they would say I'm one of the smartest people anywhere in the world—it's true!... (euronews.com http)

Из данного отрывка видно, что Трамп использует повторы союза «and», что подчёркивает каждую из специальностей, которыми владел его дядя. Также на протяжении всего отрывка 45-ый президент США часто повторяет словосочетания «very good» и «very smart», которыми он сначала описывает уровень знаний своего дяди, а потом использует их для описания себя. Такой ход, вероятно, выставляет его в выгодном свете, что может сделать его ещё популярнее среди народа. В отрывке также можно заметить частое появление слова «OK», делая его речь больше похожей на обычное общение, например с другом, а не с народом.

А теперь перевод:

Послушайте, что касается ядерного оружия: мой дядя был великим профессором, ученым и инженером – доктор Джон Трамп из Массачусетского технологического института... Хорошие гены, очень хорошие гены, да, очень умный человек, Уортонская школа финансов, очень хороший, очень умный человек... Вы знаете, если вы консервативный республиканец... вот если бы я был либералом, о, да, если бы я выдвигался от либеральных демократов, они бы сказали, что я один из самых умных людей в мире – и это правда! (perekladu.com http)

В переводе была сохранена та лексика, которую и использовал Дональд Трамп. Для русского человека подобная речь политика покажется странной и переводчику, который бы переводил синхронно или последовательно такое выступление пришлось бы адаптировать. Данный ход позволил бы сделать выступление более восприимчивым для слушателя. Тем не менее, чтобы сделать грамотную адаптацию такого выступления надо иметь большие познания в жизни Дональда Трампа. Как видно из оригинала и перевода, Трамп говорит о своём дяде, но далее он упоминает Уортонскую школу финансов без указания на то, что её закончил сам президент, а не его дядя. Такую информацию из речи получить бы не удалось. В письмен-

ном переводе это сделать можно. Пример такого перевода был взят с сайта euronews.com:

Я хотел бы обсудить с вами ядерную проблему. Мой дядя, Доктор Джон Трамп, был великим профессором, ученым и инженером из Массачусетского технологического института. Он был очень умным человеком. Да, у меня очень хорошие гены. Например, я посещал Уортонскую школу финансов.

Если бы я не был консервативным республиканцем, если бы я баллотировался на этот пост, как либеральный демократ, все бы сказали, что я один из самых умных людей в мире. И это правда!...

Автор перевода адаптировал речь Трампа. Такой текст воспринимается реципиентом легче, и достигается персуазивность.

Метафора в выступлениях Д. Трампа, как и было сказано в начале статьи, также является выразительным стилистическим средством, способствующим привлечению аудитории и эффективному выделению передаваемой идеи. При этом типично чередование маловыразительных общеязыковых метафор и ярких индивидуальных, из-за чего речь президента приобретает несколько хаотичный характер. Например, выступление во время предвыборных гонок в городе Форт-уэйн, штат Индиана, вслед за избитой метафорой во фразе *we have the cards, don't forget it* следует «живая» метафора «**to rape our country**» в предложении *we can't continue to allow China to rape our country*. Тем самым, речь Д. Трампа становится более привлекательной для неподготовленных слушателей, в то время как для человека, который разбирается в смысле метафор, она может показаться неуместной или даже некорректной.

Использование Трампом метафор часто происходит при критике предыдущей системы правления, например, выступление 2016 года в Вашингтоне по поводу проведения новой иностранной политики:

It's time to shake the rust off America's foreign policy.

В заключение хотелось бы сказать, что споры о том стоит ли адаптировать речь для аудитории или же переводить сохраняя все элементы, которые были сказаны оратором – проблема, действующая и по сей день. С одной стороны, изложение информации для аудитории в том виде в котором она была предоставлена может звучать непривычно, но с другой – нужно быть полностью уверенным в своих знаниях, чтобы пытаться передать именно тот смысл, который хотел передать автор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храменко Д.С. Planning The Functional Field of Business English Discourse: Linguosynergetic Approach / Д.С. Храменко // Вопросы прикладной лингвистики.– 2015. – №18. – С. 151-163.
2. Храменко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Д.С. Храменко; Моск. гос. ун-т межд. отношений. – Тула [б.и.], 2010. – 25 с. – На правах рукоп.
3. Храменко Д.С. Конвенциональность и дерегламентация современного английского делового дискурса / Д.С. Храменко // Филологические науки. Вопросы теории и

- практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 194-197.
4. Храмченко Д.С. Эволюционные процессы английского делового дискурса / Д.С. Храмченко // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Тринадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. ст.: в 2 ч. – Ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 75-85.
 5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебн. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Бюро переводов «Perekladu.com» [Электронный ресурс] – URL: <https://perekladu.com/rus/trudnosti-perevoda-donald-trampa>
Новостной портал euronews.com [Электронный ресурс] – URL: <https://ru.euronews.com/2017/01/26/translating-trump-how-the-president-s-language-may-pose-policy-problems>

**RHETORIC OF PERSUASION
IN AMERICAN POLITICAL COMMUNICATION
AS A PROBLEM OF TRANSLATION**

V.D. Taiurskii

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

The article deals with problem of translation of the current US president, Donald Trump, and also to possibilities of an adequate interpretation of language devices that he applies. The author conducted examples, taken from different speeches of America's president and also variants of their translations.

Key words: translation, persistence, political discourse.

Об авторе:

ТАЮРСКИЙ Виктор Дмитриевич – магистрант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, *e-mail:* vt1811@yandex.ru

Лингвокультурология

В.Д. Бахмутова

Е.С. Грицкевич

Н.Н. Дюмон

Е.А. Ежова

А.К. Ковтун

С.В. Кошелева

Р.С. Муханбетжанова

О.В. Сулова

А.М. Тананаева

В.А. Чукиш

УДК 802.0

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОЛЛОКАЦИИ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В.Д. Бахмутова

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского
государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог

В статье рассматривается взаимосвязь языка и культуры. Более детально рассмотрены этнокультурные коллокации, как особый вид коллокаций, требующий отдельного внимания и рассмотрения, поскольку данные лексические единицы зачастую не имеют аналогов в ряде других языков, тем самым вызывая наибольшую трудность при коммуникации.

Ключевые слова: коллокация, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, этнокультурные коллокации, картина мира.

В современной лингвистике в условиях интернационализации общества отмечается особый интерес к изучению языка в свете межкультурной коммуникации, а именно к выявлению национально-культурных особенностей языковой картины мира и устранению коммуникативных барьеров между представителями различных народов и культур. Одной из первопричин, вызывающей затруднение в понимании, во взаимодействии представителей различных культур, а следовательно и в достижении коммуникативных целей являются характерные национально-культурные черты стран и народов. Как говорит И.В. Петросян, «национальная культура и национальный язык неотделимые и взаимовлияющие друг на друга системы» [Петросян 2014:162]. Для эффективной реализации коммуникативных целей недостаточно просто знать иностранный язык, немаловажно также понимать и видеть мир таким, каким видят его носители языка. В подтверждение вышесказанного, можно привести известную цитату Б.Л. Уорфа, который утверждает, что «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир представляется перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Соболева 2013: 184]. Е.С. Яковлева под языковой картиной мира понимает «зафиксированную в языке и специфическую для мира – это своего рода мировидение через призму языка». Представления о взаимосвязи языка и культуры народа также изложены в работах Ю.Д. Апресяна, И.Л. Бурич, А. Вержбицкой, А. Зализняк и др.

Важным условием успешной реализации коммуникации является использование стилистически правильной лексики с учётом языковой среды,

в которой осуществляется коммуникация. Именно поэтому современные учебники, ориентированные на коммуникацию, продуктивные виды речевой деятельности и беглость речи повышают осведомленность студентов в сфере лексической сочетаемости, а именно уделяют особое внимание формированию коллокационной компетенции. Как показывают исследования, вопрос коллокационной компетенции изучается как в теоретическом, так и в прикладном плане. Так, например, Л.Б. Алексеева в статье «Коллокационная компетенция в письменной научной речи как составляющая цели обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов» дает информацию о том, что понятие *коллокационная компетенция* было впервые употреблено Дж. Хиллом в 1999 году. Согласно одной из наиболее точных трактовок данного понятия, коллокационная компетенция – это способность правильно образовывать лексические единства в соответствии с правилами лексической сочетаемости. Такая способность порождает беглую, правильную и стилистически уместную речь. Касательно иноязычной речи, данный термин трактуется как способность верно, согласно нормам изучаемого языка, сочетать лексические единицы, базирующаяся на знаниях коллокаций и речевых навыках их употребления в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности [Денисова 2008:132].

Ф.Р. Палмер трактует понятие «коллокация» как «последовательность двух или более слов, которые не должны разделяться на составные части, а быть заучены как единое целое» (Ср.: «a succession of two or more words that must be learned as an integral whole and not pieced together from its component parts»). По мнению Ф. Палмера образование коллокаций — дело привычки и языковой традиции, вне зависимости от семантической структуры их компонентов [Palmer 1992: 84; см. т.ж. Мельник 2012:3].

Особым видом коллокаций, требующим особого внимания и рассмотрения являются этнокультурные коллокации. Ни для кого не секрет, что лингвистическая специфичность языка напрямую связана с определенной языковой картиной данного народа, ведь язык - факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем. По мнению Е.И. Архиповой специфика этнокультурных коллокаций как раз и заключается в том, что данные лексические единицы содержат лингвоспецифичные концепты, являются «ключевыми» для определенной культуры и рассматриваются либо как не имеющие единиц аналогичного уровня в рамках двух языков, т.е. они характеризуются отсутствием лексической единицы с тем же референциальным значением, либо его наличием, но его семантическое значение не может быть равноценно различным вариантам передачи этой единицы средствами другого языка. Национальная специфичность этих лексических единиц проявляется в факте вербализации значимых для языкового сообщества явлений и предметов действительности» [Архипова 2016: 54]. В качестве примера в русском языке можно привести такие коллокации как:

русская изба, богатырская сила, банный веник, в английском языке этнокультурными являются такие коллокации как: *breakfast television, gossip column*. Этнокультурные коллокации считают также единицами мышления, поскольку их образование обусловлено с мышлением носителей языка, их картиной мира. Они отражают понимание народом конкретных областей объективной действительности и их взаимоотношений.

Выделяют следующие этапы формирования этнокультурных коллокаций [Архипова 2016: 85]:

1. Каждая этнокультурная единица должна пройти так называемый «порог значимости», когда у носителя языка возникает потребность в номинации того или иного предмета или явления, вызванная особенностями мышления и мировосприятия.

2. Осмысляемый объект действительности объективируется средствами языка, осуществляется поиск подходящего сочетания слов, которое по прошествии времени закрепляется в языке как целостная структура, т.е. коллокация.

3. Составляющие этнокультурной коллокации объединяются друг с другом благодаря определённым механизмам сочетаемости и семантическим компонентам в структуре их лексических значений

4. Формируется целостное значение, зависящее от целостности и воспроизводимости коллокации.

Основная причина возникновения этнокультурных коллокаций в языке – влияние внеязыковых факторов, как например: исторические процессы, культура, картина мира, а также образ жизни этноса. Наличие той или иной коллокации в одном языке и её отсутствие в другом объясняется релевантностью определенного явления для одного народа и нерелевантностью этого же явления для другого.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что для успешного осуществления коммуникации с представителями других народов и культур важно не только владеть иностранным языком на должном уровне, но также понимать коммуникативное поведение собеседника, его внешний и внутренний мир. Всё это находит своё выражение в лексической и грамматической номинации явлений и процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Архипова Е.И.; Кемеровск. гос. ун-т. – Новосибирск [б.и.] 2016. – 20 с. – На правах рукоп.
2. Денисова А.А. Общегуманитарные и этнокультурные проблемы профессионально-деловой коммуникации на русском языке: инновационный подход: Учеб. Пособие / А.А. Денисова. – М.: РУДН, 2008. – 129 с.
3. Мельник О.Г. Обучение коллокациям как фактор овладения иноязычной компетенцией в неязыковом вузе / О.Г. Мельник // Сб. статей по мат-лам II Международн. научно-практ. конф. «Перспективы развития языкового образования в неязыковом вузе» (Таганрог, 14-16 июня 2012). – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012. – С. 170-

178.

4. Петросян И.В. Обучение коллокациям современного английского языка / И.В. Петросян // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2014. – Вып. 2. – С. 161-172.
5. Соболева А.В. Межкультурное общение как особый вид межличностного взаимодействия и комплексная цель иноязычного образования в вузе / А.В. Соболева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, – 2013. – № 6 (24). – С. 182-185.
6. Palmer F.R. Semantics: A New Outline / F.R. Palmer. – М.: Progress, 1992. – 109 p.

ETHNOCULTURAL COLLOCATIONS AS A COMPONENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION

V.D. Bakhmutova

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(branch) of Rostov State University of Economics, Taganrog

This article deals with the connection between language and culture. Ethnocultural collocations are considered in more detail as a special type of collocation that requires special attention and consideration, since these lexical units often have no analogues in other languages, thereby causing the greatest difficulty in communication.

Key words: collocation, intercultural communication, communicative competence, ethnocultural collocations, linguistic view of the world.

Об авторе:

БАХМУТОВА Валерия Дмитриевна – магистрант кафедры иностранных языков Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), *e-mail:* vallerytsoi@mail.ru

УДК 81'271

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е.С. Грицкевич, Н.Н. Дюмон

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Статья посвящена исследованию формул речевого этикета французского и русского языков, их сопоставлению и анализу. В данной статье внимание уделяется специфике речевых клише, выделению их особенностей в каждом из данных языков.

Ключевые слова: речевой этикет, межкультурная коммуникация, 3 стадии диалога, культура и язык, формулы речевого этикета, речевые клише, сопоставительный анализ, повседневное общение.

Межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как личные контак-

ты между людьми, так и опосредованные формы коммуникации. Понятие межкультурной коммуникации тесно связано с определением этикетом в целом, так как общение происходит по правилам, созданными обществом. Рассмотрим определение понятия «этикет и культура». Этикет и речевой этикет – это принятые в том или ином обществе, кругу людей правила, нормы поведения, в том числе и речевого поведения (в соответствии с распределением социальных ролей в официальной и неофициальной обстановке общения), которые, с одной стороны, регулируют, а с другой стороны, обнаруживают, показывают отношения членов общества по таким примерно линиям: свой – чужой, вышестоящий – нижестоящий, старший – младший, далекий – близкий, знакомый – незнакомый и даже приятный – неприятный.

Для осуществления практической цели, призванной достичь успеха в конкретном коммуникационном акте, то есть в акте общения между людьми посредством передачи символов, целью которого является взаимопонимание; продемонстрировать уважение; вызвать симпатию собеседника и создать благоприятную обстановку для общения используются формулы речевого этикета, т.е. определенные фразы и устойчивые выражения, применяемые для 3 стадий диалога: начало разговора (приветствие, знакомство), основная часть, заключительная часть (прощание).

Русский и французский речевые этикеты имеют схожую структуру, обладают одинаковыми функциями и свойствами, однако в сопоставительном аспекте функциональных особенностей выделяется ряд особенностей, присущих каждому из языков.

В любом языке существуют стереотипные выражения для стилистического оформления накопленной научной информации путем ее организации в связный текст устойчивыми (типичными) лексическими средствами, то есть речевые клише. Сопоставим речевые клише французского и русского языков по трем основным категориям.

Обычай приветствия существует практически во всех культурах мира, он объединяет людей, создавая почву дальнейшего общения, сквозь него видно отражение «культуры» человека.

Во французской культуре принято здороваться не только со знакомыми людьми, но и с людьми, с которыми приходится сталкиваться в течение дня: продавцами, кассирами, почтальонами и т.д. Самой распространенной формой приветствия является *Bonjour*. Следует отметить, что после шести часов вечера более характерно приветствие *Bonsoir*. В разговорной и фамильярной речи наиболее часто употребляется слово *Salut*. Стереотипное приветствие аудитории в официальной обстановке предполагает фразу: *Bienvenue*.

В России любой разговор также принято начинать с приветствия, оно может быть как вербальным, так и невербальным. Как правило очеред-

ность приветствий имеет значение, например, младшее поколение приветствует старшее, мужчины – женщин, ученики – учителей, младший по званию – старшего по званию. В русском же языке основными формулами приветствия являются пожелания здоровья (*Здравствуйте!*), содержат указания на временной отрезок (*Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!*) и носят в себе специфический характер (*Здравия желаю!*).

Формулы основной части разговора являются наиболее обширными и во французском, и в русском языках, так как несут в себе определенное смысловое сообщение, адресованное собеседнику.

Так, например, выражение просьбы в русском языке сопровождается фразами *Сделайте одолжение, Если Вас не затруднит, Не сочтите за труд, Могу ли я Вас попросить*. При обращении с просьбой в русском языке принято избегание отрицательной формы. Обязательным атрибутом является наличие слова *Пожалуйста*.

Во французском же языке используются определенные времена и наклонения глагола, которые смягчают этикетную реплику, и просьба становится более похожей на пожелание. Французский оборот *s'il vous plaît* не имеет частотного употребления, а оборот *n'est-ce pas* намного более употребителен и подчеркивает особую необходимость выполнения просьбы. В разговорной речи наиболее распространенным является употребление повелительного наклонения; такие предложения содержат оттенок приказа: *Donne(z)-moi..! Fais(faites)-le!* Следующим по частотности является изъявительное наклонение, глагол в котором может ставиться в вопросительную форму или дополняться словами, смягчающими просьбу: *Voulez-vous (veux-tu) me passer...? Voulez-vous (veux-tu) faire...? Voulez-vous (veux-tu) apporter...?* Наиболее вежливыми вариантами просьбы являются: *Si ca ne vous derange pas, voulez-vous me passer...? Soyez aimable, passez-moi, Faites-moi une faveur, Je vous (te) prie de...*

Французский язык отличается высокой степенью вежливости. Наиболее употребительное, стилистически нейтральное выражение благодарности – это слово *Merci*. Оно может входить в состав различных стандартизированных реплик: *Merci pour (de), Je vous (te) remercie pour, Merci beaucoup, Mille mercis, Mille fois merci, Grande merci, Merci infiniment*. Очень распространенными являются и фразы с глаголом *remercier*: *Je vous (te) remercie, Je vous (te) remercie de..., Permettez-moi de vous remercier de*.

В русском языке за полезный совет, за выполнение просьбы, оказание услуги принято выражать собеседнику благодарность, которая заключается в словах *Позвольте выразить благодарность, Я вам очень благодарен за, Большое Вам спасибо*.

Таким же немаловажным явлением проявления речевого этикета выступает комплимент. Вовремя сказанные добрые слова о личных качествах человека могут поднять настроение собеседника, расположить к открытой

беседе. Обратную роль играют неискренние и лестные комплименты, которые вряд ли приведут к взаимопониманию. Всегда стоит соблюдать тактичность и чувство меры, чтобы не обидеть и не поставить собеседника в неловкое положение. Например, в русской культуре женщине уместно сказать *Вы прекрасно выглядите*, дружелюбному и общительному человеку *Вы отличный собеседник*, хорошему менеджеру *Вы прекрасный организатор*.

Во французской культуре комплименты довольно часто касаются внешнего вида собеседника, его положительных качеств. Чтобы выразить это в речи, используются устойчивые сочетания например - *avoir une bonne mine*, существительные с прилагательным оценки - например: *C'est une femme d'une grande beauté; Vous êtes (tu es) intelligent(-e)*, наречие *très*, усилительная частица *si* и прилагательное *bon*, а также глагол *être* или *faire*: *Vous êtes un très bon traducteur; Quel bon traducteur vous êtes*.

В завершении разговора используются формулы прощания, расставания. Эти речевые клише в русском языке выражаются в виде пожеланий (*До свидания, Всего хорошего, Всего самого доброго*), ожиданий предстоящих встреч (*До завтра, Надеюсь на скорую встречу*) или сомнений в последующих встречах (*Прощайте, Не поминайте лихом*).

Наиболее же употребительным выражением прощания в современном французском языке является: *Au revoir*. В ситуации прощания характерно употребление уточняющих элементов, которые конкретизируют временной отрезок до следующей встречи: *à bientôt, à demain, à dimanche, à ce soir, jusqu'à*. Часто прощание предполагает какое-то пожелание: *Bonne chance, Bon courage, Portez-vous (porte-toi) bien*.

В целом современные этикетные формулы французского и русского языков имеют очень схожие по своей структуре речевые обороты, которые полностью соответствуют потребностям коммуникации. Однако в это же время существуют некоторые различия, которые обусловлены разными потребностями коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова О.А. Речевой акт комплимента в русском и французском языках / О.А. Агаркова // Языковые и культурные контакты различных народов: Сб. статей междунауч. научно-метод. конф. – Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 3-5.
2. Ларина Т.В. Единицы речевого этикета как отражение национально-культурной специфики коммуникативного поведения / Т.В. Ларина // Актуальные проблемы романистики. Языки, Общество. Культура. – Саратов, 2003.
3. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Икар, 2007. – 480 с.
4. Чернышева М. А. Культура общения / М.А. Чернышева. – Л., 2008. – 537 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Аргументы и факты [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/gazeta/number/39325>

Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/>

Le Figaro [Электронный ресурс]. – URL: <http://kiosque.lefigaro.fr/le-figaro>

Le Monde [Электронный ресурс]. – URL: <https://journal.lemonde.fr/>

Le Parisien [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.leparisien.fr/>

NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY OF SPEECH ETIQUETTE FORMULAS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

E.S. Gritskevich, N. N. Dumon

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The article describes the formulas of speech etiquette of the French and Russian languages and gives their comparison. The authors focus on the specifics of speech clichés, highlighting their features in each of these languages.

Key words: *speech etiquette, intercultural communication, 3 stages of dialogue, culture and language, formulas of speech etiquette, speech clichés, comparative analysis, everyday communication.*

Об авторах:

ГРИЦКЕВИЧ Екатерина Сергеевна – студентка Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* katgritskevich@mail.ru;

ДЮМОН Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедр романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* djumon18@mail.ru

УДК 94

ВКЛАД В.П. ВАСИЛЬЕВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

А.К. Ковтун

Иркутский государственный университет, Иркутск

Статья посвящена выдающемуся российскому учёному Василию Павловичу Васильеву, который внёс значительный вклад в развитие отечественной синологии. Показан научный путь исследователя в сфере изучения Азии в целом и Китая в частности.

Ключевые слова: *Китай, китайский язык, синология, китаеведение, В.П. Васильев.*

Среди российских китаеведов-педагогов выделяется немало заслуженных профессионалов своего дела. В качестве одного из самых значимых моментов развития китаеведения в нашей стране отмечают появление национальной школы, создание которой обычно ассоциируется с трудами академика Василия Павловича Васильева (1818-1900) – китаеведа, историка, санскритолога, буддолога, маньчжуроведа, основателя и первого заве-

дующего кафедрой китайского языка восточного факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, который считался лидирующим российским исследовательским центром.

Из-под пера В.П. Васильева вышло огромное множество работ, которые описывали язык, историю, религию, географию и литературу Китая, но к всеобщему сожалению, некоторые из вышеуказанных работ сохранились лишь в рукописном виде. Первым его научным творением является «Очерк истории китайской литературы». Кроме того, в сфере мировой синологии В.П. Васильев запомнился в качестве ученого, который посвятил себя буддизму [Кычанов 1991]. Наиболее известным трудом в данной области является его монография «Буддизм, его догмы, история и литература. Часть 1. Общая рецензия», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1857 году, источниками для которой послужили переводы с китайского и тибетского языков. В 1860 году она была опубликована в сразу на немецком и французском языках.

Второй по значимости работой В.П. Васильева считается «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм». В этом по-настоящему глубоком и основательном труде он затрагивает вопросы китайской идеологии и религии [Русская философия 2007], закладывая тем самым дальнейший путь для российских исследователей в деле изучения религии Китая [Кобжицкая 2008], его мифологии [Адилханян 2014].

Кроме вышеупомянутых, большого внимания заслуживают труды В.П. Васильева, посвященные изучению истории маньчжуров [Волкова 1991: 69-88; Патрушева, 1986].

В 1864 году Васильев защитил докторскую диссертацию «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863). Затем им была исследована ранняя история маньчжуров; в этой работе Васильев поставил вопрос о критическом отношении к китайским династийным историям. На его исторических работах сказалось влияние так называемой государственной школы в русской историографии (С. М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.) [Скачков 1956]. Отмечен вклад В.П. Васильева в опыт отечественного переводоведения [Гончаров 1991: 188-198], а с учетом его персонального переводческого дискурса [Карачева 2014: 176] он оказывается весьма прогрессивным.

Вместе с тем значительный вклад В.П. Васильев внес в развитие отечественной лингвистики и лингводидактики. Его работа «Анализ китайских иероглифов», вышедшая в 1866 г., заложила системные основы изучения китайской письменности, а ее вторая часть – «Элементы китайской письменности» – продемонстрировала прогрессивные для того времени дидактические и лексикографические идеи ученого [Готлиб 2014: 4]. Несмотря на то, что эта работа была создана в XIX в., современными исследователями она признается важным шагом в развитии идей грамматики китай-

ской письменности, научной дисциплины, укрепляющей свои позиции в начале XXI в., разрабатывая собственные подходы и методы [Шаравьева, 2009: 42]. В своей книге Васильев не только предложил собственные взгляды на классификацию китайских знаков, но и описал важность понимания структуры иероглифов для их изучения. Он полагал, что дидактические основы заучивания иероглифики находятся в понимании эволюции китайской письменности. Впоследствии, этот подход получил развитие в работах его ученика, С.М. Георгиевского, который разработал метод изучения знаков через их этимологию. Современными исследователями он характеризуется как метод грамматологической этимологии. [Кремнёв 2017: 46]. Кроме того, В.П. Васильев разработал уникальную для того времени систему расположения и поиска иероглифов в словарях. Эта система, будучи доработанной, в дальнейшем нашла свое применение в отечественной лексикографии.

Как итог, влияние Василия Павловича Васильева на российское китаеведение становится очевидным, а интерес к его работам не угасает и сегодня. Последующие выдающиеся синологи обращались к его трудам, а работы по буддизму снискали всемирную славу и не потеряли своего научного и исследовательского значения и по сей день.

Педагогическая деятельность В.П.Васильева имела огромное значение для развития востоковедческого образования в России. Сегодня трудно отрицать, что, в том числе благодаря деятельности В.П. Васильева, российская синология смогла проделать столь долгий и интересный путь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адилханян Н.Л. Опыт выявления архетипических признаков антропоморфных духов трактата «Шань хай цзин» (на примере Си Ван Му (西王母) и Хоу И (后羿) // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: Мат-лы междуна-родн. научно-практ. конф. (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – С. 3-10.
2. Волкова М.П. История и конфуцианство – два раздела маньчжурской литературы [В.П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы] // 22-я НКОГК. – Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 69-88.
3. Гончаров С.Я. «Цзинь чжи» (Описание государства Цзинь) в переводе В.П. Васильева (К оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. – Ч. 3. –М.: Наука, 1991. – С. 188-198.
4. Готлиб О.М. Отечественные труды по грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. (результаты научного исследования) / О.М. Готлиб, Е.В. Кремнёв, Т.Е. Шишмарева // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – С. 92-96.
5. Карачёва Н.С. Персональный дискурс переводчика как объект лингвистического анализа / Н.С. Карачёва // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. – 2014. – № 2. – С. 175-181.
6. Кобжицкая О.Г. Представления о душе в эпоху Инь и Чжоу / О.Г. Кобжицкая //

- Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы: Сб. трудов международн. конф. (Красноярск, 14-16 марта 2008 г.). – Красноярск: СФУ, 2008. – С. 87-92.
7. Кремнёв Е.В. Регионоведение и этнология стран АТР: грамматологическая этимология как метод изучения материально-бытовой культуры древних китайцев / Е.В. Кремнёв, С.Б. Макеева, О.В. Кузнецова // *Sciences of Europe*. – 2017. – № 13-1 (13). – С. 45-51.
 8. Кычанов Е.И. «Маха праджня парамита» сутра на тангутском языке. [Значение трудов В. П. Васильева для изучения буддийского канона] / Е.И. Кычанов // 22-я НКОГК. – Ч. 3. – М.: Наука, 1991. – С. 55-63.
 9. Патрушева М.А. О трудах В. П. Васильева по истории Маньчжурии / М.А. Патрушева // 17-я НКОГК. – Ч. 2. – М.: Наука, 1986. – С. 191-192.
 10. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения / П.Е. Скачков / АН СССР. Ин-т востоковедения. Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука, 1977. – 505 с.
 11. Шаравьева И.В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных / И.В. Шаравьева // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – № 4. – С. 42-47.

V.P. VASILYEV' S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SINOLOGY

A.K. Kovtun

Irkutsk State University, Irkutsk

The article describes major achievements of the outstanding Russian scientist Vasily Pavlovich Vasilyev, who made a significant contribution to the evolution of Russian sinology. A scientific path is shown in the field of studying Asia and specifically his Chinese studies.

Key words: China, the Chinese language, Sinology, V.P. Vasiliev.

Об авторе:

КОВТУН Александр Кириллович – студент Иркутского государственного университета; *e-mail:* westonthe@gmail.com.

УДК 008:316.77

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

С.В. Кошелева

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел

Статья посвящена концепту «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ». Автор приводит определения этого термина различными учеными и специалистами практиками. Ролевая игра и метод решения ситуативных задач «case-study» предлагаются в качестве эффективного подхода в обучении межкультурной коммуникации в условиях глобализированного мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, метакогнитивные навыки, ролевая игра, метод решения ситуативных задач.

В современном мире, в условиях глобализации, когда страны сближаются на основе экономической и информационной интеграции, становится все более очевидным, насколько сложна и самобытна каждая из мировых культур. Межкультурное общение остается по-прежнему делом сложным и дискуссионным.

Ситуация международной интеграции требует от современных специалистов не только профессионализма в своей сфере, активного владения несколькими иностранными языками, но и способности понимать и адаптироваться к различным культурам, чувствовать себя свободно в разных типах культур и одновременно четко понимать и осознавать свою национально-культурную специфику (cultural identity).

Создателем концепции межкультурной коммуникации (intercultural communication) является американский антрополог и кросскультурный исследователь Эдвард Холл. В 1954 г. вышла книга Э. Холла и Д. Трагера «Culture as communication», в которой впервые термин «межкультурная коммуникация» был предложен для широкого применения. Американские ученые Ларри Самовар и Ричард Портер в 1972 году в книге «Коммуникация между культурами» дали определение этому термину, согласно которому межкультурная коммуникация – это такой вид коммуникации, в котором отправитель и получатель принадлежат к разным культурам [Samovar 2012: 37].

Термин «межкультурная коммуникация» представляет собой общие идеи, которые трудно выразить одним способом. Рассмотрим еще несколько академических определений.

Межкультурная коммуникация – это общение между людьми из разных культур [Chen 1998, 28].

Межкультурная коммуникация – это символический, толковательный, связанный с поступками человека контекстуальный процесс, в котором люди из разных культур создают общин значения [Lustig 2007, 46].

Межкультурная коммуникация – это влияние на коммуникационное поведение, оказываемое во время взаимодействия различных культур. Следовательно, межкультурная коммуникация — это коммуникация, которая раскрывается в символических межкультурных пространствах. [Arasaratnam 2013: 48].

В данной статье мы, говоря о концепте «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», выделяем три элемента, наличие которых свидетельствует о межкультурной коммуникации:

- коммуникация;
- взаимодействие между представителями различных культур;

- культурные различия, которые оказывают влияние на процесс коммуникации.

Во-первых, должна быть коммуникация. Неважно будет ли это лицом к лицу или посредством письма, либо электронной почты, онлайн игр или социальных сетей. С учетом быстрого развития информационно-коммуникационных технологий в нашу эпоху коммуникация осуществляется на различных платформах с аудиторией со всего мира.

Во-вторых, существование культурных различий. Эти различия можно классифицировать по национальности, этническому происхождению, религиозным убеждениям, полу, возрасту, географическому региону, политической идеологии, сексуальной ориентации и т.д. Вряд ли кто-то принадлежит только к одной культурной группе, поэтому вполне естественно, что несколько категорий будут затронуты в конкретном взаимодействии.

В-третьих, культурное различие должно оказывать влияние на процесс коммуникации. Только когда культурные несовпадения влияют на взаимодействие, это можно квалифицировать как процесс межкультурной коммуникации. Таким образом, любое коммуникативное взаимодействие можно охарактеризовать как межкультурное, если выявить культурные различия и показать, как они влияют на коммуникативное событие.

В настоящее время межкультурная коммуникационная деятельность играет важнейшую роль в преподавании иностранных языков. Преподаватели иностранных языков должны знать, как развивать межкультурные коммуникативные компетенции студентов, а также помогать им в личностном развитии.

Для решения этих задач огромное значение имеют ролевые игры. Поскольку ролевая игра или симуляция поощряют рефлексивное мышление и творчество [Di Pardo Léon-Henri 2014: 352], обучающиеся могут развивать и практиковать новые языковые и поведенческие навыки. Кроме того, развитие метакогнитивных навыков является неотъемлемой частью ролевой игры с участием сверстников. Благодаря этому инновационному и прагматичному подходу к изучению иностранного языка, учитель расширяет возможности учащихся, побуждая их активно участвовать в исследованиях и самостоятельно принимать решения. Активно участвуя в выборе своей темы, учащиеся могут затем приступить к концептуализации оригинальной идеи и построить свой диалог, включив словарные термины или выражения при подготовке своих персонализированных сценариев ролевых игр.

С точки зрения методологии, ролевая деятельность может охватывать различные виды общения в классе. Э. Мортимер и Ф. Скотт описывают четыре основных типа общения следующим образом:

- интерактивный /диалогический: и учитель, и ученики участвуют в изучении новых идей, задают вопросы и отвечают на них, высказывая различные точки зрения;

- неинтерактивный / диалогический: учитель суммирует различные точки зрения и исследует или работает с различными точками зрения;
- интерактивный / авторитетный: учитель фокусируется на одной точке зрения, используя упорядоченную последовательность вопросов с целью консолидации конкретной точки зрения;
- неинтерактивный / авторитетный: только учитель представляет конкретную точку зрения, и она не взаимодействует со студентами [Mortimer 2003: 395-406].

Приведенная выше схема может помочь преподавателям в достижении целей обучения. Каждый подход соответствует определенным ролям и обязанностям, связанным с различными отношениями между преподавателем и учеником.

Чтобы способствовать более глубокому пониманию глобальных профессиональных условий и, в частности, межкультурных деловых отношений, для преподавателей иностранного языка важно посвятить часть своего времени повышению межкультурной осведомленности студентов. При этом студенты учат практические термины и выражения (словарный запас и содержание), а также знакомятся с различными аспектами межкультурного общения (словесного и невербального) в профессиональной среде. Таким образом, студенты могут развивать свои метакогнитивные навыки, проводя мозговой штурм, анализируя проблемы и решая задачи.

Кроме того, студентам предоставляется возможность улучшить свои коммуникативные навыки (говорение, произношение, интерактивность), чтобы лучше подготовиться к ролевой игре в своих группах. В этом педагогическом методе выбранная ролевая деятельность делится на следующие этапы: этап подготовки, этап объяснения, этап проведения, и обратная связь, этап анализа и обобщения.

Рассмотрим еще об один метод, роль которого велика при обучении межкультурной коммуникации. Это case-study или метод решения ситуационных задач – сравнительно новая методика, которая приобретает все большее признание в сфере высшего образования. Это происходит в связи с изменением в системе образования вектора, который направлен теперь не на передачу и получение определенных знаний, а на формирование у студентов профессиональных компетенций, навыков мышления, развитие личностных качеств, подготовку специалиста, который обладает способностью оптимального поведения в межкультурных ситуациях общения. В основе метода case-study лежит конкретная ситуация, взятая из жизни и содержащая проблему. Задача состоит в том, чтобы найти решение этого вопроса. Популярность этого метода основана как раз на близости к реальной профессионально-ориентированной модели поведения будущих специалистов в условиях профессионального и межкультурного взаимодействия.

Ролевые игры и метод case-study в сочетании с партнерским взаимодей-

ствием и межкультурным измерением являются эффективным подходом к изучению иностранного языка. Подавляющее большинство студентов считают, что эта деятельность дает им возможность учиться и развивать свои языковые навыки в творческой обстановке. Даже если преподаватель иногда берет на себя роль модератора, учащиеся являются активными учениками, готовыми взять на себя ответственность, связанную с инновациями и принятием решений. Кроме того, студенты указывают, что этот метод предоставляет им интересный форум, где сочетается содержание, познание, общение, многообразие культур для развития профессиональной и межкультурной компетенции будущих специалистов. Принимая активное участие в этой деятельности, студенты признают, что межкультурное общение может быть очень сложной проблемой в профессиональной сфере общения. Ролевые игры и case-study дают студентам свободу представлять, создавать, а затем анализировать ситуации межкультурного взаимодействия, обсуждать и согласовывать результаты своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arasaratnam L.A. Intercultural Communication Competence / L.A. Arasaratnam // Intercultural Communication: Representation and Construction of Culture. – L.A., CA: SAGE Publications, 2013.
2. Chen G.M. Foundations of Intercultural Communication / G.M. Chen, W.J. Starosta. – Boston, MA: Allyn & Bacon, 1998.
3. Di Pardo Léon-Henri D. Breaking the Ice with Business English / D. Di Pardo Léon-Henri // The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. – 2014. – Vol. 2. – № 3, Special Issue. – P. 345-358.
4. Lustig M.W. Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures / M.W. Lustig, J. Koester. – 5th ed. – Shanghai, China: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007.
5. Mortimer E. Meaning Making in Secondary Science Classrooms / E. Mortimer, Ph. Scott. – Open University Press, 2003.
6. Samovar L., Porter R. Intercultural Communication: a Reader / L. Samovar, R. Porter. – 13th edition. – Wadsworth: Cengage Learning, 2012. – 518 p.

INTERCULTURAL COMMUNICATION: FROM THEORY TO PRACTICE

S.V. Kosheleva

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel

The present article focuses on comprehending cross-cultural communication. The author clarifies what scholars and practitioners mean by the term «intercultural communication». Role play and case-study are presented as practical and effective ways to teach students intercultural communication in an increasingly global and mobile society.

Key words: intercultural communication, metacognitive skills, role play, case study.

Об авторе:

КОШЕЛЕВА Светлана Витальевна – старший преподаватель кафедры

иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, *e-mail*: claire.76@mail.ru

УДК 81'271.133.18

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Р.С. Муханбетжанова

Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова,
Костанай, Казахстан

Современная французская печатная реклама, наряду с другими средствами массовой информации играет большую роль в формировании женского имиджа. В статье рассматриваются особенности французской рекламы, в которой женщина представлена как «женщина-мать», «женщина-соблазнительница», «женщина-хранительница очага».

Ключевые слова: французская реклама, рекламный текст, образ женщины.

At present, advertising texts are one of the crucial elements of mass and intercultural communication. Advertising is a means of moulding public opinion and social behaviour of people, it influences our social institutions, penetrates into all spheres of life of the society. Advertisements do more than communicate about products and services; they also tell us what products mean to the way we live.

The article shows the way how gender characteristics are shown in modern French advertisements. During the research of modern French advertisement, the main attention was paid to the description and the analysis of a female gender stereotypes.

Modern French print commercial advertising, along with other mass media, plays a large role in formation of a female image. As a rule, during creation of advertising messages the French advertisers use biological (appeal, age, character) and social (public status, career, social position, way of life, home duties) factors entering a basic images of a woman, which has already been a part of French national consciousness. Having analysed modern French advertisements with the use of female images we can note that most often in French advertising the woman appears in three main forms:

Image of a woman (in different roles):

- a woman-mother;
- a woman-temptress (sexy image);
- a woman-family keeper (a good housewife);

No doubt that such distribution is caused by features of the French national

and cultural specifics. Researchers of the French national character N. Yapp and M. Sirett note that the French are much tied to the families – «the kindred blood for them is definitely not mineral water. They love the children very much and are extremely proud of them – partly because there have already been progressing decrease in birth rate for many years in France. The government encourage them to have as many children as possible in a family and to raise them in the atmosphere of boundless love and care» [Япп 2008: 9-10].

Thus, in the majority of modern French advertisements lexemes "mère" / "maman" (mom/mother) participate in realization of an image "maternal love". French advertising messages explain much about a woman-mother, her feelings and duties in relation to a child. As a rule, an image "women-mother" is used in advertising of children's goods (food, pampers, toys). For example:

«La mere donne toujours toutes la tendresse a ses enfants. On n'oublie pas avec nouveau Lait du corps Gonson's Baby des premiers jours» (A mother always gives to children all the tenderness. Creating a new milk for care of the newborn's skin, specialists of the company *Johnson Baby* haven't forgotten about it).

The author of this advertising message wakes up the maternal feelings in a woman give her the chance to look at the world around in a different way, to think of true values and to pass on the experience to the next generations. Also the fact that the following stereotypes are fixed in national consciousness of French becomes obvious: motherhood and a family are natural necessity of a woman, her main destination.

Modern French advertisement is guided by women not only as a mother, but also as a keeper of a family. In France, the family is one of the strongest social components. S. de Madariaga states that "the family in France can be considered as a field in which individual and social tendencies meet and compensate each other. The French family doesn't recede under pressure of national group and exactly thanks to a family standard of collective behaviour of the nation is supported" [Madariaga 1929: 119]. The researcher also notes that «the high level of intellectual culture, typical French tendencies of a pre image, planning, a schematization, distributions of duties – allow the French family to possess their own individuality and promote extension of a family as in the French society it includes all distant relatives, everyone has a place in a family army».

All the above-stated points that in French society the woman possesses the leading role in the organization of family life, creation of favourable moral atmosphere, a family cosiness and housekeeping. The woman in the French national consciousness is related to the idea of protection therefore she is called "*la providence*" ('the mistress of a home').

Mostly the image of «a woman family keeper» is met in advertising of food. Advertising messages of similar subject are supplemented with the corresponding illustrations (a photo of family dinners, happy faces of children, parents and so forth). For example:

In the advertising of a pie the image of a happy family around a dining table on a day off work is used. In the centre of the photo there is a smiling face of a mother. She is looking gently and with love at her husband and children. The slogan of the advertising message says:

*L'amourça se cuisine tous les jours – Vous reprendrez bien un
peud'inspiration ,*

You fall in love with cooking and you have inspiration every day!

For the purpose of drawing attention of target audience, French advertisements emphasize that the family dinner with a tasty pie is not only a source of positive emotions, but also a way of unity, a consolidation of a family. The text is about a happy simile cultivate family values, propagandize the idea that true vital force starts with a family, driving force of which is a woman as a mother and a wife. The message is stressed with such words as: *d'inspiration (inspiration)*, *amour (love)*.

In modern French advertisement «a woman-family keeper» is also presented as a jealous hostess she is able to think rationally and above all economically to be in charge of housekeeping.

Thus, in the French culture the signs corresponding to the characteristic of a role of the woman in a family are represented by the following: the family plays an important role in the French society; a woman creates a homey, moral atmosphere, cosiness; a woman possesses a leading role in housekeeping; a woman is an economical and rational hostess who seeks to provide the family and herself to the best, at the same time with the minimum physical and material inputs; the house, children, a household are major activities of a woman.

Besides, every woman wants to be beautiful, even if she is a housewife. This principal is realized in the following example:

Avec MAGGI chaque femme est une étoile

With MAGGI every woman is a star.

At first sight, there is nothing in common with “broth cube” and a “star” (in the meaning of being a celebrity, fashion icon etc). But this slogan contains the following meaning: using MAGGI cubes, the woman is able to cook such tasty dishes that they will make her a star (everybody would say her compliments and thanks). This slogan gives no information about the ingredients, healthy qualities etc of this product. The producers call to the natural desire of every woman to feel attention, to get compliments. The information is given implicitly. The image of «woman-temptress» most often is met in advertising of perfume and beauty products, jewellery, clothes, cars, alcohol beverages. Distinctive feature of this advertising direction is refinement of a visual and language number of the advertising project.

Texts are saturated with emotional and estimated lexicon, phraseological units and other stylistic means of expressiveness.

Here is the key position is taken by biological factors, namely the concept of "female beauty".

In the French culture beauty is positioned as the phenomenon given to the woman at the subconscious level. Female beauty has the huge impact on opposite sex. The ancient French proverb says "C'est une chose plus enivrante que le vin d'être une belle jeune femme" (To be a young beautiful woman means to intoxicate more than wine). The concept «GOOD WINE», as well as the concept «BEAUTIFUL WOMAN» is the integral component of the French mentality, purely French relation to life which they call "lajoie de vivre" (joy of life). In this regard N. Yapp and M. Sirett note the following: «For many years beauty has given to women power and the power has given them the world. We will remember madam de Pompadour and madam de Mentenon who have won the hearts of the royals and actually ruled France. The French women always wanted the men worship them. Women in France can demand opportunities, equal with men, in respect of education, career, the civil rights, but will never refuse that power, which beauty gives and which they have always so skilfully owned and used it irrespective of who they: good wives or remarkable mistresses» [Япп 2008: 130].

Taking into consideration national and cultural specifics of the concept "female beauty" the French advertisers focus their products on women of different age and professions, but equally beautiful, charming and sexual.

There are some of the most striking examples (slogan):

"Moet - champagne de luxe pour la Belle"

"Moet" - magnificent champagne for a beautiful woman

This sort of champagne is always considered to be a high class product. Using the words: *de luxe, Belle*, the advertiser wants to stress, that woman's beauty deserves only the best things. Again, the information is given implicitly: we cannot find the description of the product qualities – the name of the well-known brand speaks by itself.

French culture declares that a woman is unconditionally good which is proved by a French proverb saying «Ce que femme veut Dieu le veut», («What the woman wants – God wants»).

Concerning the texts of advertisements in modern French the concepts «WOMAN» and «FEMALE BEAUTY» are associated only with good things, which is caused by the fact that for achievement of the maximum impact on the addressee, advertisers prefer to use exclusively positive factors, i.e. those, which won't cause negative reaction in target audience.

In advertising the concept «FEMALE BEAUTY» is always the benefit capable to change, embellish the world around us. For example:

Lait "Lait des Montagnes" le monde devient plus grand, plein de joie et lumiere

With Lait des Montagnes milk the world is becoming bigger and brighter, and life is filled with happiness and joy.

This advertisement presents a woman in a fantasy dress, made of milk. An unusual approach to the advertising of this product is stressed not only by this

funny picture, but also by the style of the message. Usually such ads say about nutrition or low fat qualities of the milk, but in this case the producers state, that this milk will bring you “joy” and “happiness”. This advertisement could be treated rather as humorous, but such unusual ways, as a rule, are fruitful for promotion of the goods.

So, it is possible to select such national and cultural characteristics corresponding to the image of «a female-temptress» as the description of female beauty – a key factor considering the image of a female temptress; beauty is given to the woman by nature; impact of female beauty on men is extraordinary big; beauty gives esthetical pleasure – admires, intoxicates, forces to forgive many female shortcomings; a beautiful woman is free, relaxed in issues of love and sex; a beautiful woman is a carrier of good.

At the beginning of the article we have classified the female image into three groups (total 30 items):

- A woman-family keeper;
- A woman-mother;
- A woman-temptress.

The results have shown that the most popular image is a woman-family keeper.

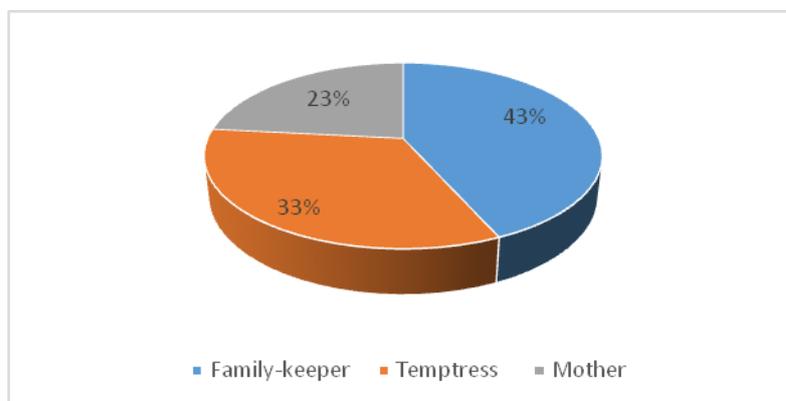

Figure 1. Image of a woman (in different roles)

The prevalence of the «a family woman» image demonstrates the importance of the family values in French culture.

French advertising tempts the consumer more than sells. In French advertising visualization, bright and impressive images prevail.

The key to success of modern French print advertising is a professionally made advertising text the main objective of which is to interest, draw attention of the potential consumer and to induce him/her to buy advertised goods/service.

ЛИТЕРАТУРА

1. Япп Н. Эти странные французы / Н. Япп, М. Сиретт. – М.: ЭГМОНТ, 2008. – 130 с.
2. Madariaga S de. Englishmen, Spandiards: An Essay in Comparative Psychology / S de Madariaga. – Oxford: Oxford Uni. Press, 1931. – 119 p.

THE IMAGE OF A WOMAN IN FRENCH ADVERTISING TEXTS

R.S. Mukhanbetzhanova

A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan

Modern French print advertising, along with other mass media, plays a large role in formation of a female image. The article examines the peculiarities of French commercial advertisements in which a woman is the main character representing different roles: a woman-mother, a woman-temptress (sexy image), a woman-family keeper (a good housewife).

Key words: French advertisements, a woman-mother, a woman-temptress, a woman-family keeper.

Об авторе:

МУХАНБЕТЖАНОВА Роза Сейтханована – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А.Байтурсынова, *e-mail:* rose_19_93@mail.ru

УДК 39(4/9)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ХАРАКТЕРА

О.В. Сулова, Е.А. Ежова

Челябинский государственный университет, Челябинск

В статье рассмотрены особенности национальной идентичности жителей Китая, особенности китайской культуры, как фактор и условия культурного влияния и поведенческих особенностей. С опорой на теории Э. Холла, Р. Льюиса и Г. Хофстеде проводится оценка особенностей самовосприятия и обоснование китайского национального характера.

Ключевые слова: национальный характер, межкультурная коммуникация, идентичность, самовосприятие, стереотип, Китай.

Национальный характер Китая складывался на протяжении многих веков, на его формирование оказывали влияние всевозможные социокультурные, политические и религиозные факторы. Они воспитывали почтение к традициям, религии, общественным и моральным нормам. Неудивительно, что в XXI веке Китай является одной из высококультурных, богатых духовно стран.

Г. Хофстеде разработал «мерный подход к межкультурным сравнениям». Согласно его концепции, расширение делового взаимодействия во всем мире неизбежно приводит к общению между культурами, при этом культура является национальным кодом. Люди общаются через невербаль-

ные средства общения, такие как жесты, мимика, язык тела, позы и т.п. Иными словами, культуру и коммуникацию можно считать неразделимыми. Г. Хофстеде описал шесть особенностей, которые могут помочь в анализе и понимании других культур: дистанция власти; индивидуализм/коллективизм; маскулинность/феминность; избегание неопределенности; ориентация во времени; гедонизм/терпимость [Хофстеде 1980: 24].

Э. Холл был первым, кто ввел термин «межкультурная коммуникация», и определил её как «общение между двумя лицами разных культур». Э. Холл разработал научную теорию разделения культур по параметрам: время, пространство, контекст, информационные потоки [Холл 1990: 31].

Ссылаясь на результаты индивидуальных интервью более 50 000 руководителей и ответы 150 000 онлайн-респондентов из 68 стран мира, основываясь на особенностях поведения представителей разных культур, Р. Льюис создает следующую классификацию культур:

1. Моноактивные (task-oriented) – ориентированы на выполнение задачи.
2. Полиактивные (people-oriented) – ориентированы на людей, словоохотливы и общительны.
3. Реактивные (respect-oriented) – интровертивны, ориентированы на сохранение уважения.

Согласно теории Р. Льюиса, поведенческую модель жителей Китая следует отнести к реактивной, что в первую очередь основано на условиях культурной традиции [Льюис 2014: 64].

Следует отметить, что в древнем Китае сформировалась не столько философия в строгом смысле или наука в современном понимании этого слова, сколько то, что можно назвать «мудростью». На это влияли особенности древнекитайского языка (грамматическая аморфность), а также эволюция древнекитайской социальной системы.

По мнению Е.Н. Беляевой, Китай обладает высококонтекстной культурой: в нём развит неязыковой контекст, который содержит в себе скрытые значения (человек может по внешнему виду или статусу собеседника выстроить диалог), фигуральные выражения. Характер китайской национальной культуры мало изменяем и независим от современности, в нём основные ориентиры – духовное богатство и традиции, развитие страны и овладение передовыми технологиям должно базироваться на китайских фундаментальных взглядах и принципах [Беляева 2016: 72].

Китай соответствует всеми критериям, которые выделил Э. Холл для характеристики высококонтекстуального общества: маловыраженная манера речи, значимость невербального общения, отсутствие избыточной информации, не конфликтность. Данные черты китайцев характеризует народная мудрость: 明人不用细说, 响鼓不用重锤。(Умному человеку не надо долго объяснять).

Китайская сдержанность и гармоничность отмечается и Р. Льюисом. Как уже отмечалось, автор относит китайцев к реактивному типу характера, т.е. считает их людьми, которые обдумывают свои действия с перспективой для достижения цели, способны менять планы в небольшой степени, не проявляют внешних эмоций [Льюис 2014: 70].

Сами китайцы сдержаны и скромны, они говорят о своём характере: 作为热水瓶的特征 - 里面很热, 外面很冷. (Он похож на термос – внутри горячий, а снаружи холодный). Такая особенность поведения обусловлена принятым в обществе понятием, что воспитанный человек должен сочетать в себе гуманность и чувство долга, которое заключается в соблюдении принятых норм и правил (проявлять чувства и желания было запретным). В Китае манеры обязательны к соблюдению, там не принято говорить комплименты при встрече, касаться женщин, брать их под руку, помогать надевать пальто. Не принято уступать место и открывать перед женщинами двери. Сами представительницы прекрасной половины человечества должны быть скромны, курение и спиртные напитки находятся в строгом запрете для них [Собольников 2015: 29].

Коренные жители КНР доброжелательны, особенно по отношению к иностранцам. Многие путешественники и приезжие ощущают повышенное внимание к себе: взгляды, указывание пальцем на них. Подобные ситуации не несут в себе враждебность, наоборот, являются неким жестом доверия.

Приветствие в Китае словесное, однако, может сопровождаться небольшим движением головы. «Вы», как форма обращения, употребляется по отношению к незнакомым и почтенного возраста людям. Если собеседник хочет подчеркнуть уважительное отношение, то он использует «госпожа» («господин») – это указывает также на степень близости. С.М. Георгиевский в работе «Принципы жизни Китая» говорит о том, что в Китае считается грубостью назвать незнакомца по имени, люди применяют в беседе звание или имя и фамилию человека [Георгиевский 2015: 74].

При прощании принято кивнуть головой. Кланяются в Китае в знак глубокого уважения (чем глубже поклон, тем больше уважения хотят проявить адресату). На форуме БКРС отмечается, что в Пекине при расставании часто говорят 照顾好自己 (береги себя). Когда люди желают добра, они советуют всё делать медленно: 慢慢来 (не торопись), 慢慢吃 (кушай медленно) [Форум БКРС <https>].

Китайцы отличаются своей гостеприимностью: они любят ходить в гости и приглашать к себе домой. Подобная привычка осталась со времен, когда не было домашних телефонов, причём наведать друг друга они могут без предупреждения, но проводить вне дома длительное время не принято.

Считается, что крайне неприлично прийти в гости без подарка, особенно если в доме есть люди преклонного возраста или маленькие дети. Гостинцы не должны быть дорогим – это вызывает неоднозначную реакцию у

хозяев дома.

Особо почтительно в Китае отношение к старшим – им уступают место, предоставляют право высказываться первыми. Предлагая книгу или газету тому, кто старше, необходимо передавать предмет обеими руками, чтобы продемонстрировать уважение.

Другой способ трактовки национального характера – это восприятие какой-либо нации другими народами. Данное восприятие можно изучать через существующие стереотипы. Вот некоторые из них, относящиеся к китайцам.

Стереотип №1. «В Китае очень жадный народ».

Согласно опросу, проведенному Центром социальных исследований «Чжунго циннянь бао» («Китайской молодежной газеты») среди своих читателей, 90,3% от общего числа участников опроса (3602 человека) считают, что в правительственных учреждениях наблюдается более серьёзное расточительство, чем у отдельных граждан. Согласно проведенному исследованию, 54,6% опрошенных считают себя «сравнительно экономными», 7,6% – «очень экономными», 27% – назвали себя «обычными», тогда как лишь 9,2% считают себя «сравнительно расточительными» и 1,7% – «транжирами».

Стереотип №2. «Все китайцы владеют боевыми искусствами» – стереотип, который сложился у всего мира. В реальности это справедливо в отношении лишь малого процента жителей КНР. Так в целом данные опроса показывают, что только 12% китайцы склонны заниматься единоборствами.

Стереотип №3. «В Китае царит атеизм».

На самом деле КНР является светским государством, во главе которого стоит коммунистическая партия, отстаивающая атеизм, но в стране проживает немало религиозных людей – православных и католиков, мусульман и иудеев, последователей конфуцианства, буддизма, даосизма. О возникновении и закреплении данного стереотипа пишет в В.С. Кулико [Куликов 1989: 82].

Стереотип №4. Китайцы – импульсивный и эмоциональный народ (так думают большинство приезжающих в КНР). Современным китайцам свойственен прагматизм, реализм и деловитость [Сладковский 1984: 91].

Стереотип №5. «В Китае все пользуются продуктами внутреннего рынка». Однако и у китайцев активно наблюдается склонность к «вещизму», и тенденция к стремлению быть как все. Поэтому очень часто они приобретают импортные, дорогие вещи [Паньпань 2017: 32].

Стереотип №6. «В Китае обязательно нужно сделать поклон при встрече и при прощании». Этот стереотип сложился в результате того, что многие люди считают культуры КНР и Японии одинаковой. На самом деле подобный жест характерен для Японии [Абдрахимов 2018: 18].

Несмотря на передовое развитие, технический прогресс, традиции и суеверия для китайцев занимают важное место в социокультурной сфере. Об этом свидетельствует анализ национально-культурных особенностей страны на основе теории измерения культур Г. Хофстеде: Китай страна с высокой дистанцией власти (инициатива отдается старшим по возрасту), культуре КНР присущ коллективизм и склонность к рискам; мужское преобладает над женским. [Хофстеде 1980: 128].

В заключение следует констатировать, что между различными культурами существуют значительные поведенческие различия. Поведенческие культурные установки влияют на общение между людьми из разных культур, в результате чего могут возникать коммуникационные барьеры. Такие барьеры могут стать причиной недостатка эффективной коммуникации. Китайская культурная традиция в данном контексте, может быть причислена к наиболее сложным для понимания поведенческим установкам. При этом следует помнить, что философская основа, ставшая фундаментом культуры Китая, является богатейшим наследием и сформирована на основе исторического опыта и национальной мудрости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пос. для высших учебн. заведений / Е.Н. Беляева. – Омск, 2016. – 208 с.
2. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая / С.М. Георгиевский. – СПб.: Ленанд, 2015. – 304 с.
3. Куликов В.С. Китайцы о себе / В.С. Куликов. – М.: Политиздат, 1989. – 254 с.
4. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе / Р.Д. Льюис – М.: Дело, 2014. – 448 с.
5. Паньпань Х. Китайские традиции и обычаи / Х. Паньпань. – М.: Шанс, 2017. – 272 с.
6. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами / М.И. Сладковский. – М.: Мысль, 1984. – 381 с.
7. Собольников В.В. Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев / В.В. Собольников. – Новосибирск: НГПУ, 2017. – 160 с.
8. Стереотипы о китайцах [Электронный ресурс]. – URL: <https://bkrs.info/taolun/thread-5144-page-6.html>.
9. Hall E.T. Understanding Cultural Differences / E.T. Hall, M.R. Hall. – Yarmouth, ME: Intercultural, 1990. – 196 p.
10. Hofstede G. Culture's Consequences / G. Hofstede. – Beverly Hills: Sage. 1980. – 475 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

11. Абдрахимов Л.Г. Традиционные представления китайцев о семье и семейных ценностях, о роли семьи в обществе и государстве, получившие отражение в китайских пословицах и поговорках: Китайско-китайский тематический словарь / Л.Г. Абдрахимов, Л.А. Рудс, В.В. Ткачук. – М. Восточная книга, 2018. – 128 с.

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE CHINESE CHARACTER

O.V. Suslova, E.A. Ezhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The article deals with the peculiarities of the national identity of the people of China, the features of Chinese culture as a factor and conditions of cultural influence and behavioral characteristics. Turning to the theories of E. Hall, Richard D. Lewis and G. Hofstede assesses the conditions of self-perception and cultural traditions of the Chinese and a rationale for the Chinese national character.

Key words: national character, intercultural communication, identity, self-perception, stereotype.

Об авторе:

СУСЛОВА Оксана Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета, *e-mail:* suslovaoksana@yandex.ru,

ЕЖОВА Екатерина Александровна – студентка кафедр английского языка Челябинского государственного университета, *e-mail:* eaezhova@gmail.com

УДК 81

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «PEINTURE» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

А.М. Тананаева, Н.Н. Дюмон

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Статья посвящена рассмотрению структурных особенностей ЛСГ «Peinture» во французском языке, представляющие собой класс единиц, имеющих свои отличительные признаки. Также особое внимание уделяется специфике, структуре и основным компоненты ЛСГ, а также семантическому и семиотическому содержанию ЛСГ «Peinture» во французском языке.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, семантическая структура, синонимичный ряд.

Лексикой любого языка является целостное единство взаимообусловленных элементов. Все слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а в тесной взаимосвязи, образуя при этом системы, построенные на различных основаниях, таких, как семантико-грамматический, словообразовательный и семантический.

Э.В. Кузнецова говорит о том, что «лексическую систему следует представлять не как сеть оппозиционных связей отдельных слов, а как сложное взаимодействие словесных групп и рядов. Значимость каждого отдельного слова может быть выявлена только с учётом всех его «вхождений» в те или иные классы слов» [Кузнецова 1989: 51].

Выделяются такие свойства лексической системы французского языка

как:

1) огромное количество объектов, несравнимое с числом единиц других уровней. Фактически, в знаменательной лексике языка представлен целый мир лексических значений, поскольку именно слово является простейшим знаковым средством называния фрагмента действительности.

2) открытый характер; французский язык представляет собой длительно эволюционирующую систему, по тому, как по мере развития и усложнения общества его культура растет, так и разветвляется, увеличивается и дифференцируется лексическая система языка.

3) постоянная изменяемость; лексика является самым подвижным уровнем языка. Данный уровень в наибольшей степени отражает изменения в различных сферах жизни (некоторые слова устаревают и постепенно уходят из языка, другие появляются или заимствуются из других языков).

Основными путями обогащения словарного состава современного французского языка являются изменение и развитие значений слов, словообразование, образование раздельнооформленных лексических единиц, заимствование.

Лексика представляет собой не простое множество слов, так как ни одно слово не существует в языке изолированно, слова взаимосвязаны между собой и зависят друг от друга, в целом они, образуя систему. Весь словарь языка представлен как система взаимосвязанных, а также и перекрещивающихся лексико-семантических групп. Одно многозначное слово может включаться одновременно в ряд ЛСГ.

Например, В.Г. Гак говорит о том, что «парадигматические связи объединяют слова в так называемые лексико-семантические группы или семантические поля» [Гак 1998: 8]. Из этого можно увидеть, что он не разграничивает два эти термина.

Но существует и другая точка зрения на понятие лексико-семантической группы. Так, например, В.И. Кодухов даёт такое иное определение ЛСГ: «Лексико-семантические группы (их называют также лексико-тематическими группами) объединяют слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности, и в этом отношении они сближаются с тематическими, терминологическими и синонимическими группами слов» [Кодухов 2001: 178].

Структурой лексико-семантической группы будут являться такие понятия как: ядро, ближняя периферия и дальняя периферия. В качестве ядра выступает базовое слово т.е. наиболее приближенное к лексико-семантической группе или базовому синонимическому ряду. В качестве ближней периферии выступают ближайшие синонимы определенной семы, а в виде дальней периферии выступают синонимы, но с более отдаленным значением.

Рассмотрим такое понятие как «Peinture» – «Art de l'artiste peintre;

ensemble des œuvres d'un peintre, d'un pays, d'une époque – «Искусство художника; набор работ художника, страны, эпохи». В другом информационном источнике представленное понятие трактуется следующим образом: «L'art de peindre, le métier de peindre» – «Искусство рисования, ремесло рисования». Слово Peinture является ядром, т.е. базовым словом.

Периферию ЛСГ составляют лексические единицы с наибольшим количеством дифференциальных и синтагматических сем. Ими могут быть специальные слова (т.е. термины), а также слова с коннотативным и ассоциативным элементом значения. В данном случае в качестве периферии выступают такие слова, как fresque, portrait, piéta, tableau, toile, paysage, cliché, dessin, photographie. Для определения синонимичного ряда были использованы данные «Краткого словаря синонимов французского языка» [Андреевская-Левенстерн 1959: 112]. Ближайшими словами синонимичного ряда выбранной лексической единицы являются esquisse и ébauche

Лексика языка непосредственно отражает реальную действительность. Говоря о непрерывном пополнении лексики, следует отметить, что каждое новое явление, открытое в науке, изобретение тех или иных машин транспортных средств, лекарств, предметов домашнего обихода – все это получает свои наименования, при этом либо создаются новые слова и словосочетания, либо используются прежние слова с новым значением. Основное назначение лексической единицы – функция наименования.

В лексико-семантическую группу «Peinture» ходят такие слова, как:

- Architecte – архитектор; от др.-греч. ἀρχιτέκτων «архитектор, зодчий»
- Architecture – архитектура; от лат. architectus
- Bas-relief – барельеф; от фр. bas-relief «низкий рельеф»
- Collection des tableaux - собрание (коллекция) картин; от лат. Collectio
- Dessin – рисунок; от фр. dessin
- Excursion – экскурсия; от лат. excursio
- Fontaines – фонтаны; англ. Fontaine
- Fresque – фреска; от итал. fresco — свежий
- Gravure – гравюра; фр. gravure от нем. Graben
- Marbre – мрамор; др.-греч. μάρμαρος
- Musée – музей; от греч. μουσεῖον
- Nature morte – натюрморт; фр. nature morte, с итальян. natura morta
- Restauration – реставрация; лат. restavratio

Из вышеперечисленных слов следует понять, что основной корпус терминологии в области живописи объединяет как собственно французские слова, так и заимствованные слова греческого, итальянского и латинского происхождения. Именно эти языки на протяжении средних веков, эпохи Возрождения и Нового времени были языками культуры мирового значения.

Было установлено, что спецификой лексико-семантической структуры французского языка является большое количество объектов, открытый характер данного языка и непрерывная изменяемость его лексического со-

става.

В парадигматическом плане ЛСГ французского языка определяется количеством входящих в нее компонентов спецфткой ее внутренней организацией и набором дифференциальных семантических и феноменологических признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763с.
2. Кодухов В.И. Введение в языкознание / В.И. Кодухов В.И. – М.: Высшая школа, 2001. – 288 с.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Уч.пособие для филол. ф-тов. ун-тов / Э.В. Кузнецова. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Вышш. школа, 1989. – 216 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

4. Андреевская-Левенстерн Л.С. Краткий словарь синонимов французского языка: пособие для учителей средней школы / Л.С. Андреевская-Левенстерн. – М.: Учпедгиз, 1959. – 94 с.
5. Dictionnaire historique de la langue française: en 2 v. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 1992. – 2 v.

STRUCTURAL FEATURES OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP «PEINTURE» IN THE FRENCH LANGUAGE

A.M. Tananaeva, N.N. Dumon,

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The article describes the structural features of the LSG «Peinture» in the French language, including units with their own distinctive features. Special attention is paid to the specifics, structure and main components of LSG.

Key words: *lexical-semantic group, lexeme, semantic structure, synonymous series.*

Об авторах:

ТАНАНАЕВА Алена Михайловна – студентка Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* AT15061998@mail.ru

ДЮМОН Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Северо-Кавказского федерального университета, *e-mail:* djumon18@mail.ru

УДК 811.112.2'28

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПОТЕНЦИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ КАК РАЗНОВИДНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В АВСТРИИ

В.А. Чукшис

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево

В статье рассматриваются языковые особенности австрийских диалектов. Делаются выводы о потенциале и тенденциях развития диалектов как разновидности немецкого языка в австрийском национальном варианте.

Ключевые слова: австрийский национальный вариант немецкого языка, разновидности немецкого языка в Австрии, австрийские диалекты.

Проблема изучения особенностей современного немецкого языка в Австрии, а также функционирования австрийских диалектов продолжает сохранять актуальность и научную значимость.

Н.И. Филичева [Филичева 1983: 102] акцентирует внимание на том, что австрийские диалекты распадаются на следующие группы: севернобаварские, среднебаварские со среднеавстрийскими, южнобаварские с южноавстрийскими. Диалект федеральной земли Форарльберг относится к верхнеалеманнским диалектам и отличается от других диалектов Австрии языковыми особенностями.

Рассмотрим на основе современных диалектологических источников [Ebner 1998; Moser 2013; Hornung 1998] основные особенности различных групп диалектов Австрии.

I. Особенности среднеавстрийских диалектов

1. Дифтонгизация **u > ue, ua; ū > ia, ua; i > ia: вен.** (венский диалект) *Vua* 'Bub', *Vuach* 'Buch', *Vuag* 'Burg', *Dua* 'Tor', *Duach* 'Tuch', *duan* 'tun', *miasn* 'müssen'; *Bia* 'Birne', *biatn* 'bieten'.

2. Дифтонгизация **a > ao, qa; o > qu; e > äi; ū > ia, ea: зальц.** (диалект Зальцбурга) *dao* 'da', *Brqud* 'Brot', *Gäit* 'Geld', *läisa* 'lesen', *Bleame* 'Blume'.

3. Монофтонгизация **вен. ei > a; au > a: i man** 'ich meine', *i waß* 'ich weiß', *hassn* 'heißen', *wach* 'weiche'; *bameln* 'baumeln', *Dana* 'Donau'; **нижн. австр.** (диалект Нижней Австрии) **ei > a: brad** 'breit'; *lad* 'leid'; *glan* 'klein'.

4. вокализации **l, r:** например, **вен.** *Gqadn* 'Garden', *Bqad* 'Bart', *Bqi* 'Ball', *Bqikn* 'Balken', *Hoiz* 'Holz', *Goid* 'Gold', *Foik* 'Volk', *Woif* 'Wolf'; **верхн. австр.** (диалект Верхней Австрии) *khian* 'kehren'; *fuat* 'fort'; *duat* 'dort'.

5. редукция префикса **ge-** у существительных и глаголов в Partizip II: **вен.** *Gschefd* 'Geschäft'; *Ghüf* 'Gehilfe', *g'habt* 'gehabt', *gfoin* 'gefallen', *gfundn* 'gefunden', *ghqidn* 'gehalten', *gschen* 'geschehen'.

6. неразличение по произношению согласных **b, d, g** и **p, t, k:** **вен.**

b(p)ʦkn ‘packen’; *b(p)feiffm* ‘pfeifen’; **нижн.австр.** *B(p)leamö* ‘Blume’; **верхн.австр.** *B(p)oa* ‘Bein’; **бург.** (диалект Бургенланда) *d(t)ianat* ‘unruhig, nervös’; *D(t)oukta* ‘Doktor’ и т.д.

7. переход согласных [p] > [b]; [t] > [d]; [k] > [g]; [n] > [m]; [g] > [x]; [r] > [ʃ] в корне слова: **вен.** *zabln* ‘zappeln’; *Bred* ‘Brett’; *esch* ‘erst’; *Duscht* ‘Durst’; **бург.** *Hamd* ‘Hand’; **нижн. австр.** *mocha* ‘mager’; *Jocha* ‘Jahr’; *wʦaschtn* ‘warten’; *Qaschd* ‘Ort’.

II. Особенности южноавстрийских диалектов

1. Дифтонгизация *e* > *ea*; *e* > *öi*; *o* > *ʦa*, *ou*; *ō* > *ui*, *ea*; *ū* > *ua*, *ie*; *u* > *ua*, *ue*: **тироль.** (тирольский диалект) *Schneʦa* ‘Schnee’, *Pöix* ‘Pech’, *hʦach* ‘hoch’, *rʦat* ‘rot’, *grouʦ* ‘groß’, *šuin* ‘schön’.

2. Монофтонгизация **тироль.** *au* > *a*: *Lab* ‘Laub’; *Rakx* ‘Rauch’; *Sam* ‘Saum’.

3. наличие вокализации *l*, *r*: например, **тироль.** *Heaz* ‘Herz’; **каринт.** (диалект Каринтии) *Bʦad* ‘Bart’; *Wʦid* ‘Wald’; *Goöd* ‘Geld’; **штир.** (диалект Штирии) *Hʦaht* ‘Herd’.

4. В области вокализма южноавстрийских диалектов присутствуют определенные характерные особенности. Рассмотрим примеры из тирольского диалекта: 1) выпадение редуцированного [ə] на конце некоторых существительных, в префиксе *ge-*, а также в инфинитиве глаголов, оканчивающихся на *-en*. Ср.: *Bruck* ‘Brücke’; *gsunga* ‘gesungen’; *gkxaft* ‘gekauft’, *Gfar* ‘Gefahr’, *streitn* ‘streiten’; *schreibn* ‘schreiben’; 2) приобретение умлаута некоторыми модальными глаголами: *söllen* ‘sollen’, *wöllen* ‘wollen’.

5. Одну из характерных черт южноавстрийских диалектов составляет наличие перебоя [k] > [kx] в начале слова. Рассмотрим данное явление на примерах из диалектов Тироля, Штирии и Каринтии. Ср.: **тироль.** *Kxruieg* ‘Krug’, **штир.** *khlʦan* ‘klein’; *khrounkch* ‘krank’; **каринт.** *Kxrachane* ‘Lederhose’.

III. Особенности верхнеалеманнского диалекта Форарльберга

Для верхнеалеманнского диалекта Форарльберга в области вокализма характерно присутствие долгих гласных в корнях слов. Например, *Biira* ‘Birne’; *bliiba* ‘bleiben’; *Bloosa* ‘Blase’; *Doopa* ‘Finger’; *Füür* ‘Feur’; *Haag* ‘Zaun’; *ii* ‘ich’; *Kaanta* ‘Kanne’; *Käär* ‘Keller’; *Laamp* ‘Lampe’; *Mää* ‘Männer’; а также произнесение долгого [a:] в конечном звуке слова: *bloosa* ‘blasen’; *düta* ‘deuten’; *irgra* ‘ärgern’; *füüla* ‘fühlen’; *grüaʦa* ‘grüßen’; *kööra* ‘gehören’; *moola* ‘malen’; *roota* ‘reiten’; *segga* ‘sagen’; *tala* ‘teilen’; *würma* ‘wärmen’; *zaala* ‘zahlen’.

Сравнивая особенности суффиксального словообразования имен существительных в баварско-австрийских диалектах и в верхнеалеманском диалекте австрийской федеральной земли Форарльберг, обозначим в диалекте Форарльберга высокую продуктивность слов с алеманскими дими-

нутивными диалектными суффиксами *-li*; *-le*, характеризующиеся разнообразием значений: *Bäbeli* ‘Puppe’; *Mänli* ‘Mann/Männchen’; *Plätzli* ‘Platz’; *Fäärli* ‘Ferkel’; *Hüendli* ‘Huhn’; *Döörfli* ‘Dorf’ и др.

Говоря об особенностях образования глаголов в диалекте Форарльберга, отметим также высокую продуктивность суффикса *-la*: *buttla* ‘fleißig arbeiten’; *dachla* ‘regnen’; *döttarla* ‘dämmern’; *drüllla* ‘drehen’ и др.

Имена прилагательные образуются в Форарльберга диалекте как с помощью характерного для литературного немецкого языка суффикса *-ig* (*bäärig* ‘toll’; *feandrig* ‘letztjährig’; *flüßig* ‘fleißig’), так и при помощи типично диалектного суффикса *-le*. Приведём примеры: *engschtle* ‘ängstlich’; *gföörle* ‘gefährlich’; *woadle* ‘schnell, rasch’.

Во многих лингвистических трудах диалект рассматривается как отклонение от нормы, как разновидность языка, противопоставленная литературному языку, употребляемая на строго ограниченной территории.

Мы рассматриваем понятие «диалект» не просто как форму существования (разновидность) национального языка, но и как важное средство национальной (региональной) идентификации, используемое всеми слоями населения Австрии.

Оценивая перспективы существования австрийских диалектов, мы отмечаем их высокую социальную престижность. Так диалектная речь характерна не только для сельского населения Австрии. Городское население, представляющее различные слои общества (рабочие, служащие, интеллигенция), использует диалекты в повседневном общении как правило в кругу семьи и среди знакомых. Языковая ситуация в современной Австрии характеризуется тем, что территориальные австрийские диалекты проникают в общественную жизнь через СМИ, кино, телевидение и прочие сферы как в устной, так и в письменной форме.

Среди диалектов Австрии особое место занимает венский городской диалект, который является самым популярным австрийским диалектом, оказывающим влияние не только на другие территориальные диалекты, но и на австрийский обиходно-разговорный и литературный язык.

Дальнейшее развитие австрийских диалектов как разновидности немецкого языка в Австрии может привести к их сближению с литературным и обиходно-разговорным языком и формированию на их основе региональных языков (региолектов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка / Н.И. Филичева Н.И. – М.: Высшая школа, 1983. – 191 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

2. Ebner J. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. 1998. – 381 S.
3. Hornung M. Wörterbuch der Wiener Mundart. – Wien: Pädagogischer Verlag. 1998. – 744 S.

4. Moser H. Das Radio Tirol Wörterbuch der Tiroler Mundarten. – Innsbruck-Wien: Haymon Taschenbuch, 2013. – 335 S.

**TO THE QUESTION
OF LANGUAGE PECULIARITIES AND POTENTIAL OF DIALECTS
AS VARIETIES OF GERMAN IN AUSTRIA**

V.A. Chukshis

State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuevo

The article examines the language peculiarities of Austrian dialects. The conclusions about the potential and tendencies of development of Austrian dialects as the variety of German in Austrian national variant are made in the article.

Key words: Austrian national variant of German, varieties of German in Austria, Austrian dialects.

Об авторе:

ЧУКШИС Вадим Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Государственного гуманитарно-технологического университета, *e-mail:* vadchs@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Методика преподавания иностранного языка

<i>Алтаева В.И.</i> Песенный материал в обучении английскому языку.....	4
<i>Белова Е.И.</i> Использование мобильных технологий в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых направлений.....	7
<i>Ветлугина Н.О.</i> Организационные аспекты применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.....	10
<i>Карабанова О.Н.</i> Применение учебных игр на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.....	13
<i>Кожевникова Е.В.</i> Особенности менталитета и формирования культуры общения у студентов Ижевской сельскохозяйственной академии на занятиях по иностранному языку.....	19
<i>Легостаева О.В.</i> Развитие билингвальной компетенции студентов на основе этнокультурного подхода при обучении родному (русскому) и иностранному (английскому) языкам.....	25
<i>Михайлова И.В.</i> Формирование культурологических и исторических представлений у студентов-иностранцев в техническом вузе.....	28
<i>Муханбетжанова Р.С.</i> Использование новых технологий в преподавании английского языка.....	32
<i>Околелов К.В.</i> Толерантность как профессионально значимое качество личности.....	36
<i>Пономарева М.Ю.</i> Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку в вузе.....	40
<i>Пономарева М.Ю., Г.Н. Никищенко.</i> Роль текста в процессе обучения иностранному языку в вузе с применением дистанционных образовательных технологий.....	44
<i>Потепкина В.В.</i> К вопросу о коммуникативной уверенности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе.....	48
<i>Чухно А.А., Д.А. Заславнов.</i> Формирование и совершенствование навыков и культуры использования мобильных приложений на уроках английского языка (на примере урока, посвященного теме <i>English for IT</i>).....	53
<i>Шахин О.В.</i> Опыт применения герменевтических техник понимания при работе с англоязычными текстами.....	59
<i>Юрданова В.Н.</i> Мобильное обучение английскому языку.....	63

Лингвистические аспекты иностранных языков

<i>Гамар М.В.</i> О некоторых лексико-семантических группах местоименных глаголов во французском языке.....	69
<i>Дюмон Н.Н., В.Г. Гудимова.</i> Лексические особенности французской рекламы продуктов косметики и парфюмерии.....	73
<i>Дюмон Н.Н., А.А. Болотова.</i> Особенности диалектной лексики со-	

временного французского языка.....	77
<i>Минеев Д.В.</i> Микроформы языковой игры в английском дискурсе масс-медиа.....	84
<i>Сергеева Е.П.</i> Сопоставительный анализ слоговых структур немецкого и русского языков.....	88
<i>Ткаля А.В.</i> Лексика дотракийского языка как отражение культурных констант вымышленного народа.....	94
<i>Чолокян В.Т.</i> Сходства и различия между компьютерным жаргоном и сленгом.....	99

Теория языка

<i>Атаманская Е.И.</i> Определение понятия «пространство» в современной лингвистике.....	109
<i>Багрова Е.Ю.</i> Субъективное воздействие в историческом нарративе....	112
<i>Баклагова Ю.В.</i> Модальный потенциал катенативного глагола <i>dare</i> в английском языке.....	117
<i>Генералов В.А.</i> Анализ семантического субстрата английской лексемы <i>thing</i>	122
<i>Горбунова В.В.</i> Специфика ономастикона в романе Ф.Гэн « <i>Kiffe kiffe demain</i> » (на примере женской номинации).....	132
<i>Дзюба А.А.</i> Трансформация образа героя в интертекстуальном дискурсе (на материале оригинала и перевода).....	137
<i>Дымова А.В.</i> Метафорическая модель « <i>RED – ANGER</i> » на вербальном и иконическом уровне американского рок-дискурса.....	142
<i>Зиновьева Е.М.</i> Понятие мотивационной оппозиции в системе фитонимических номинаций.....	146
<i>Клементьева Н.Н.</i> К вопросу о разграничении понятий языковая и дискурсивная личность в современной лингвистике.....	150
<i>Малкова А.И., Л.Н. Мирошниченко.</i> Функциональные особенности средств художественной выразительности в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».....	155
<i>Неустроева С.Е.</i> Полифункциональность политического дискурса.....	160
<i>Новгородов И.Н., Г.И. Варламова.</i> Устойчивый словарный фонд восточного наречия эвенкийского языка.....	163
<i>Новгородов И.Н., В.С. Федоренкова.</i> Устойчивый словарный фонд западного наречия эвенского языка.....	168
<i>Ткаля А.В.</i> Использование стратегии убеждения в дискурсе произведений Д. Брауна.....	174
<i>Яценко Е.В.</i> Роль делового текста в переговорном коммуникативном процессе.....	180

Переводоведение

<i>Алтыспаева З.Т.</i> Особенности передачи безэквивалентной лексики	
--	--

при переводе романа Л. Толстого «Война и мир».....	188
<i>Злобин А.Н., Т.В. Злобина.</i> Специфика перевода содержательной части документов об образовании.....	193
<i>Кривда Е.С.</i> К проблеме перевода документов брачно-семейной сферы РФ и ФРГ.....	198
<i>Молодкин М.О.</i> Лингвостилистические средства репрезентации описания в английском научно-фантастическом романе как переводческая проблема.....	203
<i>Серебряков П.А.</i> Основные проблемы локализации видеоигр.....	207
<i>Таюрский В.Д.</i> Риторика убеждения в американской политической коммуникации как переводческая проблема.....	212

Лингвокультурология

<i>Бахмутова В.Д.</i> Этнокультурные коллокации как компонент формирования коммуникативной компетенции.....	218
<i>Грицкевич Е.С., Н.Н. Дюмон.</i> Национально-культурная специфика формул речевого этикета во французском и русском языках.....	221
<i>Ковтун А.К.</i> Вклад В.П. Васильева в развитие отечественного китайведения.....	225
<i>Кошелева С.В.</i> Межкультурная коммуникация: от теории к практике..	228
<i>Муханбетжанова Р.С.</i> Образ женщины во французских рекламных текстах.....	233
<i>Суслова О.В., Е.А. Ежова.</i> Национально-культурные особенности китайского характера.....	238
<i>Тананаева А.М., Н.Н. Дюмон.</i> Структурные особенности лексико-семантической группы «reinture» во французском языке.....	243
<i>Чукишис В.А.</i> К вопросу о языковых особенностях и потенциале диалектов как разновидности немецкого языка в Австрии.....	247